

ISSN 2782-2966

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 1 • № 3 • 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Тематика журнала:

- философия (09.00.00, специальности: 09.00.01, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.13),
- социология (22.00.00, специальности: 22.00.03, 22.00.04, 22.00.08),
- литературоведение (10.01.00, специальности: 10.01.01, 10.01.08).

Журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Л.Г. Тютелова, д-р филол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Т.Ю. Децова, канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. +7 (846) 3345406

E-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель и учредитель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета
443086, Российская Федерация, Самара, Московское шоссе,
34, корп. 22 а, 312 б.

Корректура – *И.В. Ахматова*

Компьютерная верстка, дизайн – *И.В. Ахматова*

Информация на английском языке – *А.В. Комаров*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-79678** от 27.11.2020 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN 2782-2966

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера.

Подписано в печать 07.10.2021. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 12,25.

Тираж 200 экз. Заказ №

© Самарский университет, 2021

Редакционная коллегия

К. Аймермахер, д-р филол. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

В.И. Аршинов, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

П.Н. Барышников, д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Т.В. Бернюкевич, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

В.Ю. Бочаров, канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. Вербер, д-р филол. наук, проф. (Зигенский университет, Зиген, Германия)

М.Н. Вольф, д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Н.В. Головкин, д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

И.В. Дёмин, д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Д.И. Дубровский, д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

В.Е. Лепский, д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

М.Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

В. Лопичич, д-р филол. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Н.П. Малютина, д-р филол. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

А.И. Мангарова, д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

И. Пёрцген, д-р филол. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

П. Ристхаус, д-р филол. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

С. Томашчикова, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

И.А. Христов, д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Г. Шольц, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Н.А. Ястреб, д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

ISSN 2782-2966

SAMARA
UNIVERSITY

Samara National
Research University

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 1 • no. 3 • 2021

Remit of the journal:

- **philosophy** (09.00.00, specialties: 09.00.01, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.13),
- **sociology** (22.00.00, specialties: 22.00.03, 22.00.04, 22.00.08),
- **literature studies** (10.01.00, specialties: 10.01.01, 10.01.08).

The journal "Semiotic Studies" is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, significs (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas' testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

A.Yu. Nesterov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

L.G. Tyutelova, Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive Editor

T.Yu. Deptsova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial office address:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.

Tel. +7(846) 3345406

E-mail: semiotic@ssau.ru

www: <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher and Founder: Samara National Research University, Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Proofreading – *I.V. Akhmatova*

Computer layout, design – *I.V. Akhmatova*

Information in English – *A.V. Komarov*

The mass media registration certificate **III No. ФС77-79678** as of 27.11.2010 is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

ISSN 2782-2966

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used while creating the cover design.

Passed for printing on 07.10.2021. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheet. 12,25.

Circulation 200 copies. Order No.

© Samara National Research University, 2021

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Editorial board

K. Eimermacher, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

V.I. Arshinov, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

P.N. Baryshnikov, Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)

T.V. Bernyukevich, Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)

V.Yu. Bocharov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N. Werber, Dr. philol. habil., Professor (University of Siegen, Siegen, Germany)

M.N. Volf, Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

N.V. Golovko, Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)

I.V. Demin, Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

D.I. Dubrovsky, Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

V.E. Lepskiy, Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

M.N. Lipovetsky, Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)

V. Lopichich, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)

N.P. Maliutina, Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)

A.I. Mantarova, Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

Y. Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)

P. Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)

S. Tomashchikova, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Koshits, Slovakia)

I.A. Hristov, Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University "Paisii Hilendarski", Plovdiv, Bulgaria)

G. Scholtz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

N.A. Yastreb, Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

Быльева Д.С. Визуальный синтаксис в социальных сетях	6
Ryabov V.S., Serikov A.E. Signs and meanings of sacrifice in J.K. Rowling's «Harry Potter and the Philosopher's Stone»	13
Moiseeva A.Yu. D. Chalmers and J. Perry on zombie problem and the content of phenomenal concepts	20

Литературоведение

Сейбель Н.Э., Шебельбайн Я.О. Акустические пространства драматургических коллажей Фрица Катера	24
Болдырева Т.В. Медиаформаты постдраматического театра	33
Лепишева Е.М. Свои «чужие»: тенденции развития русской и белорусской драматургии последней трети XX – начала XXI века	39

Социология

Буткалюк В.А. Социально-экономическое неравенство как ключевой вызов современности	50
Малаканова О.А., Орлова Т.П. Электронная информационно-образовательная среда университета: социологический анализ (на примере Самарского университета)	59
Баева Е.С. Независимая оценка качества работы учреждений социальной сферы: эволюция законодательных и методологических рамок	74
Khosueva S. Historiography of Arabic influences on Mozarabic: theory and history (711–1492)	83
<i>Требования к оформлению статей.</i>	92

CONTENTS

Philosophy

Bylieva D.S. Visual syntax in social media	6
Ryabov V.S., Serikov A.E. Signs and meanings of sacrifice in J.K. Rowling's «Harry Potter and the Philosopher's Stone»	13
Moiseeva A.Yu. D. Chalmers and J. Perry on zombie problem and the content of phenomenal concepts	20

Literature studies

Seibel N.E., Shebelbayn Ya.O. Acoustic spaces of Fritz Kater's dramatic collages	24
Boldyreva T.V. Media formats of post-drama theater	33
Lepisheva E.M. «Us them»: trends in the development of Russian and Belarusian dramaturgy of the last third of the XX – beginning of the XXI century	39

Sociology

Butkaliuk V.A. Socio-economic inequality as a key challenge of our modernity	50
Malakanova O.A., Orlova T.P. Electronic information and educational environment of the University: sociological analysis (as exemplified by Samara National Research University)	59
Baeva E.S. Independent assessment of the work quality of social organizations: evolution of the legislative and methodological frameworks	74
Khosueva S. Historiography of Arabic influences on Mozarabic: theory and history (711–1492)	83
<i>Requirements to the design and layout of articles</i>	92

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 003.2

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-3-6-12

Дата: поступления статьи: 20.07.2021
после рецензирования: 10.09.2021
принятия статьи: 30.09.2021

Д.С. Быльева

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: bylieva_ds@spbstu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7956-4647>

Визуальный синтаксис в социальных сетях

Аннотация: современные технологии кардинально изменили сферу коммуникации. Одним из интересных проявлений является доминирование визуального способа подачи информации в социальных сетях. Несмотря на то, что фоториторика в социальных сетях обычно не отличается сложностью и ограничивается констатацией отдельных фактов, существуют более сложные фигуры визуального синтаксиса. В статье проанализированы варианты создания двойного смыслового плана изображений, позволяющие разворачивать коммуникацию во времени, а также продемонстрированы визуальные метафоры в социальных сетях на примере образа 2020 года.

Ключевые слова: знак; визуальный синтаксис; коммуникация; социальные сети; визуальная метафора.

Цитирование: Быльева Д.С. Визуальный синтаксис в социальных сетях // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 3. С. 6–12. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-6-12>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Быльева Д.С., 2021** – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

SCIENTIFIC ARTICLE

D.S. Bylieva

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic
University, St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: bylieva_ds@spbstu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7956-4647>

Visual syntax in social media

Abstract: modern technologies have fundamentally changed the sphere of communication. One of the interesting social media characteristics is the prevalence of the visual transmission mode. Regardless of the fact that photo-rhetoric in social networks usually lacks complexity and is often limited to the statement of facts, there exist more complex forms of visual syntax. The article analyses the options for creating a twofold semantic conception of images, enabling communication to expand temporally. Moreover, there have been demonstrated the visual metaphors in social networks as exemplified by 2020 gestalt.

Key words: sign; visual syntax; communication; social media; visual metaphor.

Citation: Bylieva, D.S. (2021), Visual syntax in social media, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no.3, pp. 6–12, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-6-12>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Bylieva D.S., 2021** – PhD, Associate professor, Department of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29, Polytechnicheskaya Street, St. Petersburg, 195251, Russian Federation.

Введение

Технологии становятся одним из ключевых факторов, определяющих жизнь современного общества (Pokrovskaja and Tyulin 2021; Евсеева и др. 2020; Филипова 2021). Особенно наглядно можно проследить, как формы и способы коммуникации меняются под влиянием технологий (Coeckelbergh 2020). Стало возможным постоянное поддержание связи со множеством коммуникаторов, синхронная и асинхронная мультимедийные коммуникации с использованием многообразных сервисов и средств. Однако рост возможностей сопровождается изменениями коммуникативных практик. Из коммуникации практически исчезло рукописное письмо, все меньше используется голос (Ingold 2020). Язык упрощается, стандартизируется и становится предсказуемым (Auroga 2021). В то же время одной из интересных тенденций становится возрастание роли визуального контента в коммуникативном потоке и аналитической деятельности (Agranovski and Avilova 2021; Mokhorov and Mokhorova 2021). Смайлы, эмодзи, эмотиконы, мемы, разнообразные изображения из сети и собственные фотографии становятся важной частью межличностной коммуникации. Мгновенность и легкость считывания визуальной информации способствует ее широкому распространению в сети. Согласно теории двойного кодирования (Dual Coding Theory) М. Садовски и А. Пайвио, вербальный текст обрабатывается последовательно (или линейно), тогда как для обработки визуальной информации существует пространственная параллельная когнитивная структура (Sadoski and Paivio 2013). Изображения, то есть иконические знаки по терминологии Ч. Пирса (Peirce 1932), подобны означаемому и этим отличаются от символических (в частности, букв, слов), связанных с референтом конвенционально, что требует знания значений символьных знаков. Поэтому визуальная коммуникация в сетевом пространстве оказывается межкультурной, не требующей знания натуральных языков. Некоторые авторы указывают, что визуализация позволяет глубже проникнуть в суть идеи, «от ее внутренней ясности, простоты и эффективности до ее нравственного или иронического содержания» (Пендикова 2016, с. 55).

Распространение цифровой фотографии и популярность социальных сетей сделали фото современным способом самовыражения человека. Новые технологии настолько облегчили создание и размещение фотографий, что визуальный язык может соперничать с вербальным. Одна фотография может заменить длинное описание местоположения, окружающего, внешнего вида и переживаемых эмоций пользователя. Постоянный спутник современного человека смартфон делает возможным мгновенно запечатлеть ускользающее настоящее. Н.М. Богданова отмечает две главные черты

«мобилогграфии» – подвижность и незаметность, что позволяет «поймать момент», отразить повседневность (Богданова 2018). Однако помимо легкости процесса фотографирования важную роль играет последующее размещение изображения в социальных сетях, что во многом определяет его смысл и придает фотографии статус «сообщения». И.С. Бочарникова отмечает, что сегодня в социальных сетях происходит визуальная коммуникация, с помощью фотографий пользователи сообщают другим о событиях, фактах, о том, чем они заняты в данный момент и др. (Бочарникова 2019). Наиболее популярными фотографиями, размещаемыми пользователями в социальных сетях, являются изображения себя (селфи) или непосредственно связанного с собой (детей, любимых, питомцев, еды, хобби и т.д.), реже происходящего вокруг. Как пишут С.Ю. Ермолаева, А.Д. Липартия, социальная фотография делает реальным то, что было пережито. Стремление доказать и поделиться своим опытом с фотографическими доказательствами преобладает в социальных медиа (Ермолаева, Липартия 2021, с. 254). Однако было бы неверным считать автора фотографии всего лишь передающим уже имеющийся смысл, именно фотокоммуникация наделяет смыслом происходящее, придает определенность ускользающему бытию. Как отмечает К. Дженкс, мир не является сформированным, жаждущим быть увиденным, видение – это культурная практика, требующая навыков (Jenks 2002). Визуальные сетевые сообщения становятся способом утверждения реальности.

В отличие от вербального языка, с помощью которого большинство способно выразить разнообразные смыслы, виртуозное владение иконическим языком принадлежит специалистам – фотографам, дизайнерам, художникам, иллюстраторам, рекламистам и др. Что связано прежде всего со сложностью оперирования иконическими знаками и отсутствием их словаря. Грамотное владение программами, позволяющими свободно оперировать визуальными объектами, на текущий момент не является широко распространенным, поэтому большинство пользователей сети пользуется для редактирования фотографий только разнообразными фильтрами и «масками», как правило позволяющими улучшить внешность и добавить разнообразные эффекты. Наиболее радикальные варианты позволяли менять пол или возраст или персонажей лицами. Однако в данном случае авторы могут пользоваться только стандартным набором обработки изображений, то есть могут добавить к собственному контенту только заранее предусмотренные разработчиком знаки или фигуры визуального синтаксиса (добавить крылья или рога, вид с Эйфелевой башни или лунный пейзаж, создать образ врача или киноперсонажа). Поэтому несмотря на то, что количество подобных «масок»

может быть огромно, их роль на сегодняшний день более развлекательна, чем коммуникативна.

В то же время разнообразные технологии все в большей степени способствуют развитию визуального синтаксиса. Так, в начале 2021 года появилась нейронная сеть DALL·E, способная генерировать изображения из текстового описания, каким бы сложным или абсурдным ни было последнее. Чуть позже на основе данной технологии появился сайт Artflow.ai, предлагающий генерировать аватары по описанию (например, были созданы портрет Гендальфа кисти Рембрандта, пристрастившаяся к наркотикам Мерлин Монро, девочка-аутистка, играющая целый день в видеоигры и т.п.).

Визуальный синтаксис

С. Фосс утверждает, что с точки зрения риторики можно рассматривать три аспекта изображений: природу, функции и оценку. Природу изображения при этом предполагается подразделять на присутствующие и предполагаемые элементы, а функции относятся к тому, что говорят зрителю визуальные знаки (Foss 2004).

Несмотря на обилие визуального контента, фоториторика в социальных сетях, как правило, не отличается сложностью и ограничивается представлением демонстрируемых объектов и эмоций. То есть в переводе на вербальный язык это будет выглядеть как предложения «вот машина», «я в театре», «мне весело с друзьями». Из многообразного визуального окружения прежде всего выделяются конкретные формы бытия, собственного и окружающих существ и предметов. Искусственный интеллект сегодня также способен «переводить» подобный несложный визуальный фактический язык на вербальный (Consid et al. 2020; Wang et al. 2020), включая анализ эмоций (Yadav et al. 2019).

В то же время очевидно, что потенциал визуального языка гораздо шире. Отечественные исследователи раскрывают суть таких средств визуального синтаксиса, как метафоры, синонимы, цитирование (Афанасьевская 2018; Быльева 2005), зарубежные описывают визуальные сопоставление, включение, комбинацию, слияние, замену, удаление, синтез (Gkiouzepas and Hogg 2011; McQuarrie 2008).

Хотя более сложные (чем констатация определенных фактов) фигуры визуального синтаксиса сравнительно редко встречаются в социальных сетях, тем не менее существуют некоторые популярные направления. Визуальный язык позволяет создавать двойные смыслы, то есть, помимо непосредственного (или первоначально считываемого) смысла, фотография содержит или подразумевает еще один. В качестве примера можно привести фотографии, часто сопровождаемые тегом «показалось», на которых объекты оказались расположены так, что создается впечатление иного стран-

ного положения вещей, и требуется внимательное рассмотрение, чтобы верно считать изображение. Чаще всего такой эффект возникает из-за удачного совмещения частей, принадлежащих разным людям, животным, объектам и т.д., реже из-за сходства фотографируемого с чем-то. Таким образом одна фотография допускает двойное прочтение. Обратным вариантом двойного смысла является фотография, которая на первый взгляд выглядит обычной, но автор привлекает внимание к детали (например, обводя ее в круг), благодаря такой подсказке раскрывается новый смысл. Например, может выявляться присутствие дополнительного персонажа, зеркало может выдавать фальшь демонстрируемого в объектив и т.п.

Иконические знаки являются неоднозначными по своему обозначаемому. Изображение всегда может быть описано множеством разных слов. Для того чтобы выделить желаемое, подписи, теги часто сопровождают изображения в социальных сетях. Слова помогают остановить цепочку множественности смыслов изображения, а также служат объединению многообразия визуального контента в единый дискурс. Феномен интернет-мемов демонстрирует, каким образом один и тот же визуальный синтаксис может использоваться для выражения разнообразных смыслов, достигаемых с помощью добавления того или иного текста.

Теги, с одной стороны, конкретизируют смысл изображения, с другой – могут использоваться для объединения контента, в частности при выполнении задания, «челленджа» (англ. challenge). Интересными визуальными проектами во время изоляции в связи с пандемией 2020 были создание в домашних условиях подручными средствами селфи путешествия (#QuarantineTravelChallenge) или подобра известными картин (#artathome, в российских социальных сетях #изоизоляция (Санжарова и др. 2021)). В данном случае также создается два уровня прочтения: буквальный, непосредственно наблюдаемый и подразумеваемый, к которому отсылает фотография. Б. Филлипс и Е. Маккуорри называют такую визуальную фигуру «замещение» – присутствующее изображение указывает на отсутствующее (Phillips and McQuarrie 2004, p. 116). Так, например, сидя с бокалом вина или фотографируя «вид» через круглую дверцу стиральной машины, пользователи сетей создавали иллюзию авиапутешествия у иллюминатора. «Копии» картин, создаваемые с помощью предметов домашнего обихода, представляют собой пример «цитатности», где ирония создается за счет знакомства зрителей с оригиналом художественного произведения.

Метафоры в отношении 2020 года в социальных сетях

Визуальная метафора является достаточно сложным примером визуального синтаксиса, кото-

рый обычно используется в таких профессиональных визуальных посланиях, как реклама или карикатура (M. Peterson et al. 2017; Ventalon et al. 2020). Рассмотрим пример визуальных метафор 2020 года в социальных сетях. 2020 год стал большим испытанием для людей, пандемия Covid-19 кардинально изменила жизнь людей, принесла изоляцию, психологическое напряжение из-за страха за свою жизнь и близких, потерю здоровья, финансов, семейные проблемы. Свой негативный опыт пользователи социальных сетей выражали под тегом #if2020was «если бы 2020 был...», во многих случаях имелось продолжение, конкретизирующее категорию.

М.О. Петерсон определяет визуальную метафору как «особый тип сравнения, при котором одна «область» (изображенная сущность или воображаемая концепция) понимается в терминах другой» (Peterson 2019). Классические визуальные метафоры создаются полностью из иконических знаков и не требуют вербального сопровождения. Сетевой вариант метафоры проще, необходимость метафорического понимания изображения достигается за счет слов (так называемая вербально-графическая метафора (Forceville 1994, 1996)), в рассматриваемом случае тега #if2020was. Тем не менее сами изображения во многих случаях оказываются непростыми с точки зрения визуального синтаксиса.

Объекты, представляемый как метафоры 2020 года, имеют одну общую черту, которую можно назвать «неправильность», обычно они не могут корректно выполнять свою функцию или же являются нелепыми и отталкивающими. Ряд объектов представлен так, что их использование причинило бы проблемы, боль или неудобства. Например, качели, которые расположены слишком близко к стене, доставка в виде рассыпанного бьющегося груза, поверхность горки заменена теркой. В максимальном выражении объект, который должен выполнять функцию, делает противоположное (например, горящий огнетушитель). Для демонстрации 2020 года часто подбирались неудачные дизайнерские и инженерные решения (кружка с ушками, которые попадают при питье в глаза или с ручкой внутри, балкон, на который не ведет дверь, пожарный выход, до которого не добраться), плохо выполненная работа (стена из плохо сложенных кирпичей) или проблемная ситуация (например, запутанные провода наушников или нитки на шпульке). Природные объекты и явления встречались много реже (например, вид из космоса на Землю, где постоянные ураганы, или кактусы заменяющие ручки у сумки, двери или письменные принадлежности). Достаточно часто в качестве метафоры 2020 года демонстрировались испорченные атрибуты праздника (лопнувшие праздничные шарики, разломанный пряничный домик, покосившийся торт, пустая подарочная коробочка и т.п.), достаточно много ва-

риантов представления 2020 года в виде мало привлекательной новогодней ели.

Иногда при этом осуществляется подмена – вместо предмета, который вербально или визуально указан как объект, на который похож 2020 год, представлен другой, схожий по каким-то признакам. То есть имеет место двойная отсылка, причем именно за счет подмены указываемого предмета другим создается негативный образ. Например, вместо пиньяты осиное гнездо, как хула-хуп представлена смотанная колючая проволока, разбрасывание конфетти – машина, удобряющая навозом поля.

Если 2020 год был представлен в виде еды, то это чаще всего либо совокупность несочетаемых продуктов и вкусов (например, пицца с яйцами, рыбой и бананами), либо неискusstvenная «подделка» блюда или напитка. Также популярен вариант, где есть еда, но нечего есть: пиво, где одна пена, абсолютно белый внутри арбуз, упавшее на землю лакомство, авокадо, состоящее из одной косточки и т.п. В отдельных случаях в качестве еды предлагалось нечто несъедобное. Например, изображение «если бы 2020 год был вкусом мороженого» выглядит как грязный снег в вафельном стаканчике. Каша представлена в виде окурков, плавающих в молоке, коктейль – трубочка для коктейлей, вставленная в замусоренное сливное отверстие в раковине. Иногда указывался отвратительный вкус или запах продукта (чипсы со вкусом ногтей или сока и зубной пасты). Сама еда или напиток могут создавать проблему, например, метафора 2020 год как кофе представляет собой данный напиток на клавиатуре ноутбука.

Год также мог быть представлен как бессмысленная «математическая задача» («если Вы продвигаетесь на 5 унций в тостер, а Ваш велосипед потерял носок, сколько соуса Вам нужно, чтобы перекрасить Вашего хомяка»). Другой вариант акцентирования на отсутствии решения – демонстрация дорожных знаков, совокупность рекомендаций которых делает невозможным никакое движение.

Довольно часто год представлялся в виде человека. Это мог быть киноперсонаж, известный человек или квинтэссенция некой эмоции. В качестве личности выступали персонажи фильмов ужасов (например, клоун из «Оно»), а также герои популярных фильмов, имеющие скверную репутацию: Джоффри Баратеон («Игра Престолов»), Гандия («Бумажный дом»), Долорес Амбридж («Гарри Поттер»), Морден («Вавилон-5») и др. Есть пример, где основанием для аналогии выступает сюжет – кадр из фильма «Сияния» с Джеком Николсоном в роли Джека Торранса, сходящего с ума, будучи «изолированным» со своей семьей, сопровождается дополнительным вербальным комментарием «мы все». Диапазон эмоций, выражающийся на лицах, отождествляемых с 2020 годом,

достаточно широк: страдание, истерика, отвращение, насмешка, осуждение, недоумение, негодование. Особый макияж, например, создающий образ покойника, мог быть главным средством выражения смысла. Иногда метафора содержалась в действии или позе человека. Например, ребенок, одетый и собранный для пляжа и лежащий на полу. В общем, метафора года как человека выражала либо переживание людей в 2020, либо образ самого года как неприятного персонажа.

Визуальные метафоры 2020 года показывают широкий диапазон возможностей передачи смыслов иконическими знаками. Хотя визуальный язык не допускает однозначного толкования, он передает значения, причем с большой эмоциональной насыщенностью. Кроме того, неоднозначность толкования изображения позволяет «говорить» то, что сообщать вербально было бы неуместно. В данном случае визуальная метафора 2020 года позволяла иронически выразить свои отрицательные эмоции в социальной сети, тогда как вербальные жалобы смотрелись бы гораздо менее уместно. При этом используемые метафоры позволяют увидеть особенности выражения отношения к 2020 году. Год представляется как нечто, должное принести пользу, но не осуществившее это или даже способное навредить (вроде сломанного девайса или игрушки), как диапазон эмоций от истерики до удивления. Здесь можно заметить потребительское отношение к миру, «должному» обеспечить некие удобства и удовольствия. Однако метафорически описанная проблема не имеет причинами злую волю или судьбу, это людская безалаберность или неприятное стечение обстоятельств. То есть в метафорах в социальных сетях отсутствует перекладывание ответственности на вредителей или высшие силы.

Заключение

Благодаря развитию технологий визуальный язык становится все более общедоступным и распространённым. Визуальная манифестация собственного существования в социальных сетях является более популярной, чем вербальная. Более сложные фигуры визуального синтаксиса являются менее распространёнными, однако анализ визуального языка социальных сетей способен дать существенные дополнения к существующей классификации визуального синтаксиса, основанной на рекламном материале из-за богатого диапазона требующих выражения смыслов. Сегодня возникают все более простые в использовании технологии изменения, обработки и создания изображений, что в дальнейшем будет расширять возможности визуальной коммуникации интернет-пользователей.

Многие исследователи отмечают возможности создания двойного смыслового плана визуальными средствами, чаще всего именуя это метафорой

(Forceville 1996; Peterson 2019). Однако в ряде случаев двойные смыслы изображения не являются ни метафорами, ни цитированием, а особым присутствием только визуальному синтаксису способом повествования, придающего несвойственную ему темпоральность, позволяющего разворачиваться во времени знакам, имеющим изначально только пространственные характеристики.

В то же время анализ визуального языка изложения в социальных сетях позволяет увидеть отношения к объектам и явлениям, даже если они не вербализуются и не определяются точно самим автором, поэтому могут служить интересным подспорьем для социологического анализа.

Библиографический список

- Agranovskiy, D. and Avilova, A. (2021), Emojis as a way of transmitting information, *Technology and Language*, vol. 2, no. 3, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2021.03.09>.
- Aurora, S. (2021), Natural language as a technological tool, *Technology and Language*, vol. 2, no. 2, pp. 86–95, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2021.02.08>.
- Coeckelbergh, M. (2020), When machines talk: A brief analysis of some relations between technology and language, *Technology and Language*, vol. 1, no. 1, pp. 28–33, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2020.01.05>.
- Consid, S., Afli, H. and Way, A. (2020), Automatic error detection for image to text tools, *Collaborative European Research Conference 2020*, pp. 183–190, CEUR, [Online], available at: http://ceur-ws.org/Vol-2815/CERC2020_short02.pdf (Accessed 30 June 21).
- Forceville, C. (1994), Pictorial metaphor in advertisements, *Metaphor and Symbolic Activity*, vol. 9, no. 1, pp. 1–29, DOI: https://doi.org/10.1207/s15327868ms0901_1.
- Forceville, C. (1996), *Pictorial metaphor in advertising*, Routledge, London.
- Foss, S.K. (2004), Theory of visual rhetoric, *In Handbook of Visual Communication*, Routledge, pp. 141–152, DOI: <https://doi.org/10.4324/9781410611581.ch9>.
- Gkiouzevas, L. and Hogg, M.K. (2011), Articulating a new framework for visual metaphors in advertising, *Journal of Advertising*, vol. 40, no. 1, pp. 103–120, DOI: <https://doi.org/10.2753/JOA0091-3367400107>.
- Ingold, T. (2020), Back to the future with writing and speech, *Technology and Language*, vol. 1, no. 1, pp. 37–39, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2020.01.08>.
- Jenks, C. (2002), *Visual culture*, Routledge, London.
- McQuarrie, E.F. (2008), Differentiating the pictorial element in advertising: A rhetorical perspective,

Visual marketing: From attention to action, M. Wedel & R. Pieters (Eds.), pp. 91–112, Lawrence Erlbaum Associates.

Mokhorov, D. and Mokhorova, A. (2021), Sign systems and technologies in forensic science, *Technology and Language*, vol. 2, no. 2, pp. 1–7, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2021.02.01>.

Peirce, C.S. (1932), *Collected papers*, vol. 2, C. Hartshorne & P. Weiss (eds.), Harvard University Press.

Peterson, M.O. (2019), Aspects of visual metaphor: an operational typology of visual rhetoric for research in advertising, *International Journal of Advertising*, vol. 38, no. 1, pp. 67–96, DOI: <https://doi.org/10.1080/02650487.2018.1447760>.

Peterson, M., Wise, K., Ren, Y., Wang, Z. and Yao, J. (2017), Memorable metaphor: How different elements of visual rhetoric affect resource allocation and memory for advertisements, *Journal of Current Issues & Research in Advertising*, vol. 38, no. 1, pp. 65–74, DOI: <https://doi.org/10.1080/10641734.2016.1233155>.

Phillips, B.J. and McQuarrie, E.F. (2004), Beyond visual metaphor: A new typology of visual rhetoric in advertising, *Marketing Theory*, vol. 4, no. 1–2, pp. 113–136, DOI: <https://doi.org/10.1177/1470593104044089>.

Pokrovskaja, N.N. and Tyulin, A. T. (2021), Psychological features of the regulative mechanisms emerging in the digital space, *Technology and Language*, vol. 2, no. 2, pp. 106–125, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2021.02.11>.

Sadoski, M. and Paivio, A. (2013), *Imagery and text. A dual coding theory of reading and writing*, Routledge, DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203801932>.

Ventalon, G., Erjavec, G., Bang, S. and Tjhus, C. (2020), Resource allocation for visual metaphor processing: A study of political cartoons, *Visual Cognition*, vol. 28, no. 4, pp. 256–262, DOI: <https://doi.org/10.1080/13506285.2020.1787570>.

Wang, R., Luo, J. and Huang, S. (Sam) (2020), Developing an artificial intelligence framework for online destination image photos identification, *Journal of Destination Marketing & Management*, vol. 18, pp. 100512, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2020.100512>.

Yadav, A., Agarwal, A. and Vishwakarma, D.K. (2019), XRA-Net framework for visual sentiments analysis, *2019 IEEE Fifth International Conference on Multimedia Big Data (BigMM)*, pp. 219–224, DOI: <https://doi.org/10.1109/BigMM.2019.00-22>.

Афанасьевская Н.В. К вопросу о языке фотографии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Т. 1, № 789. С. 332–341.

Богданова Н.М. Притягательность вернакулярных снимков или мобилография как повседневное искусство // Вестник Самарской гуманитарной

академии. Серия: Философия. Филология. 2018. Т. 1. № 23. С. 34–42.

Бочарникова И.С. Фотография как способ самопрезентации молодежи в социальных сетях // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. Т. 3, № 244. С. 49–58.

Быльева Д.С. Семиотика визуальных образов в рекламном плакате // Реклама: теория и практика. 2005. Т. 2. С. 55–64.

Евсеева Л.И., Тимофеева Е.П., Шипунова О.Д. Сетевая политическая коммуникация в модернизации публичной сферы // Технологии PR и рекламы в современном обществе. 2020. С. 151–156. СПбПУ, СПб.

Ермолаева С.Ю., Липартия А.Д. Постмодернистское состояние фотографии на современных медийных платформах // Социально-гуманитарные знания. 2021. Т. 3. С. 249–256. DOI: <https://doi.org/10.34823/SGZ.2021.3.51605>.

Пендикова И.Г. Клиповое и концептуальное мышление как разные уровни процесса мышления // Омский Научный Вестник. Серия Общество. История. Современность. 2016. Т. 1. С. 53–56.

Санжарова О., Зайцева А., Кигель М. Изаолизация. Москва: АСТ, 2021. 224 с.

References

Agranovskiy, D. and Avilova, A. (2021), Emojis as a way of transmitting information, *Technology and Language*, vol. 2, no. 3, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2021.03.09>.

Aurora, S. (2021), Natural language as a technological tool, *Technology and Language*, vol. 2, no. 2, pp. 86–95, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2021.02.08>.

Coeckelbergh, M. (2020), When machines talk: A brief analysis of some relations between technology and language, *Technology and Language*, vol. 1, no. 1, pp. 28–33, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2020.01.05>.

Consid, S., Afli, H. and Way, A. (2020), Automatic error detection for image to text tools, *Collaborative European Research Conference 2020*, pp. 183–190, CEUR, [Online], available at: http://ceur-ws.org/Vol-2815/CERC2020_short02.pdf (Accessed 30 June 21).

Forceville, C. (1994), Pictorial metaphor in advertisements, *Metaphor and Symbolic Activity*, vol. 9, no. 1, pp. 1–29, DOI: https://doi.org/10.1207/s15327868ms0901_1.

Forceville, C. (1996), *Pictorial metaphor in advertising*, Routledge, London.

Foss, S.K. (2004), Theory of visual rhetoric, *In Handbook of Visual Communication*, Routledge, pp. 141–152, DOI: <https://doi.org/10.4324/9781410611581.ch9>.

- Gkiouzevas, L. and Hogg, M.K. (2011), Articulating a new framework for visual metaphors in advertising, *Journal of Advertising*, vol. 40, no. 1, pp. 103–120, DOI: <https://doi.org/10.2753/JOA0091-3367400107>.
- Ingold, T. (2020), Back to the future with writing and speech, *Technology and Language*, vol. 1, no. 1, pp. 37–39, DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.48417/technolang.2020.01.08>.
- Jenks, C. (2002), *Visual culture*, Routledge, London.
- McQuarrie, E.F. (2008), Differentiating the pictorial element in advertising: A rhetorical perspective, *Visual marketing: From attention to action*, M. Wedel & R. Pieters (Eds.), pp. 91–112, Lawrence Erlbaum Associates.
- Mokhorov, D. and Mokhorova, A. (2021), Sign systems and technologies in forensic science, *Technology and Language*, vol. 2, no. 2, pp. 1–7, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2021.02.01>.
- Peirce, C.S. (1932), *Collected papers*, vol. 2, C. Hartshorne & P. Weiss (eds.), Harvard University Press.
- Peterson, M.O. (2019), Aspects of visual metaphor: an operational typology of visual rhetoric for research in advertising, *International Journal of Advertising*, vol. 38, no. 1, pp. 67–96, DOI: <https://doi.org/10.1080/02650487.2018.1447760>.
- Peterson, M., Wise, K., Ren, Y., Wang, Z. and Yao, J. (2017), Memorable metaphor: How different elements of visual rhetoric affect resource allocation and memory for advertisements, *Journal of Current Issues & Research in Advertising*, vol. 38, no. 1, pp. 65–74, DOI: <https://doi.org/10.1080/10641734.2016.1233155>.
- Phillips, B.J. and McQuarrie, E.F. (2004), Beyond visual metaphor: A new typology of visual rhetoric in advertising, *Marketing Theory*, vol. 4, no. 1–2, pp. 113–136, DOI: <https://doi.org/10.1177/1470593104044089>.
- Pokrovskaja, N.N. and Tyulin, A. T. (2021), Psychological features of the regulative mechanisms emerging in the digital space, *Technology and Language*, vol. 2, no. 2, pp. 106–125, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2021.02.11>.
- Sadoski, M. and Paivio, A. (2013), *Imagery and text. A dual coding theory of reading and writing*, Routledge, DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203801932>.
- Ventalon, G., Erjavec, G., Bang, S. and Tijus, C. (2020), Resource allocation for visual metaphor processing: A study of political cartoons, *Visual Cognition*, vol. 28, no. 4, pp. 256–262, DOI: <https://doi.org/10.1080/13506285.2020.1787570>.
- Wang, R., Luo, J. and Huang, S. (Sam) (2020), Developing an artificial intelligence framework for online destination image photos identification, *Journal of Destination Marketing & Management*, vol. 18, pp. 100512, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2020.100512>.
- Yadav, A., Agarwal, A. and Vishwakarma, D.K. (2019), XRA-Net framework for visual sentiments analysis, *2019 IEEE Fifth International Conference on Multimedia Big Data (BigMM)*, pp. 219–224, DOI: <https://doi.org/10.1109/BigMM.2019.00-22>.
- Afanasyevskaya, N.V. (2018), On the question of the language of photography, *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, vol. 1, no. 789, pp. 332–341.
- Bogdanova, N.M. (2018), The allure of vernacular images or mobilography as an everyday art, *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology*, vol. 1, №. 23, pp. 34–42.
- Bocharnikova, I. S. (2019), Photography as a way of self-presentation of youth in social networks, *Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*, vol. 3, no. 244, pp. 49–58.
- Bylieva, D.S. (2005), Semiotics of visual images in an advertising poster, *Reklama: Teoriya i Praktika = Advertising: Theory and Practice*, vol. 2, pp. 55–64.
- Evseeva, L.I., Timofeeva, E.P. and Shipunova, O.D. (2020), Networked political communication in the modernization of the public sphere, *Tekhnologii PR i Reklamy v Sovremennom Obshchestve = PR and Advertising Technologies in Modern Society*, pp. 151–156, SPbPU, St. Petersburg.
- Ermolaeva, S.Yu. and Lipartia, A.D. (2021), The postmodern state of photography on contemporary media platforms, *Socio-Humanitarian Knowledge*, vol. 3, pp. 249–256, DOI: <https://doi.org/10.34823/SGZ.2021.3.51605>.
- Pendikova, I.G. (2016), Clip and conceptual thinking as different levels of the thinking process, *Omskiy Nauchnyy Vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Society series. History. Modernity*, vol. 1, pp. 53–56.
- Sanzharova, O., Zaitseva, A. and Kigel, M. (2021), *Isolation*, AST, Moscow, Russia.

Submitted: 20.07.2021

Revised: 10.09.2021

Accepted: 30.09.2021

SCIENTIFIC ARTICLE

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-3-13-19

Submitted: 22.07.2021

Revised: 10.09.2021

Accepted: 30.09.2021

V.S. Ryabov

International Market Institute, Samara,
Russian Federation

E-mail: rjabow@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3526-3957>

A.E. Serikov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: aenserikov@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Signs and meanings of sacrifice in J. K. Rowling's “Harry Potter and the Philosopher's Stone”

Abstract: the article discusses symbolic means that express different meanings of the “victim” concept and the idea of sacrifice in J. K. Rowling's novel “Harry Potter and the Philosopher's Stone”. The book's title refers to the alchemical understanding of a philosopher's stone as a means of immortality. Since the main purpose of the sacrifice rite is the magic of the appropriate death and rebirth essence, i.e. immortality, the philosopher's stone can be interpreted as a symbol of sacrifice, and the stages of obtaining it – as the rite stages of selection and preparation of the future victim for her / his sacralization or sanctification. There are at least two criteria for a typical victim, and they are the ones that determine the purity of a soul: the degree of innocence and the severity of the suffering. On a symbolic level the novel describes the transformation of a victim into sacrifice the essence of which is the soul purification. Only innocent victims, who have suffered personally but at the same time did not make other people suffer intentionally, may become a sacrifice. The main characteristic feature of Harry Potter as the novel's protagonist is his readiness for self-sacrifice, which consists of such components as absence of greed and desire for power, as well as the ability to love, to overcome suffering and fear, to take risks and pose a challenge to prohibitions in the name of love, accepting both victories and defeats.

Key words: culture; victim; sacrifice; rite; children's fiction; Harry Potter; semiotics; semantics.

Citation: Ryabov, V.S. and Serikov, A.E. (2021), Signs and meanings of sacrifice in J.K. Rowling's “Harry Potter and the Philosopher's Stone”, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 3, pp. 13–19, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-13-19>.

Acknowledgments: the author gratefully acknowledges the support of the Russian Foundation for Basic Research under Grant No. 19 011 00872 “Philosophical anthropology of victim: sacralization, management, design”.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Ryabov V.S., 2021** – Assistant Professor of the Department of Germanic Languages, Samara University of Public Administration (International Market Institute), 21, Aksakova Street, Samara, 443030, Russian Federation.

© **Serikov A.E., 2021** – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 177.7 + 81.37

В.С. Рябов

Самарский университет государственного
управления «Международный институт
рынка». г. Самара, Российская Федерация

E-mail: rjabow@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3526-3957>

А.Е. Сериков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: aeserikov@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4213-8089>**Знаки и значения жертвоприношения в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень»**

Аннотация: в статье рассматриваются символические средства, выражающие различные значения понятия «жертва» и идею жертвоприношения в романе Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень». Название книги отсылает к алхимическому пониманию философского камня как средства бессмертия. Поскольку основной целью ритуала жертвоприношения является магия правильной смерти и возрождения, то есть бессмертия, философский камень можно трактовать как символ жертвоприношения, а этапы его получения – как этапы ритуала выбора и подготовки будущей жертвы к ее сакрализации. Существует как минимум два критерия типичности жертвы-пострадавшего, и они же являются критериями чистоты души: степень невинности и тяжесть страданий. На символическом уровне роман описывает превращение жертвы-пострадавшего в сакральную жертву, суть которого – очищение души. Сакральными жертвами могут стать только невинные жертвы, которые сами пострадали, но не заставляли намеренно страдать других. Главным свойством Гарри Поттера как главного героя романа является его готовность к самопожертвованию, которая складывается из таких компонентов, как отсутствие жадности и стремления к власти, а также способности любить, преодолевать страдания и страх, рисковать и бросать вызов запретам во имя любви, принимая как победы, так и поражения.

Ключевые слова: культура; жертва; жертвоприношение; ритуал; детская литература; Гарри Поттер; семиотика; семантика.

Цитирование: Рябов В.С., Сериков А.Е. Знаки и значения жертвоприношения в романе Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 3. С. 13–19. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-13-19>.

Благодарности: исследование выполнено при частичной финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19 011 00872 «Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн».

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Рябов В.С., 2021** – старший преподаватель кафедры германских языков, Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка», 443030, Российская Федерация, г. Самара, ул. Г.С. Аксакова, 21.

© **Сериков А.Е., 2021** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Introduction

Sacrifice is a cultural universal, one of the fundamental concepts of both archaic and modern cultures. Understanding sacrifice and self-sacrifice is a part of the common sense to be learned in childhood and then taken for granted.

Sacrifice is closely related to initiation rites. That is why, James Fraser makes emphasis on a huge amount of empirical evidence, in accordance with which a traditional sacrifice is interpreted in the majority of cases as a magical ritual aimed at killing and resurrecting a god or the deity's representative (Fraser 1922). And the essence of initiation rites is that a person symbolically dies in one status, and then is symbolically reborn in another. Jean Baudrillard, for whom sacrifice is possible only within the framework of a symbolic

order, raises this order itself to the rites of initiation, stating that initiation is the central point of the symbolic operation (Baudrillard 1976). As a clear example of the close connection between initiation and sacrifice, Renato Rosaldo describes the ritual of head hunting – a variant of human sacrifice, which for Ilongot youths was a traditional rite of initiation (Rosaldo 1993).

In this context many situations or examples of children's trials can be understood as cultural analogues of sacrifice. During the process of undergoing the test, people are divided into those who pass it successfully, and those who fail to pass it. In terms of sacrifice, this can be interpreted as follows: in order for life to continue, someone is to be sacrificed, and the rest must accept this sacrifice and continue to live, being delighted with the fact that the sacrifice has been a success. From

this point of view, a student who has failed an exam is sacrificed by those who have successfully passed this exam (Serikov 2021).

One of the most important sources of knowledge for modern children about sacrifice is children's fiction. Therefore, there are a number of semiotic questions regarding the ways this knowledge is presented in books for children. In particular, what language means are used to express various aspects of the ideas of child ordeal, sacrifice and self-sacrifice, how is the typology of victims and sacrifices presented, how are the different types of victims and sacrifices related to each other, how are the images of victims transformed into images of sacrifices?

In the present article these semiotic questions have been analyzed on the example of the first novel by J. K. Rowling from the Harry Potter series. This choice of empirical material has been made for a number of reasons. First of all, one of the cross-cutting key themes of the series is clearly self-sacrifice, in relation to which the abundance of Christian motives in the Harry Potter novels has been repeatedly discussed (Caldecott 2008), (Granger 2004), (Murphy 2011). Secondly, both these novels and the series of films based on them have become extremely popular, have been translated into many languages, and have a huge impact on the formation of modern children's values around the world. Thirdly, Harry Potter novels and films attract scientists of various specialties – from linguists and philologists to psychologists, political scientists and artificial intelligence specialists – so it is possible to compare the results of our research with some ideas presented in academic publications. Fourthly, the authors plan to make a study of all the Harry Potter novels in the future, but due to volume restrictions, in this article we analyze only the first novel.

Thus, the problem of our research can be defined as follows: what symbolic means express the knowledge about children's trials, victims and sacrifices in J. K. Rowling's novel "Harry Potter and the Philosopher's Stone", and what kind of knowledge is it – what exact meanings are expressed by the symbolic means in each case, and how these meanings are interrelated?

Method

We have carefully examined the first Harry Potter novel, marking words, phrases, sentences and combinations of sentences that can be interpreted as signs of victims and sacrifices, as well as pointing out various trials on the word level. The written fragments of the text have been interpreted in terms of their meanings, i.e. they have been given some generalized interpretations. Then a comparative analysis of these meanings and the signs expressing them has been carried out. We have also classified revealed meanings of "victim" and "sacrifice" and identified the means via which the differences between the meanings are conveyed in the text, including the means by which the reader's im-

PLICIT cultural knowledge (common sense) is indicated. For example, the knowledge that a typical victim must be innocent, and that an innocent victim is best suited for the role of a sacrifice.

The Title of the Book and the Philosopher's Stone as an Alchemical Symbol

The first volume is called "Harry Potter and the Philosopher's Stone". In the United States, this book is published under the title "Harry Potter and the Sorcerer's Stone". Arthur A. Levine, under whose imprint the book was published by Scholastic in 1998, thought that "Philosopher's Stone" would be too arcane for American readers and proposed the title "Harry Potter and the School of Magic" which Rowling did not like. "Eventually, the author suggested Sorcerer's Stone, and that's how the book is known in the U.S. market where Scholastic has the rights. Rowling later admitted in a web chat for BBC Red Nose Day in 2001 that she regretted the decision" (Brew 2018).

"Philosopher's stone" in the title refers to the alchemical tradition and understanding of the story as *Magnum opus* – the process of obtaining the philosopher's stone and achieving enlightened consciousness, the merging of spirit and matter. *Magnum opus* consists of several stages, and these are the stages of not only chemical transformation but also purification of the soul. "The process can be basically described in four stages as *nigredo*, *albedo*, *citrinitas* and *rubedo*. At each stage the alchemist is subjected to an increasingly intense purification, which is followed by a union with the fire of that stage (alchemical marriage), a rebirth of a new sense of self and then the death of that sense of self (in order to proceed to the next stage)" (Hamilton 1985).

The philosopher's stone in alchemy is a means of rebirth, immortality. It was intended not only to refine metals but also to serve as a universal medicine. Its solution was supposed to heal from all diseases, rejuvenate the old body and make life longer. Since the main purpose of the sacrifice ritual (according to Fraser) is the magic of proper death and rebirth, i.e. immortality, the philosopher's stone can be interpreted as a symbol of sacrifice, and the stages of obtaining it – as the ritual stages of selection and preparation of the future victim to her / his sacralization. From a psychological point of view, the essence of sacralization is the purification of the soul, which is presented in the text by the gradual transformation of Harry Potter's image as a victim into a sacrificial one.

Harry Potter, Christianity, and Mythological Symbols of Sacrifice

Since occult or magical practices are considered a sin from a Christian point of view, many Christians around the world have taken the Harry Potter novels critically, forbidding their children to read them. On the other hand, many Christian readers believe

that these novels inculcate spiritual Christian values in children, and the external form of the story about magic does not contradict with the Christian values that may be found in any other fairy tale. There is even a point of view that Rowling's novels are Christian in the sense that Harry resembles Christ: "As Harry Potter is the main hero of the series, he is comparable to a Christ-figure..." (Harris 2019).

The possibility of understanding the image of Harry Potter as a figure of Christ is discussed not only in Christian literature. In Derek Murphy's book "Jesus Potter Harry Christ", Harry is compared to Christ from the atheistic perspective. The author argues that Christ is not a historical, but a fictional figure, similar to a literary character. Therefore, he can be compared to an obviously fictional character, Harry Potter. In accordance with the author's conclusion, they differ in a number of ways.

Christ teaches suffering, meekness and humility; renounce this life and look forward to the next. Harry reminds us to embrace each small moment of happiness. Jesus says anything that happens is God's will: God is in control. Harry takes full responsibility for this world... Also, while Jesus knew he would come back, and then live forever, Harry had no such hope; hence his sacrifice was much more courageous... Jesus, as son of God and divine being, represents a level we can never reach... Harry, in contrast, is fully human; he doubts, sins, expresses emotions, makes poor decisions, and he eventually makes the ultimate sacrifice – which most importantly he had no desire to make (Murphy 2011, p. 417).

Some Christian authors come to similar conclusions about the differences between Harry and Jesus. As Leonie Caldecott writes,

Harry is flawed, you might even say damaged. He is disobedient, willful, at times deceitful (at least in front of figures of authority), and he carries a huge burden of anger in the face of the tragedy at the heart of his young life. In short, he is a sinner, perhaps a typical sinner for our time, in which social breakdown and dysfunctionality have become the defining note of many young people's lives. Yet Rowling portrays Harry's growth and maturation . . . Rowling never loses sight of the ultimate goal, which is ultimately Christocentric if not overtly Christian (Caldecott 2008).

So, some authors believe that Harry is a Christ-figure. Others, both from Christian and atheist positions, argue that Harry is an ordinary person, not a divine figure. Our analysis of the text confirms the second point of view. We know from the Gospels and other Christian literature that Jesus did not hate anyone and taught love to his enemies. From this point of view, Harry Potter is quite different: he knows how to forgive enemies and even tends to save their lives (in the last Harry Potter novel several episodes are devoted to this very episode), but he does not offer his

cheek to the enemies, and with the key enemy, Voldemort, he fights to the bitter end. Therefore, the image of Harry is the image of an ordinary person, and not the image of Christ. In the first novel we find clear signs of the Harry's hatred regarding his opponents and foes: "Harry had never believed he would meet a boy he hated more than Dudley, but that was before he met Draco Malfoy" (Rowling 2014, p. 153), "plotting ways of getting Malfoy expelled, which were fun to talk about even if they wouldn't work" (Rowling 2014, p. 213).

We conclude that the first novel about Harry Potter could be interpreted as Christian not because of the fact that the main character, Harry, is likened to Christ in a literal sense, but because it is a book about love and sacrifice. As John Granger says, the Philosopher's Stone should be understood as a symbol of Christ, and the Harry Potter novel, written "in the symbolism of alchemy and traditional Christian doctrine, it is an ode to the purification and perfection of the soul in Christ and his saving, sacrificial love" (Grander 2004, p. 126).

In this context many of the mythological symbols found in the novel, that relate to the sacrifice can be simultaneously interpreted as Christian. So, Harry's wand is made from holly, also known as Christ's thorn, as the crown of thorns worn by Christ on the way to Calvary was twined of holly. Inside Harry's magic wand is a phoenix feather, which in pre-Christian times symbolized the central element of the sacrifice – rebirth after death, and in Christian times – Christ and the Virgin Mary. The three-headed dog that guards the Philosopher's Stone in the dungeon under Hogwarts is undoubtedly the mythological Cerberus, the guardian of the border between the realm of the living and the realm of the dead. And the essence of sacrifice rite is the correct crossing of this particular border. Mars, shining especially brightly on the night of the killing of the unicorn, is a symbol of spilled blood. The unicorn blood that Voldemort drinks is a magical remedy that brings one back to life. But in Christianity, the unicorn is another symbol of Christ. Like Christ in the Gospels, the unicorn killed by Voldemort is an innocent victim. Killing (sacrificing) an innocent unicorn is the opposite of self-sacrifice. The scene of unicorn's killing by Voldemort and drinking its blood is an unambiguous symbol of an absolute evil embodying.

Victims in "Harry Potter and the Philosopher's Stone"

The novel is full of situations in which someone or somebody is portrayed as a victim of one type or another. The main meanings of an ordinary language category "victim" found in the novel are listed below. It is important to point out, that some examples of the corresponding text expressions are given in quotation marks:

– *Murder victim*. Harry's parents and other victims of Voldemort are examples of the type, "all the people he's killed" (Rowling 2014, p. 13).

– *Attempted murder victim (surviving victim, rescued victim)*. This is Harry Potter whom Voldemort tries to kill, but fails to do it, "He tried to kill the Potter's son, Harry. But he couldn't" (Rowling 2014, p. 13), "He tried to kill you... an' you lived" (Rowling 2014, p. 60), "Harry's broom had given a wild jerk and Harry swung off it. He was now dangling from it, holding on with only one hand" (Rowling 2014, p. 202), "I tried to kill you" (Rowling 2014, p. 310), "Firenze saved me, but he shouldn't have done so" (Rowling 2014, p. 279).

– *Victim who sacrifices her / his life*. "Dark days, Harry. Didn't know who ter trust, didn't dare get friendly with strange wizards or witches... terrible things happened. He was takin' over. 'Course, some stood up to him – an' he killed 'em" (Rowling 2014, p. 59), "Your mother died to save you" (Rowling 2014, p. 321).

– *Victim's (orphan's) parents murder*. "Lily an' James dead – an' poor little Harry off ter live with Muggles" (Rowling 2014, p. 16).

– *Cycling offences of a victim*. "Dudley... on his racing bike, knocked down old Mrs. Figg as she crossed Privet Drive on her crutches" (Rowling 2014, p. 33).

– *Victim's physical abuse*. "Dudley's favorite punching bag was Harry" (Rowling 2014, p. 21).

– *Victim's closet punishment*. "He had been given a week in his cupboard for this" (Rowling 2014, p. 26).

– *Victim's food deprivation*. "No meals" (Rowling 2014, p. 31).

– *Victim's school bullying*. "He was already laughed at for his baggy clothes and Sellotaped glasses" (Rowling 2014, p. 25), "Dudley's gang had been chasing him as usual" (Rowling 2014, p. 26).

– *Victim's unfair punishment*. "You – Potter – why didn't you tell him not to add the quills? Thought he'd make you look good if he got it wrong, did you? That's another point you've lost for Gryffindor. This was so unfair that Harry opened his mouth to argue..." (Rowling 2014, p. 149).

– *Victim's personal rights deprivation*. "Harry was on the point of unfolding his letter... When it was jerked sharply out of his hand" (Rowling 2014, p. 37).

– *Hatred of a victim*. "She hates the boy" (Rowling 2014, p. 24), "Snape didn't dislike Harry – he hated him" (Rowling 2014, p. 145).

– *Scapegoating of a victim*. "From being one of the most popular and admired people at the school, Harry was suddenly the most hated... Everywhere Harry went, people pointed and didn't trouble to lower their voices as they insulted him" (Rowling 2014, p. 263).

– *Humiliation of a victim*. "The Dursleys often spoke about Harry like this, as though he wasn't there – or rather, as though he was something very nasty that couldn't understand them, like a slug" (Rowling 2014,

p. 24), "Aunt Petunia had been trying to force him into a revolting old sweater of Dudley's" (Rowling 2014, p. 26), "When Dudley had a tantrum because his knickerbocker glory didn't have enough ice cream on top, Uncle Vernon bought him another one and Harry was allowed to finish the first" (Rowling 2014, p. 28).

– *Threatening the victim*. "Unless you're a bit politer you'll go the same way as your parents" (Rowling 2014, p. 116), "You don't want me as your enemy..." (Rowling 2014, p. 243), "Be warned, Potter – any more nighttime wanderings and I will personally make sure you are expelled" (Rowling 2014, p. 288).

– *Victim's mishap*. "She'd broken her leg tripping over one of her cats" (Rowling 2014, p. 33).

– *Deception of a victim*. "Blown up? You told me they died in a car crash!" (Rowling 2014, p. 58).

– *Victim oriented disbelief*. "Uncle Vernon didn't believe him. No one ever did" (Rowling 2014, p. 25).

– *Victim's fear*. "He did look very green, and when the cart stopped at last beside a small door in the passage wall, Hagrid got out and had to lean against the wall to stop his knees from trembling" (Rowling 2014, p. 80), "Malfoy let out a terrible scream and bolted – so did Fang. The hooded figure raised its head and looked right at Harry – unicorn blood was dribbling down its front. It got to its feet and came swiftly toward Harry – he couldn't move for fear" (Rowling 2014, p. 275).

– *Failed trial of a victim*. "I was at Hogwarts meself but I – er – got expelled, ter tell yeh the truth. In me third year. They snapped me wand in half an' everything" (Rowling 2014, p. 65), "What if he wasn't chosen at all? What if he just sat there with the hat over his eyes for ages, until Professor McGonagall jerked it off his head and said there had obviously been a mistake and he'd better get back on the train?" (Rowling 2014, p. 128).

– *Delusion of a victim*. "But Snape tried to kill me!... No, no, no. I tried to kill you... I'd have managed it before then if Snape hadn't been muttering a countercurse, trying to save you." (Rowling 2014, p. 310).

– *The victim of a joke*. "The Weasley twins were punished for bewitching several snowballs so that they followed Quirrell around, bouncing off the back of his turban" (Rowling 2014, p. 208).

– *Fair punishment of a victim*. "The Weasley twins were punished..." (Rowling 2014, p. 208), "All three of you will receive detentions – yes, you too, Mr. Longbottom, nothing gives you the right to walk around school at night..." (Rowling 2014, p. 261-262).

– *Victim blaming herself or himself*. "When he couldn't kill Harry Potter, Voldemort's power somehow broke – and that's why he's gone" (Rowling 2014, p. 13), "He tried to get past that three-headed dog on Halloween. It bit him. We think he was trying to steal whatever it's guarding" (Rowling 2014, p. 206).

The items of the list are arranged to a certain place in accordance with their meanings. There are at least two criteria for victim typicality: the degree of innocence and the severity (strength, depth) of the suffering. In the context of alchemical symbolism, both criteria of typicality are ones for the purity of a soul: a pure soul is primarily an innocent soul, and suffering purifies the soul. The innocent victims of murder at the top of the list are clearly victims. At the end of the list are the meanings that are not so commonly related to the word victim. It is hardly possible to talk seriously about the victim of children's jokes. As the result, we want to call victims those who are clearly perceived as villains and serve the forces of evil. From this perspective, Voldemort and his minions suffer, but almost no one would call them victims.

The peculiarity of a children's fairy tale is that almost all the characters here are aligned as heroes and villains. The character's positivity or negativity is itself a connotation that turns the victim into a prototypical or non-prototypical one. The prototypical victim should be positive or at least neutral, like an old lady who broke her leg tripping over a cat. A non-prototypical victim is a negative character who plots, steals, does evil deeds, and the signs of these evil deeds are signs that they cannot be quite a victim, because the victim should be pitied, and they are not pitied: "You don't think they've been hurt, do you? ... I don't care if Malfoy has..." (Rowling 2014, p. 274).

In modern English, the typical meanings of a victim have a connotation of passivity: almost no one becomes a victim voluntarily. But when people suffer and take risks to save other people, they turn from victims into sacrifices, they sacrifice themselves. In a situation of choosing between good and evil, when evil wins, the choice of the good side is self-sacrifice in the name of good. The cultural stereotype used in the novel is that only typical victims are sacralized. In the first chapters of the novel, Harry is presented primarily as a typical victim who suffers from domestic violence and humiliation, but this suffering is purifying, preparing Harry for further trials.

Trials as Preparations for Sacrifice

As in almost every book devoted to school life of pupils or students, the description of the bullying to which the protagonist is subjected to by other students occupies an important place. Before Hogwarts, when Harry goes to primary school, he is mocked because of his old clothes and his sellotaped glasses, he is chased by the Dudley gang, and the main way to avoid persecution, which Harry has to experience, is to run away from bullies, hide. At that stage, he is a typical victim of bullying.

Everything changes on the train to Hogwarts, where Harry is ready to fight so as to support his friend, avoiding the coward-like behavior and keeping his dignity: "Oh, you're going to fight us, are you?"

Malfoy sneered. Unless you get out now, said Harry, more bravely than he felt..." (Rowling 2014, p. 116).

Next, we see how Harry turns from an offended schoolboy into a defender of those who are offended. So, for the sake of protecting Neville from Malfoy's attacks, he risks not just being punished, but being expelled from school.

Then we see that Harry and Ron are ready to fight not only other students. For the sake of saving Hermione, they fight a troll, although it is very dangerous, and that is not the very adventure they would like to participate in: "It was the last thing they wanted to do, but what choice did they have?" (Rowling 2014, p. 188). Hermione, in turn, also sacrifices herself, as she goes against her principles and breaks the rules – lies to the teacher – in order to help out Harry and Ron. Going against rules plays a very important role in the novel. Dumbledore and other teachers know that students violate some school regulations, but rules are made to be broken. A reader of the novel understands: it is strictly forbidden to cause other people's suffering, but other restrictions can and should be violated if it is necessary to fight evil.

Challenges are not limited to fights, duels, and battles. Selection for faculties is also a kind of a trial. In addition, you are to study, pass exams, and win sports competitions.

A special challenge for Harry is the meeting with the mirror of desires. The Mirror of Erised shows the state of the soul and can serve as a test of readiness for sacrifice. Only those who are purified can pass the ritual correctly. The mirror of desires is a symbol of purification. It shows the desires of the participant in the rite and the desires must be pure in order for the sacrifice to achieve its goal.

In the middle of the novel, Harry and some other disobedient students are punished via completing a task in the Forbidden Forest. It's a life-threatening trial: "It's into the forest you're going and I'm much mistaken if you'll all come out in one piece" (Rowling 2014, p. 267). And Harry really finds himself on the verge of life and death: "Firenze saved me, but he shouldn't have done so... Bane thinks Firenze should have let Voldemort kill me... I suppose that's written in the stars as well" (Rowling 2014, p. 279).

Harry should have died, but he has not. This situation means that at the level of the prediction, Harry has been dead, but thanks to the centaur – the symbol of crossing the border – he has crossed the border between life and death, coming back as a renewed person. In fact, according to Fraser, this is the essence of sacrifice magic.

Devil's Snare, winged keys, Wizard's Chess, a logical task to choose a bottle of medicine, a mirror of desires – all the trials in the dungeon under Hogwarts on the eve of the final battle with Quirrell / Voldemort – are successive tests of the purity of human soul's components. "The Scholastic model, following Aris-

total and Aquinas, is that there are three kinds of soul: vegetative, sensitive, and intellective... What do Harry, Ron, and Hermione find when they jump through the trapdoor? ... In sequence from carnal to spiritual, this trio of the soul's powers pass through tests for their purification" (Grander 2004, p. 121).

The last and decisive Harry's trial is the fight with Quirrell / Voldemort, in which Harry is ready to die and almost dies, but still survives / resurrects. Right before that Harry sees in the mirror of desires how he obtains the Philosopher's Stone, and immediately the stone is in his pocket. The mirror is a symbol of the desires' purity. Harry does not need immortality and thus acquires its means. The magic of sacrifice turns out to be paradoxical, because immortality as a result of this magic turns out to be with the one who refuses immortality (does not fear death, does not think about it). So, from a symbolic point of view, this final battle describes Harry's self-sacrifice, in which he participates as a sacred figure.

Conclusions

The analysis of the first Harry Potter novel shows that it is full of self-sacrifice signs. We can conclude that self-sacrifice is the main theme of this novel. On a symbolic level, the novel describes the transformation of victim into sacrifice, the essence of which is the main character's soul purification. The comparison of different meanings of the "victim" concept shows that typical meanings implicate the innocence of the victim. Negative characters are not perceived as victims, despite the fact that they may also suffer. In order to be perceived as a victim, one has to possess positive connotation or at least be a neutral character, i.e. not to be on the evil side.

The implicit knowledge contained in the book is that good people – and most readers of the book want to be good – must be like Harry and his friends, that is, pass with dignity through various trials that fall to their lot. At the same time the main characteristic feature of Harry Potter as the novel's protagonist is his readiness for self-sacrifice, which consists of such components as absence of greed and desire for power, as well as the ability to love, to overcome suffering and fear, to take risks and break taboos in the name of love, accepting both victories and defeats.

The book suggests that the greatest achievement of a person is her / his willingness to sacrifice, while the greatest evil is to kill another human being or a creature of the wizarding world in order to save one's own life. Love justifies defeat and suffering, because they purify the soul and turn the victim into a sacrifice. Love even justifies breaking various bans and violating prohibitions, but it does not justify making other living beings suffer. Only innocent victims who have suffered themselves, but did not intentionally cause other people's and creatures' sufferings, can obtain the state of a sacrifice.

References

Baudrillard, J. (1976), *Symbolic exchange and death (Translated by Iain Hamilton Grant)*, SAGE Publications, New York, USA.

Brew, S. (2018), Why did the first Harry Potter book get a title change in the U.S.?, *Mental Floss UK*, [Online], available at: <https://www.mentalfloss.com/article/90924/why-did-first-harry-potter-book-get-title-change-us> (Accessed 30 May 21).

Caldecott, L. (2008), Christian Themes in Harry Potter, *The Christian Century*, 15 January, pp. 24–27, [Online], available at: <https://www.religion-online.org/article/christian-themes-in-harry-potter/> (Accessed 30 May 21).

Frazer, J.G. (1922), *The Golden Bough: A study of magic and religion*, Abridged edition, Project Gutenberg, [Online], available at: <https://gutenberg.org/ebooks/3623> (Accessed 20 May 21).

Granger, J. (2004), *Looking for God in Harry Potter*, Tyndale House Publishers, Carol Stream, IL, USA.

Hamilton, N. (1985), *The alchemical process of transformation. Sufi Zentrum Omega*, [Online], available at: https://www.sufismus.ch/assets/files/omega_dream/alchemy_e.pdf (Accessed 30 May 21).

Murphy, D. (2011), *Jesus Potter Harry Christ: The Fascinating Parallels Between Two of the World's Most Popular Literary Characters*, Holyblasphemy Press, Portland, OR, USA.

Rosaldo, R. (1993), *Culture & Truth: The Remaking of Social Analysis: With a New Introduction*, Beacon Press, Boston, [Online], available at: <https://people.uwec.edu/degravjr/GEOG-ANTH%20351/Rosaldo-CultureAndTruth.pdf> (Accessed 20 May 21).

Rowling, J.K. (2014), *Harry Potter and the Philosopher's Stone*, Bloomsbury, London, UK.

Serikov, A.E. (2021), Typical forms of children's disposition to accept and make sacrifice, *Mixtura Verborum' 2019-2020: Marginal time: collection of sci. articles*, Samarama, Samara, pp. 65–94 (In Russian).

Unicorn (2020), *Encyclopedia Britannica*, [Online], available at: <https://www.britannica.com/topic/unicorn> (Accessed 18 April 21).

Дата: поступления статьи: 22.07.2021

после рецензирования: 10.09.2021

принятия статьи: 30.09.2021

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-3-20-23

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 23.07.2021

Revised: 10.09.2021

Accepted: 30.09.2021

A.Yu. Moiseeva

Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch of the Russian Academy of
Sciences, Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: abyssian03@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1440-9598>

D. Chalmers and J. Perry on zombie problem and the content of phenomenal concepts

Abstract: David Chalmers and John Perry both construe phenomenal concepts as irreducible to descriptive concepts of physical properties or properties, which logically supervene on them. But they draw different conclusions from this point. D. Chalmers in “The Conscious Mind” argues that the epistemic gap between phenomenal and physical properties shows that the former cannot be ontologically identified with the latter. J. Perry in “Knowledge, Possibility and Consciousness” claims that we can identify phenomenal properties with physical ones without being committed to reductionism. In this paper I am going to examine Chalmers’ and Perry’s views on meaning and necessity, especially with respect to identity statements, in order to find where exactly their ways of thinking about the content of phenomenal concepts.

Key words: phenomenal properties; zombie world; two-dimensional semantics; levels of content; supervenience; identity; reduction.

Citation: Moiseeva, A.Yu. (2021), D. Chalmers and J. Perry on zombie problem and the content of phenomenal concepts, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 3, pp. 20–23, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-20-23>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Moiseeva A.Yu., 2021** – Cand. Sc. Philosophy, Research Scholar, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 165

А.Ю. Моисеева

Институт философии и права СО РАН,
г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: abyssian03@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1440-9598>

Д. Чалмерс и Дж. Перри о проблеме зомби и содержании феноменальных понятий

Аннотация: Дэвид Чалмерс и Джон Перри оба истолковывают феноменальные понятия как несводимые к дескриптивным понятиям физических свойств или свойств, которые логически супервентны на них. Но философы делают из этого разные выводы. Д. Чалмерс в «Сознающем уме» утверждает, что эпистемический разрыв между феноменальными и физическими свойствами показывает, что первые не могут быть онтологически отождествлены со вторыми. Дж. Перри же в «Знании, возможности и сознании» утверждает, что мы можем отождествлять феноменальные свойства с физическими, не будучи приверженными редукционизму. В настоящей статье я собираюсь исследовать взгляды Чалмерса и Перри на значение и необходимость, особенно в отношении утверждений тождества, чтобы найти, в чем именно расходятся их способы представления содержания феноменальных понятий.

Ключевые слова: феноменальное свойство; зомби-мир; двумерная семантика; супервентность; тождество; редукция.

Цитирование: Моисеева А.Ю. Д. Чалмерс и Дж. Перри о проблеме зомби и содержании феноменальных понятий // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 3. С. 20–23. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-20-23>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Моисеева А.Ю., 2021** – кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, 630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

It's no exaggeration to say that "The Conscious Mind" (Chalmers 1996) is one of the most important and disputed books on the philosophy of mind. In this book its author, David Chalmers, presents some arguments in favor of his position on the issue of the nature of qualitative mental states or, using good old philosophical terminology, phenomena. At first, he argues that our phenomenal concepts are irreducible to descriptive concepts of any physical properties or properties, which supervene on them. The main argument here is so called knowledge argument, but I will not focus on it now. Secondly, he moves from epistemology to ontology and argues that phenomenal properties cannot be identified with physical ones. Here he uses another, modal argument better known as an argument from zombies.

In philosophy of mind the word "zombie" does not mean the dead, which walks staggering, attacks people so as to eat them and has no ability to make meaningful conversation. Philosophical zombies are beings indistinguishable from people (or just from ourselves, to strengthen the argument) from the third-person perspective, but having no phenomenal experience. We can conceive a whole world physically identical with the actual one, but it is full of such zombies instead of conscious beings, and such world is metaphysically possible, as Chalmers claims. Strictly speaking, we cannot even be sure that our own world is not such a zombie world, although Chalmers himself prefers not to go that far. One way or another, but the argument from zombies, if it is correct, proves physicalism to be false. This argument is given in details in (Chalmers 1996, pp. 94–99, 131–134).

It should be noted right away that Chalmers' understanding of possibility is based on his view on meaning and content. To formalize the relevant aspect of the meaning of an expression he uses two-dimensional semantics. In his version of this theory every meaningful expression is associated with two functions. The first one, the so-called primary intension, is a function from possible worlds to extension of the expression, which reflects the way that actual-world reference is fixed. For example, the primary intension of the term "water" picks out the dominant clear, drinkable liquid in the oceans and lakes or, briefly, the *watery stuff*. Another function, the secondary intension, is a function from possible worlds to extension, fixing in each world the same referent, which is fixed by primary intension in actual world. Since it happens that the watery stuff in actual world is H_2O , the secondary intension of the term "water" is H_2O . If we imagine that we live in the world where the watery stuff is XYZ, then we should associate the term "water" with another secondary intension, namely XYZ. There are, so to speak, two levels of content, one of which is determined by actual world and the other – by counterfactual world – or again the actual world, if it considered as a world of valuation. In the following table (Tab. 1), which is

taken from Chalmers' review article (Chalmers 2006, p. 578), the left column represents worlds considered as actual and the top row represents worlds considered as worlds of valuation. The primary intension here is represented by diagonal, where the same world is considered as actual and as a world of valuation. The secondary intension is represented by rows.

Tab. 1

	H_2O -world	XYZ-world	...
H_2O -world	H_2O	H_2O	...
XYZ-world	XYZ	XYZ	...
...

In accordance with his primary / secondary intension distinction, Chalmers distinguishes two kinds of propositions: primary and secondary ones. A statement is epistemically (or *a priori*) necessary, if and only if it associates with the necessary primary proposition; and a statement is metaphysically (or *a posteriori*) necessary, if and only if it associates with the necessary secondary proposition (Chalmers 2006, pp. 602–603). In the case of water recognition, the fact that watery stuff in actual world is H_2O has led us to redefine the term "water" so that henceforth we began to consider that if there is a watery stuff not being H_2O in counterfactual worlds, then it is not water, although we could take it for water looking with the naked eye. But in the case of phenomenal properties, as Chalmers claims, we cannot undertake such redefinition because the secondary intension here must be the same as primary intension. For example, it cannot be that some state seems to be the state of pain but is not the state of pain. By every plausible definition pain is what is sensed as pain, and nothing else. So, according to him, in this case there is no necessity at all.

In relation to the possibility of zombies this means that zombies are both epistemically and metaphysically possible. It is implausible, according to Chalmers, that zombies really exist anywhere, but it does not change matters. If there is no necessary connection between physical and phenomenal properties, then phenomenal properties, firstly, can't be reduced to physical properties or properties, which logically supervene on them, and, secondly, they *are* not physical properties and do not logically supervene on physical properties. Therefore, physicalism is false. We should presuppose at best natural supervenience, and it is this presupposition that underlies Chalmers' naturalistic dualism.

Indeed, it is often claimed that denial of logical supervenience of phenomena leads one to accept some kind of dualism. But, as we know, there are many philosophers who still search a way to confine themselves to the former and don't do the latter. John Perry, the author of "Knowledge, Possibility and Consciousness" (Perry 2001), is one of them. In denominated book he adopts the view that we can identify phenomenal properties with physical ones without be-

ing committed to reductionism. In other words, Perry claims that it is coherent to deny both the possibility of zombie world and our ability to prove that it is impossible. His main idea is this: identity, contrary to common opinion, is the weaker relation than logical supervenience, so physicalist should not retreat to causal supervenience but should stick instead with identity. He stresses that physicalism can be construed as empirical hypothesis, not as *a priori* proved claim. This hypothetical version of physicalism, which Perry calls antecedent physicalism, has a significant advantage: its advocate should only prove that his theory is not *a priori* false. It is that Perry, as he claims, can do. Let's follow his argumentation.

Firstly, Perry, like Chalmers, accepts the premise that reducibility requires logical supervenience, i.e. the ability to formulate *a priori* some sufficient conditions of phenomenal properties in physical terms. He, again like Chalmers, argues the claim that we have no such ability, but with the help of another analysis. As Perry says, linguistic (and cognitive) content is not more than a way of classifying linguistic (and cognitive) events by their truth conditions. There are many ways of classifying, depending on what kind of information we consider as given and what kind of information we consider as additional. In general, he exposes this dependence in the following formula, which he calls "Content Analyzer":

CA: Given *such and such*, φ is true if *so and so*, where φ is any truth-evaluable representation, *such and such* are facts about this representation, and *so and so* is the content assigned to φ given those facts (Perry 2001, p. 125).

Consider, for example, the statement "Water is H_2O ". If the condition that in English "water" means the watery stuff is given, then this statement is true if and only if the watery stuff is H_2O . In our world it is the case, but there are possible worlds where it is not the case. Perry calls such content, obtained by using only relevant rules of fixing reference, an attributive content. On the other side, if the condition that in English "water" refers to H_2O is given, then this statement is true if and only if H_2O is H_2O . Obviously, this is the case in every possible world. Perry calls such content, obtained by using rigidly fixed reference, a referential content. Attributive content and referential content, according to him, are two constituents of what he calls a subject matter content.

So far, we don't detect any significant advantages over the previous analysis. Perry's attributive and referential content is very similar to Chalmers' primary and secondary proposition respectively. But consider now the statement "This is H_2O ", which is made by agent pointing at a stuff in a glass. This statement allows us to assign another type of content, namely context-dependent content. The content, given that in English "this" means, roughly, the object, which the speaker is pointing at, consist in that the object, which

the speaker is pointing at, is H_2O . Such context-dependent content Perry calls reflexive content. It should be said that reflexivity in general is the cornerstone of Perry's semantics (See for example: Perry 1993); and it is reflexivity that he appeals to explaining irreducibility of phenomenal properties (Perry 2001, p. 145 and so forth). As he claims, our ability to conceive this or that counterfactual situation is based not on its possibility but on how we learn to use the terms in which this situation is described. The usual way to learn it is reflexive, and, therefore, reflexivity should be taken into account when analyzing the meanings of these terms.

The technical trick here is that Perry postulates the existence of special kind of signifiers, so-called inner demonstratives. Inner demonstratives are internal tokens functioning wholly like ordinary demonstratives "this" and "that", except the fact that they demonstrate not only things but also phenomenal properties, and because of them we can refer to phenomenal property, which is in fact physical property, without being able to formulate *a priori* sufficient physical conditions of it. For example, I can think "*This_i is pain*", where "*this_i*" is an inner demonstrative referring to phenomenal property of my actual state. If I'm not adhere, say, to the theory that pain is the property of stimulating C-fibers, then I would not be able to infer from my thought that my actual state is the state of having stimulated C-fibers, although it really is. More than that, I would be able to think about the same phenomenal property "*This_i is the property of relaxing C-fibers*" without incoherence. It is not because the identity of pain and stimulating C-fibers is not necessary. It is because my concept of pain and my concept of stimulating C-fibers would be received and supplemented from different sources and applied to different situations. As Perry himself expresses it, the information flow between them is blocked (Perry 2001, pp. 184–185). In relation to the possibility of zombies this means that zombies are epistemically possible but metaphysically impossible. The second claim here is postulated rather than proven. Perry simply presupposes all the referents of phenomenal concepts being fixed, and, since those referents are some physical properties, according to his antecedent physicalism, he gets *a posteriori* necessity.

Here it will be better to stop for a moment and grasp the state of affairs. Chalmers draws a conclusion about inconsistency of physicalism as ontological theory from epistemological considerations. Perry agrees with these considerations but not with Chalmers' conclusion. He seems to argue that epistemological considerations have no influence to the consistency of, at least, antecedent physicalism. The point, according to Perry, is that the identity of concepts of properties does not depend on the identity of properties themselves, no matter *a priori* or *a posteriori*. It does depend on relations between these concepts and other concepts, the most important of which are inner demonstratives referring to some previous experiences, namely the ex-

periences serving as sources and applicandum of given concepts. These experiences determine the reference of concepts (Perry 2001, p. 185). Besides our concepts of phenomenal properties include some descriptions, which are believed to be satisfied by these properties. No matter are these descriptions formulated in physical terms or phenomenal terms or both, because, according to Perry, phenomenal terms refer to physical properties. If everything goes well, then these experiences really satisfy these descriptions. But sometimes we misconnect the description with experiences and sometimes we, contrariwise, do not recognize experiences as satisfying the description. In such cases we draw wrong conclusions about our sensations. It is not because we have wrong sensations; it is because we wrongly conceptualize them.

Chalmers from his side does not admit that sensations may be wrongly conceptualized. He simply demarcates two kinds of properties and two kinds of conceptualization. Phenomenal properties, according to him, are fully internal, and we know them directly. It seems to me that, in fact, he supposes the existence of something like inner demonstratives too. In order to account for reflexivity Chalmers in his system introduces new notion, namely the notion of centered possible world (Chalmers 1996, 61; Chalmers 2006, 590). It is the triplet of a possible world where a given demonstrative is used, the agent using the demonstrative, and the time when the demonstrative is used. Then he can formalize the content of a demonstrative as primary intention, which he claims to be reducible to the facts about the center with addition, probably, of some ordinary physical facts (Chalmers 1996, p. 144–145). For example, in such supplemented version of two-dimensional semantics the primary intention of “*this_i*” in my thought “*This_i is pain*” should be something like *the phenomenal property of the agent’s state at the present time*. We can somehow generalize our experiences and form the descriptions of their phenomenal properties in mental terms. Say, I can form the belief that pain is a kind of suffering, basing on my experiences of pain and other suffering. But we cannot know directly any physical properties. Concerning every statement identifies phenomenal property with physical property we can conceive the world where this identity would not be the case. So, supposing the existence of inner demonstratives does not oblige to deny the possibility of zombie world.

Thus, Chalmers’ and Perry’s ways of thinking about phenomena diverge in the level, where they find the basis of the conceivability of zombies. Chalmers, the dualist, claims that it is based at the level of subject matter content. According to him, the zombie world is conceivable because phenomenal properties literally are non-physical properties. Perry, the physicalist, cannot agree with this, but he claims that at the level of reflexive content we can conceive zombies without incoherence. From his point of view, phenomenal

properties seem to be other than physical properties because of their different role in thinking, especially different ways of referring to them. Chalmers’ fallacy is, according to Perry, a kind of common fallacy – namely the fallacy producing by assumption that all content can be reduced to properly accounted subject matter content (Perry 2001, p. 198). The subject matter level is enough when thought content is interesting for us only with respect to its truth. But in zombie case what matters is not truth but coherence, and there are no problems with it, when we keep in mind the level of reflexive content.

Which of these two philosophers is more successful in achieving his goal? From a certain point of view, Perry is, since he has defended physicalism against Chalmers’ semantic attack. From another point of view, nobody is, since Perry’s arguments could not show that physicalism better explains our intuitions concerning zombies than dualism. If you have already been a dualist, you can still remain a dualist. In fact, Perry’s understanding of identity theory is more than unclear. What does it mean to be identical properties which cannot be identified by concepts? How can we grasp the relations between their possible extensions? What logic would have the language suitable for the strict formulation of such statements? None of these questions have been answered in Perry’s book. Because of this, even those philosophers who are generally supportive of physicalism may be dubious about his position. Nevertheless, his significant contribution to solving the zombie problem consists in the very idea of reflexive content and its explanation of what identity statements are in general. When Perry shows how this explanation works in other cases (in solving Frege’s puzzle, for example), it looks very convincing. For complete success, he lacks the last step: a way to move from identity statements about objects to identity statements about properties. However, this step can be fraught with difficulties, as is often the case in the transition from first-order languages to higher orders.

References

- Chalmers, D. (1996), *The conscious mind. In search of a fundamental theory*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Chalmers, D. (2006), *Two-Dimensional Semantics, Oxford Handbook of the Philosophy of Language*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Perry, J. (2001), *Knowledge, Possibility and Consciousness*, MA: MIT Press, Cambridge, UK.
- Perry, J. (1993), *The problem of the essential indexical and other essays*, Oxford University Press, NY, Oxford.

Дата: поступления статьи: 23.07.2021
 после рецензирования: 10.09.2021
 принятия статьи: 30.09.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 860-2

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-3-24-32

Дата: поступления статьи: 02.08.2021
после рецензирования: 12.09.2021
принятия статьи: 01.10.2021

Н.Э. Сейбель

Южно-уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: Seibel_ne@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6840-8286>

Я.О. Шебельбайн

Южно-уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: Shebelbaynyao@cspu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-7917>

Акустические пространства драматургических коллажей Фрица Катера

Аннотация: в статье рассматривается «ГДРовская трилогия» Фрица Катера как драматургический коллаж, отличающийся множественностью и гетерогенностью составляющих его элементов, перекодированием смыслов каждого фрагмента в контексте целого, синтезом различных драматургических и эпических техник, элементов музыки, живописи и других видов искусств. Прослеживаются отношения связи, отталкивания, параллелизма, контраста, возникающие между сценами в контексте трилогии. Описывается авторская стратегия построения аудиального образа в пьесе. На примере первой из пьес «Винета (или водомания)» (Vineta (Oderwassersucht), 2001) анализируется прописанная в авторских ремарках звуковая партитура, акцентирующая деление пьесы на две части по принципу золотого сечения. Используемый в статье мотивный анализ показывает, как построенная в духе Джона Кейджа внемузыкальная звуковая палитра пьесы выявляет и усиливает мотив потери – главный мотив первой части, а наступившая в последних сценах тишина помогает высветить возникающий в них мотив стыда. Музыкальные фрагменты пьесы ассоциированы с мифологическим образом затонувшего города, утраченного «рая», процветающей Винеты.

Ключевые слова: постдрама; фрагмент; коллаж; монтаж; саунд драма; Фриц Катер; simultaneity; интеграция.

Цитирование: Сейбель Н.Э., Шебельбайн Я.О. Акустические пространства драматургических коллажей Фрица Катера // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 3. С. 24–32. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-24-32>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Сейбель Н.Э., 2021** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и МОЛ, Южно-уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 454080, Российская Федерация, г. Челябинск, ул. Ленина, 69.

© **Шебельбайн Я.О., 2021** – магистрант кафедры литературы и МОЛ, преподаватель колледжа ЮУр-ГППУ, Южно-уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 454080, Российская Федерация, г. Челябинск, ул. Ленина, 69.

SCIENTIFIC ARTICLE

N.E. Seibel

South Ural State Humanitarian Pedagogical
University, Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: Seibel_ne@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6840-8286>

Ya.O. Shebelbayn

South Ural State Humanitarian Pedagogical
University, Chelyabinsk, Russian Federation
E-mail: Shebelbaynyao@cspu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5218-7917>

Acoustic spaces of Fritz Kater's dramatic collages

Abstract: the article examines the “GDR Trilogy” by Fritz Kater as a dramatic collage, characterized by the multiplicity and heterogeneity of its constituent elements, re-coding the meanings of each fragment in the context of the whole, synthesis of various dramatic and epic techniques, elements of music, painting and other types of arts. The relations of connection, repulsion, parallelism, contrast that arise between the scenes in the context of the trilogy are traced. The author's strategy of constructing an auditory image in the play is described. On the example of the first of the plays “Vineta or Vodomania” / “Vineta or Oderwassersucht”, (2001), the author analyzes the sound score written in the author's remarks, emphasizing the division of the piece into two parts according to the principle of the golden section. The motive analysis used in the article shows how the extra-musical sound palette of the play, built in the spirit of John Cage, reveals and enhances the motive of loss – the main motive of the first movement, and the silence that occurred in the last scenes helps to highlight the shame-motive that arises in them. Musical fragments of the play are associated with the mythological image of the sunken city, the lost “paradise”, the flourishing Vineta.

Key words: post-drama; fragment; collage; editing; sound drama; Fritz Kater; simultaneity; integration.

Citation: Seibel, N.E. and Shebelbayn, Ya.O. (2021), Acoustic spaces of Fritz Kater's dramatic collages, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 3, pp. 24–32, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-24-32>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Seibel N.E., 2021** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Literature and MOL, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, 69, Lenin Street, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation.

© **Shebelbayn Ya.O., 2021** – Master's Degree Student of the Department of Literature and MOL, Lecturer at the SUSPU College, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, 69, Lenin Street, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation.

Введение

Фритц Катер – уникальная фигура в современном театре и литературе и в силу продуктивности (несколько десятков пьес за тридцать лет), известности (неоднократный «автор года» по версии «Theater heute», лауреат премии Лессинга и т.д.) и двойственности (он совмещает в одном лице режиссера Армина Петраса – 1964 г.р., ставшего известным в 1987 году после постановки мюллеровского «Волоколамского шоссе» в театре Нордхаузена, и драматурга Фрица Катера – 1966 г.р., создателя большого количества драматургических текстов). Театрально-драматический проект Армин Петрас / Фритц Катер возник в 1990 году, и два лица одного и того же художника принципиально обособлены, у каждого свои функции и область ответственности. «Двойственность, определившая его биографию, отразилась и на творчестве» (Должанский 2009, с. 8). Петрас ставит перед собой задачу дифференциации различных этапов работы над спектаклем, создания театрального представления как результата именно «коллективного творчества», в котором индивидуальный автор растворяется в энергии диалога, плюрализма, столкновения позиций (Nissen-Rizvani 2011, p. 116). Понимание природы театрального искусства как диалогической определяет не только алгоритм работы автора, но и структуру его произведений, построенных как набор фрагментов, находящихся в сложных отношениях параллелизма – связности – отталкивания – антитезы

Ход исследования

Определяя тексты Ф. Катера как драматургические коллажи, мы, с одной стороны, следуем уже сформировавшейся традиции: первые такие эксперименты появились еще в драматургии немецкого романтизма, и пьеса К.Д. Граббе «Шутка, сатира, ирония и кое-что посерьезнее» – один из ярких примеров. Драматургия зарождающегося эпического театра начала XX века прямо ориентируется на дадаистские коллажи, например, пьеса «Страх и отчаяние Третьей империи» Б. Брехта определяется литературоведами как «ряд эпизодов» (Копелев 1966, с. 249), в которых сам Брехт подчеркивал единство «атмосферы... и напряжение» (Брехт 1965), или пьеса «День России» Э. Пискатора, где сталкиваются «сценическая условность с документальной реальностью» (Соломкина 2016, с. 26), а разнородные «предположения и абстракции» (Колязин 1998, с. 170) собраны в три части при помощи комментатора. И. Чистюхин (в книге «О драме и драматургии») временем формирования коллажной драмы называет середину XX века: «Коллажная – одна из наиболее сложных композиций, но и самых интересных. В её основе лежит некий смысловой сюжет, построенный по структурной схеме (экспозиция, завязка, кульминация, развязка, эпилог), но каждая часть композиции раскрывается отдельной историей» (Чистюхин 2021, с. 87). В становлении коллажной драмы в Германии особое место принадлежит Петеру Вайсу с его документальной драмой

«Дознание» (1965) о суде над палачами Освенцима и Хайнеру Мюллеру с его «Волоколамским шоссе», «Германией. Смертью в Берлине» и другими пьесами, о которых автор говорил как о драматургии «бильярдного шара» (Мюллер 2021, с. 423), соединяющей набор гетерогенных эпизодов.

С другой стороны, близость понятий фрагментарный текст, цикл, монтажный и коллажный текст требуют комментариев тем больше, чем больше драма как литературный род сопротивляется прерывистости и непоследовательности, будучи сориентирован на «телеологическое единство... цели и результата» (Фрумкин 2020, с. 50), при которой «целенаправленность сама порождает некую развернутую во времени целостность» (Фрумкин 2020, с. 56).

Коллаж как предмет рассмотрения. В качестве статифицирующих признаков коллажа необходимо выделить следующие.

Во-первых, множественность элементов, его составляющих. Если монтаж акцентирует контраст стоящих рядом фрагментов (крупный / средний план; человек / мир; верх / низ) и поддерживает, по сути, классическую гуманистическую модель искусства, базирующегося на бинарных оппозициях, то коллаж работает с ритмами, переходами одного в другое. Он косвенно основывается на бурно развивавшейся на рубеже XIX – XX вв. математической теории множеств (Георга Кантора, Бертрана Рассела и др.), базируется на «представлении о полном распаде всех иерархий, снятии бинарных оппозиций и “смерти” субъекта» (Бьюз 2016, с. 10). Коллажное искусство создает эффект бытийности, присутствия. Часто ставит зрителя в положение «фланёра» – бесстрастного наблюдателя, бесцельно оббегающего взглядом всё множество элементов и случайно погружающегося в «транс» озарения: ему предоставляется свобода «перемещения между дискурсами и ценностями», что «предельно расширяет» границы «всякой идентичности» (Кучумова 2019, с. 39–40). Определение коллажа как «конъюнктивного соединения разнородных элементов в целостный текст» (Володин, Житова 2019, с. 169) передает главный «грамматический» принцип построения коллажа – бессюжетная связь между его элементами.

Во-вторых, в отличие от монтажа, коллаж синтетичен. Ефремова даёт следующее определение коллажу: «Технический приём, при котором на холст или иную основу наклеиваются отличающиеся от них по цвету и фактуре материалы: обрывки газет, обоев, лоскутки ткани, щепки, осколки» (Ефремова 2000). Поскольку коллаж в литературе и театре зарождается как реакция на коллаж в произведениях пластического искусства, этот принцип сохраняет свою актуальность и при переносе в менее поддающиеся столкновению ве-

ществ и материалов виды искусств. Так, Пави в своем «Словаре театра» под коллажем понимает «сочетание двух разнородных элементов и материалов или же произведения искусств и реальных предметов» (Пави 1991, с. 144). Драматург имеет возможность сталкивать фрагменты различных текстов: имеющих эпическую или драматическую природу, звуковые файлы, газетные статьи, интертекстуальные фрагменты и т.д. Перенос живописных приемов на интермедийную почву происходит в XX веке и в музыке: техника коллажа активно разрабатывается, например, Джоном Кейджем, соединяющим «не только разные по стилю и происхождению (написанные им самим и другими авторами) фрагменты произведений, но и целые пьесы, звучащие одновременно друг с другом в одном перформансе, ... шумы окружающей среды (так называемую конкретную музыку), исполняемую на инструментах музыки, чтение стихов, показ картин, сценические действия участников и т. д.» (Переверзева 2018, с. 43).

В-третьих, один из базовых принципов коллажа – принцип фрагментов, которые в пределах одного нового текста в совокупности создают новые смыслы, погружающие читателя в другую систему восприятия, порождающие – по Вальтеру Беньямину – «переживание сродни религиозному прозрению» (Травников 2016, с. 703). Столкновение эмоциональных переживаний, смыслов, художественных техник создает альтернативную реальность, которой свойственна иная темпоральность проживания и осознания. Интуитивно-художественные «прозрения» реципиента при этом, хотя и подготовлены художником, но не могут быть синхронизированы и однозначно запрограммированы той или иной частью произведения: «Зияющие провалы и пустые пространства, расчленяющие их амбивалентные композиции, приглашают к открытию неясного, неопределенного, непохожего, еще не существующего» (Лашо 1999, с. 59). Отличие монтажа и коллажа в «установке на созидание целостной картины» первым «или её отсутствия» во втором (Сейбель 2017, с. 155).

Наконец, коллаж создается с принципиальной установкой на спонтанность, случайность соединения элементов, включения «трансцендентной реальности высшего порядка ... в какой-нибудь взятый наугад, случайный фрагмент настоящей, реальной действительности» (Дали 2020). Игра случая в недрах авангарда трактуется как путь раскрепощения творческих сил, познания сакрального, божественного, выявления изначального и природного: «Автоматизм, экстаз, безумие, спонтанность – всё это инструменты приближения к свободному искусству» (Бобринская 2006, с. 195), способ «зримыми представлениями намекнуть на непредставимое» (Лиотар 2008, с.

150). Постмодернизм, как констатируют многие его исследователи, подменяет утопию свободы познающего сознания «рассеиванием бесполезных элементов собственной болтовни» (Лашо 1999, с. 63) и «фрагментацию создает не из разногласия, но из консенсуса/конформизма» (Лашо 1999, с. 63) ради иллюзии всеохватности и быстрой смены тем и объектов.

Определяя драмы Фрица Катера как драматургические коллажи, мы сталкиваемся с двойной задачей: показать на материале «ГДРовской трилогии» – одного из самых значительных текстов драматурга, – как принципы коллажного искусства реализуются в его драмах, и разукрупненно продемонстрировать возможности использования различных видов искусств (в данном случае акцент будет сделан на музыке) в драматургическом коллаже.

Полученные результаты

Коллажная техника в трилогии Ф. Катера. Петрас «олицетворяет политический театр, ищущий следы прошлого в настоящем» (May 2013). Его «ГДРовская трилогия» – многосоставный текст, построенный на столкновении историй преимущественно молодых героев, чьё взросление пришлось на время застоя, распада, очередного «передела» мира и изменения европейской карты.

Принцип множественности элементов отражается уже в структуре анализируемого текста. Трилогию составляют драмы «Винета (или водомания)» (Vineta (Oderwassersucht) 2001), «время любить время умирать» (zeit zu lieben zeit zu sterben 2003), «МЫ ЭТО КАМЕРА / ясонматериал» (WE ARE CAMERA / jasonmaterial 2004).

Первая пьеса «Винета (или водомания)» – это 18 сцен, описывающих события 1994 года с флешбеками в 1971 и 1984, расположенных в «произвольном порядке», который автор оговаривает в ремарках, позволяя варьировать отдельные сцены по желанию постановщика. Исторический фон происходящим узколичным событиям составляет вывод российских войск с территории Восточной Германии. Фабула организуется вокруг подготовки к боксерскому поединку – последнему для тридцатидвухлетнего Стива. Его более молодые соперники еще не успели осознать, как короток спортивный век, но и им предстоит пройти через крах надежд (Франк будет изуродован в драке, а Майк окажется в тюрьме). Главный мотив пьесы – мотив потери, почти в каждой сцене звучат лейтмотивом слова «больше не было»: «Производства больше нет», «Спортзала больше не было», «пионеров больше нет», «шума больше нет». Постепенно вполне ощутимые и измеримые в физических величинах потери вытесняются утратой ценностей ментального характера: желания сражаться, дела жизни, здоровья. Мотив потери

вытесняется во второй половине пьесы мотивом стыда. Разочарование, через которое проходят герои, становится тотальным.

Вторая пьеса «время любить время умирать» – трилогия о взрослении подростков в ГДР рубежа 1970–1980-х годов. Молодые герои трех фабульно не связанных историй оказываются в ситуации нравственного кризиса: трагедии друзей, впервые пережитое предательство и поиски любви – в первой, побег отца, выбор матери между любовью к отцу и предложенной его братом заботой и опекой, собственное соперничество в любви – во второй, наблюдение за метаниями взрослых, неспособных сделать выбор между семьей и поздней любовью – в третьей. Личный кризис усугубляется государственным – общественную ситуацию герои осознают как бесперспективную и опасную. Катер подчеркивает цикличность истории, помняв лишь одну букву в названии («*Zeit zu leben und Zeit zu sterben*» у Ремарка и «*zeit zu lieben zeit zu sterben*» у Фр. Катера), автор восстанавливает одну из главных ремарковских идей: время разочарования – это время для осознания собственной нравственной ответственности за свой мир и свою семью.

Каждая из пьес тоже «распадается на элементы».

Первая часть пьесы – «Юность/хор» – представляет собой монолог юноши, проживающего на сцене время между шестнадцатью и восемнадцатью годами, соответственно, события не синхронизированы с моментом рассказывания и – скорее эпически, чем драматургически – осмысляются постфактум. Из потока речи вычленяется собственно драматическая история: неудачи в любви, испытания детской дружбы и расставание когда-то неразлучной троицы (Вольфа, Ханса и рассказчика), вероломство укравшего школьный доклад Томаса Хербинга (он получает стипендию, переезд в Америку). Эти сюжетные линии связаны между собой системой мотивов, наиболее частотный из которых – мотив поражения/аутсайдерства.

Вторая часть – «Старый фильм/группа» – «самая драматургическая драма» во всей трилогии, несмотря на отсутствие линейного действия. Фабулу пьесы организует связь трёх поколений. В прошлом два брата Боймер и Манфред, а также жена Манфреда Ева и возлюбленная Иоланта составляли сложный любовный треугольник. Манфред сбежал на Запад, а Боймер оказался в тюрьме. Повзрослевшие сыновья Евы Петер и Ральф снова оказываются в ситуации любовного треугольника и сталкиваются в борьбе за любовь Адрианы. Параллелью к истории молодых героев выступают еще несколько любовных треугольников. Таким образом, история отцов повторяется в истории детей, несколько поколений устойчиво

обретают в повествовании звериные черты (они похожи на обреченных, загнанных животных, вырванных из естественной среды обитания) и мотивы предательства и слабости, предательства и сочувствия усугублены их животным бессилием и неосознанностью борьбы.

Третья часть – «Одна любовь – Два человека» – рассказ о стареющем герое, неспособном разорвать ни любовную связь с молодой чужестранкой, ни семейный союз, где растёт так похожий на него ребенок. Наблюдатель, от лица которого ведется повествование, остается «в тени», но по нескольким оговоркам можно сделать вывод, что монолог принадлежит повзрослевшему сыну героя. Мотивы отречения и преодоления реализованы в не разделённом на эпизоды тексте, который, если считать «переключения» ракурса внимания, времени и пространства, распадается примерно на двадцать эпизодов.

Три части, таким образом, выстроены в градационный ряд по принципу постепенного сужения состава действующих лиц, отказа от хора ради дифференциации речевых потоков и концентрации внимания на личной трагической истории.

Третья пьеса «ГДРовской трилогии» «МЫ ЭТО КАМЕРА / ясонматериал» начинается с воспоминаний о неудачной рыбалке в 1971 году, которые сменяются флешбэком 1969 года, и в дальнейшем чередование сцен осуществляется по схеме: две сцены из отдаленного прошлого (1969 г.) сменяются сценой из приближенного прошлого (1975 г.), одна сцена из 1969 года сменяется двумя сценами из 1981 года (1+2+1+1+2+1 – прошлое «уходит», его становится всё меньше, настоящего – всё больше). Ритм ускоряется, и, подобно снежному кому, события, разница между которыми в шестнадцать лет, наслаиваются друг на друга, стирая временной интервал. Большая часть событий происходит в начале 1969 года, то есть сразу после принятия Конституции ГДР, закрепившей социалистический курс страны – время, когда герои бегут на Запад. В коллаж выстраиваются события дня побега: пробуждение – отъезд – аэропорт – полёт в самолёте – регистрация в гостинице и т.д. Они описываются пятилетним Мирко, а детскому сознанию присуще воспроизведение без осмысления. Последний монолог повзрослевшего героя относится, вероятно, к 1986 году (упоминание Чернобыля, рассказ о хомяках). Центральный мотив пьесы – мотив жертвы, которой становится отец (измена матери, ранение на охоте, смерть), жертвоприношения.

При целостном прочтении трилогии становится очевидно, что принцип перекодирования смысла отдельных частей проявляется в катеровском коллаже со всей полнотой.

Во-первых, открывающая трилогию пьеса «Винета», действие которой отнесено на десятилетие

вперед по сравнению со всеми последующими, задает ретроспективный ракурс, позволяющий оценить события всех прочих частей с точки зрения того итога, к которому они привели. Стремящиеся к свободе, находящиеся в духовной оппозиции тоталитарному государству и Штази герои, оказавшиеся каждый в своей истории перед открытым финалом и неясными перспективами, получают «завершенность» в пьесе, лейтмотив которой – дождь, покрывающий потоками воды все надежды и чаяния, топящий перспективы. Танки уходят, но нового дивного мира на восточных землях не возникает. Ни радости, ни благополучия, ни даже покоя героям девяностых не даровано. Как и все их предшественники, они снова мечтают сбежать, не будучи в силах смириться с тем, что жизнь их прошла зря. «Персонажи, ставшие ‘отголосками прошлого’», характерны для немецкой драматургии, несущей в себе «энергию смены времен... Г. Костер «Отголосок», О. Буковски «Гости» и др.» (Сейбель 2013, с. 109), но «насколько хорош этот текст ... , возможно, раскрывается только сегодня, с разницей в десять лет» (Лаагес 2012). Последовательность сцен, таким образом, существенно деформирует содержание каждой из них.

Кроме того, последовательно выстроенные эпизоды выявляют развитие еще одной важнейшей сюжетной ситуации – отношения поколений – не так выраженной в каждой отдельной пьесе, но «собирающейся» в сквозной мотив при последовательном их рассмотрении. Если изначально представители старшего поколения оказываются в поле критики, сатиры, осмеяния – они безразличны (в пьесе «Юность/хор»), дурны, жестоки и расчеловечены в своей безнравственности («Старый фильм/группа»), то в двух последних пьесах они разукрупнены, их судьбы – главный предмет интереса, на их примере показаны две возможности восстановить честные отношения с детьми, поступить ‘благородно’, либо оставив семью ради непреодолимой любви-страсти («Одна любовь – два человека»), либо принося себя в жертву, закрывая глаза на измену, преодолевая все трудности ради детей («МЫ ЭТО КАМЕРА/ясонматериал»). Соответственно, меняется и позиция юных: от безразличия и обвинений – к осознанию боли и собственной вины перед старшими. Это движение фиксируют и названия пьес. Формула «Одна любовь – два человека» может быть истолкована и как акцентирующая действующих лиц рассказываемой истории: Он и Она – находящиеся в состоянии бесконечной любви-вражды, жестоко ранящей обоих, не приводящей к пониманию, миру, покою (тем более что Она говорит на чужом языке и является воплощением популярного в литературе XX века типа молчаливой женской загадочности и сексуальности, отраженном у Г. Броча «Лунатики», Г. Грина «Тихий американец» и др.

текстах). Но не менее важны отношения между сыном героя – любящим, ожидающим отцовской любви, отчужденным – рассказывающим всю историю трагической любви отца: одна любовь, вынесенная в заголовок, как оказалось, не делится на двоих: либо возлюбленная, либо сын будут ущемлены. Название «Ясонматериал» отсылает читателя к пьесе Хайнера Мюллера «Медея: материал». Тексты роднит проблема исторической вины и расплаты. Однако Фр. Катер реализует её через образ отца: жертвой измены становится мужчина. Из сцены в сцену его самоотречение реализуется в случайных травмах и страданиях. Для сына в нём концентрируется образ утраченной и поруганной родины, он расплачивается за своё и чужое предательство.

Так, каждая из пяти частей приобретает дополнительные контекстные смыслы, существенно расширяющие её собственное семантическое поле.

Коллаж Фрица Катера синтетичен с точки зрения столкновения различных нарративных структур, интертекстуальных потоков, театральной механики и элементов, составляющих аудиоряд спектакля.

Столкновение монологической и диалогической формы, Ich- и Er-Erzählung (я- и он-повествования), событий действия и событий рассказывания подробно рассматривает, например, Д. Капуста в статье «Эпические повествовательные техники в современной немецкой драме» – преимущественно лингво-коммуникативное исследование, рассматривающее драму Катера как переходное явление между эпической и монодрамой, в которой «гомодиегетический рассказчик» (Kapusta 2011, p. 147) соединяет различные способы повествования. Объектами её внимания становятся отказ от «фигуративности», исповедальность фиктивного дневника, адресация текста читателю, а не зрителю, в результате чего «узкие законы драматической формы расширены и преодолены» (Kapusta 2011, p. 150). С точки зрения соотношения типов наррации части трилогии выстраиваются в относительную симметрию. В первой и последней частях чередуются происходящее и рассказываемое, актеры «выходят» из роли, чтобы подробно описать чувства персонажа, охарактеризовать его планы, цели, его понимание ситуации, их комментарии обозначают временные пропуски и флешбэки:

«СТИВ. Все о'кей. – Я не стал рассказывать ей про два коренных зуба, которых не было, их не стало в ту ночь, когда она меня бросила, просто так. Я заказал себе «Европейском центре» мост, там наверху, с видом на «Вдовью баню», мост через великое ничто, которое я, к сожалению зубного врача, так и не дал ему заполнить» [Катер Винета].

Различие в том, что авто- и взаимокомментарий в первой пьесе тотален, в последней же слово предоставляется только детям – Мирко и Соне и постороннему человеку, связанному, работающему на шпионскую сеть, то есть людям, далеким от понимания взаимоотношений между отцом и матерью, способным не более чем к «прямому видео» происходящего.

Начальная и финальная части второй пьесы представляют собой монолог одного персонажа: в первом случае легко опознаваемого, во втором – сохраняющего инкогнито и проявляющегося лишь в оговорках. Наконец, срединная часть имеет почти классическую драматургическую форму. Как и в большинстве случаев, когда речь идет о возвращении и повторе, проявляющаяся динамика, зафиксированная в изменчивости ситуации, едва ли не важнее возникающих удвоений: в данном случае позиция комментатора становится все более растерянной, он хотел бы простить и даже взять на себя вину в страдании своих близких, но не в состоянии понять, что же именно между ними происходит, разобраться в запутанных отношениях между ними.

История каждой части последовательно расширяется за счет мифологических мотивов и образов, а также литературного интертекста.

Мотив гибнущего мифологического города расширяет семантическое поле пьесы «Винета» – дождь смывает прошлое и в расширительном плане «смывает» Восточную Германию. Созвездия, названные именами героев греческих мифов, составляют положительную альтернативу подростковым метаниям и страхам в пьесе «Юность/хор». Ветхозаветные сюжеты, возникающие на уровне ономапозтики, составляют параллель судьбам персонажей в «Старом фильме...». Узнаваемый сюжет мифов об аргонавтах возникает в перевёрнутом виде в пьесе «Ясонматериал».

Наконец, в числе самых частотных отсылок в виде атрибутированных и неатрибутированных цитат возникают тексты авторов «потерянного поколения» (Ремарка, прежде всего), а также ясно выраженный шекспировский план.

Музыка – еще один «материал», из которого Фриц Катер делает свои пьесы. Во всех трех пьесах «ГДРовской трилогии» звучат песни, часто не только составляющие адресующий к духу времени фон, но и подводящие итог сценам, сюжетным линиям, сквозным мотивам. Это популярная, преимущественно американская музыка, несущая для автора, описывающего события в соцлагере, идею желанной и недостижимой свободы. Здесь возникают музыкальные произведения в самых разных стилях XX века (от кантри до рэпа), которые «воссоздают мощное ощущение времени и места» (Graham 2015, p. 717). Цитаты из песен появляются и в качестве эпитафий. Например, в пьесе

«Старый фильм/группа» роль эпитафии выполняет перефразированная «хип-хоп мантра» «money over bitches». Катер, меняя предлог, создает перевертыш – «money before bitches». Музыкальный интертекст возникает на уровне посвящения, например, пьеса «время любить время умирать» посвящается Джимми Дину – американскому певцу, чья биография перекликается с мотивами пьес Катера: неблагополучие, семейное насилие, тюрьма, затем путь к творчеству и свободе.

Наиболее интересно организовано акустическое пространство первой пьесы, которая открывается хором, восславляющим недостижимый город Винету, отказывающий в приюте беглецам, хотевшим, было, укрыться от жизни – ассоциативно возникает образ реки Эльбы, выплевывающей вернувшегося с войны солдата, потому что он еще не прошел все круги назначенной ему кары в «На улице, перед дверью» В. Борхерта. Утонувший город «на замке» (Катер 2003), и Стив вынужден вернуться в мир, в спорт, искать себя и свое место, а мир, в котором он жил, разрушен почти так же, как мир Бекмана в пьесе В. Борхерта. Само сравнение сегодняшнего дня с последними военными и первыми послевоенными месяцами показательны и проходит красной нитью через всю трилогию. Конец двуполярного мира (ГДР – ФРГ) так же, как полвека назад, ставит героев в положение потери смысла и ценностных ориентиров в жизни. Снова Хор возникает в 11 сцене – середина по принципу золотого сечения – где не только все персонажи поют славу Германии, но к ним присоединяются «с лиловыми от холода губами те, кто пришел с другого берега реки» (Катер 2003) – все предыдущие поколения. На легкий шуточный мотив они воспевают серые панельные дома, развлекательные телевизионные каналы, известные торговые центры. Этот совместный хор с появлением все новых и новых участников отсылает читателя к пьесе классика постдрамы Эльфриды Елинек «Облака. Дом» с той существенной разницей, что Елинек восхваляла культуру, а Катер её больше не обнаруживает, а «Родину нашу надо / любить и хранить, / Потому что она для народа / «И всем нам принадлежит» (Катер 2003). Наконец завершается музыкальная линия Хора, воспевающего Родину и как утонувшую Винету, и как сегодняшнюю Германию в 13 сцене. Хор поет о жалости к людям, утратившим что-то более значимое, чем покой и благополучие:

«Пережившие Винету больше не понимали сами себя,

потому как то, чего хотелось получить, получить было невозможно,

и не потому, что возможности не было, нет, предметы эти еще существовали: ...

просто был утрачен вкус к вечности в вещах, ... <им осталось>

блестяще с блеском во взоре ликовать по поводу собственного блеска во взоре, и знать: ага! она же все еще здесь, та собственная моя душа» (Катер 2003).

В еще большей мере организован и простроен в пьесе план немusикальных звуков, связанных с её основными мотивами. Подготовка к поединку – будущее поражение – сопровождается «звуками человеческого тела»: дыхание, пульс, кардиограмма и т.д. Попытки вновь обрести дом и семью – а героев связывают очень сложные отношения, они «отравлены расставанием» – сопровождаются включением проигрывателя, но каждый раз пластинка шипит и издает только механические звуки. Своя выраженная функция у звуков дождя, переходящего в ливень, грохота уходящих советских танков и других шумов. По сути, происходит «полная замена музыки шумами» в духе «Искусства шумов» Луиджи Руссоло (1913) и перформансов Джона Кейджа (Петров 2015). В совокупности нарастающая какофония звуков усиливает мотив потери, плотно сопрягаясь со списком разочарований и утрат. Кульминацией становится 14 сцена летнего пикника на берегу реки, где встречаются все персонажи. Все «музыкальные» линии здесь сливаются воедино: герои перекрикивают русскую речь и шум танков, крики роженицы и болельщиков, звуки серены. Если потери и расставания наполнены шумом, то возникающий в последних двух сценах мотив стыда сопровождается повторяющимися ремарками «Тишина».

Заключение

Принцип множественности и перекодировки активно работает не только в применении к вербальной стороне драмы, но и в её аудиальном строе. Акустические пространства разноплановы и создают пространственный и временной объем текста, они прямо соотносятся с основными мотивами драмы и в то же время «выводят» его далеко за пределы конкретной эпохи, делая текстом о человеке на фоне исторических катаклизмов, пытающемся сделать свой жизненный выбор в нестабильные времена, под давлением пересмотра всех норм и ценностей, определявших его мир.

Источники фактического материала

Брехт Б. Театр: Пьесы. Статьи. Высказывания. В 5 т. Т. 1. Москва: Арт, 1965.

Дали С. Дневник одного гения. Москва: Азбука, 2020.

Катер Ф. Винета (или водомания) // Театральная библиотека Сергея Ефимова. URL: <http://www.theatre-library.ru/authors/k/kater> (дата обращения: 25.09.21).

Мюллер Х. Проза. Драммы. Эссе. Диалоги: сб. Москва: Издательство РОССПЭН, 2012.

Библиографический список

- Graham (2015), *Songs of the Century, New Literary History*, vol. 46, no. 4, pp. 715–736, DOI: <https://doi.org/10.1353/nlh.2015.0034>.
- Kapusta, D. (2011), *Epische Erzähl Techniken in der deutschen gegenwartsdramatik eine Untersuchung Der Gattungsauflösenden schreibverfahren, Zagreber Germanistische Beiträge*, no. 20, pp. 139–150.
- Laages, M. (2012), *Junge Sicht auf den alten Osten «Zeit zu lieben, Zeit zu sterben» am Berliner Maxim-Gorki-Theater, Deutschlandfunk Kultur*, [Online], available at: https://www.deutschlandfunkkultur.de/junge-sicht-auf-den-alten-osten.1013.de.html?dram:article_id=172970 (Accessed 17 July 2021).
- May, N. (2013), *Armin Petras wechselt nach Stuttgart, Leipziger Volkszeitung*, [Online], available at: <https://www.lvz.de/Nachrichten/Kultur/Armin-Petras-wechselt-nach-Stuttgart-und-nimmt-Teil-der-Leipziger-Hartmann-Mannschaft-mit> (Accessed 24 July 2021).
- Nissen-Rizvani, K. (2011), *Autorenregie/Theater und Texte von Sanine Harbeke, Armin Petras/Fritz Kater, Christoph Schlingensiefel und Rene Pollesch*, Hamburg, 322 p.
- Бобринская Е.А. Русский авангард: границы искусства. Москва, 2006.
- Бьюз Т. Цинизм и постмодерн. Москва, 2016.
- Володин А.Н., Житова Д.Е. Пересоздание мира: модернистский коллаж в творчестве Орхана Вели // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. 2019. Т. 5 (71), № 4. С. 169–178.
- Должанский Р. Армин Петрас // Коммерсантъ Weekend. 2009. № 45. С. 8.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Москва: Русский язык, 2000.
- Колязин В.Ф. Таиров, Мейерхольд и Германия. Пискатор, Брехт и Россия: очерки истории русско-немецких художественных связей. Москва: Издательство ГИТИС, 1998.
- Копелев Л.З. Брехт. Москва: Молодая гвардия, 1966.
- Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман рубежа XX-XXI вв.: проблема Другого: монография. Самара: Самара, 2019.
- Лашо Ж.-М. Коллаж / Монтаж // Коллаж-2. 1999. С. 57–63.
- Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей. Москва: РГГУ, 2008. 150 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=538900&p=3> (дата обращения: 17.07.2021).
- Пави П. Словарь театра. Москва: Прогресс, 1991.
- Переверзева М.В. Техника коллажа в творчестве Джона Кейджа // Временник зубовского института. 2018. № 4 (23). С. 33–43.
- Петров В.О. Музыкальная тишина и шумовая музыка Джона Кейджа: принципы интеграции шума в музыкальную композицию // Актуальный вопрос. 2015. № 5 (29). С. 479–490. DOI: <https://doi.org/10.7256/2222-1956.2015.5.16026>. URL: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=34818 (дата обращения: 17.07.2021).
- Сейбель Н.Э. Мотивный репертуар современной немецкой драмы // Филологический класс. 2013. № 3 (33). С. 109–113.
- Сейбель Н.Э. От «Железного креста» к «Мещанской свадьбе» Хайнера Мюллера: кадр, план, месседж // Вестник Челябинского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2017. № 1. С. 152–157.
- Соломкина Т.А. Взаимодействие театра и кино в Германии первой трети XX века: автореф. на соиск. уч. степени кандидата искусствоведения. Санкт-Петербург, 2016.
- Травников С.К. Литературный монтаж в «Пассажах» Вальтера Беньямина // Культура и искусство. 2016. № 5 (35). С. 702–707. DOI: <https://doi.org/10.7256/2222-1956.2016.5.16795>.
- Фрумкин К. Сюжет в драматургии. От античности до 1960-х годов. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020.
- Чистюхин И. О драме и драматургии. Москва: Планета музыки, 2021.

References

- Graham (2015), *Songs of the Century, New Literary History*, vol. 46, no. 4, pp. 715–736, DOI: <https://doi.org/10.1353/nlh.2015.0034>.
- Kapusta, D. (2011), *Epische Erzähl Techniken in der deutschen gegenwartsdramatik eine Untersuchung Der Gattungsauflösenden schreibverfahren, Zagreber Germanistische Beiträge*, no. 20, pp. 139–150.
- Laages, M. (2012), *Junge Sicht auf den alten Osten «Zeit zu lieben, Zeit zu sterben» am Berliner Maxim-Gorki-Theater, Deutschlandfunk Kultur*, [Online], available at: https://www.deutschlandfunkkultur.de/junge-sicht-auf-den-alten-osten.1013.de.html?dram:article_id=172970 (Accessed 17 July 2021).
- May, N. (2013), *Armin Petras wechselt nach Stuttgart, Leipziger Volkszeitung*, [Online], available at: <https://www.lvz.de/Nachrichten/Kultur/Armin-Petras-wechselt-nach-Stuttgart-und-nimmt-Teil-der-Leipziger-Hartmann-Mannschaft-mit> (Accessed 24 July 2021).
- Nissen-Rizvani, K. (2011), *Autorenregie/Theater und Texte von Sanine Harbeke, Armin Petras/Fritz Kater, Christoph Schlingensiefel und Rene Pollesch*, Hamburg, 322 p.
- Bobrinskaya, E.A. (2006), *Russian avant-garde: the boundaries of art*, Moscow, Russia.
- Buse, T. (2016), *Cynicism and Postmodernity*, Moscow, Russia.

- Volodin, A.N., Zhitova, D.E. (2019), Re-creation of the world: modernist collage in the work of Orhan Veli, *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University Philosophy. Political science. Culturology*, vol. 5 (71), no. 4, pp. 169–178.
- Dolzhansky, R. (2009), Armin Petras, *Kommer-sant Weekend*, no. 45, p. 8.
- Efremova, T.F. (2000), New dictionary of the Russian language, *Russian language*, Moscow, Russia.
- Kolyazin, V.F. (1998), *Tairov, Meyerhold and Germany. Piscator, Brecht and Russia: Essays on the History of Russian-German Artistic Relations*, Publishing house GITIS, Moscow, Russia.
- Kopelev, L.Z. (1966), *Brecht, Young guard*, Moscow, Russia.
- Kuchumova, G.V. (2019), *German-language novel at the turn of the XX-XXI centuries: the problem of the Other: monograph*, Samarama, Samara, Russia.
- Lacho, J.-M. (1999), Collage / Montage, *Collage-2*, pp. 57–63.
- Liotard, J.-F. (2008), *Postmodern presentation for children*, RGGU, Moscow, Russia, [Online], available at: <https://www.litmir.me/br/?b=538900&p=3> (Accessed 17 July 2021).
- Pavi, P. (1991), *Dictionary of the theater*, Progress, Moscow, Russia.
- Pereverzeva, M.V. (2018), Collage technique in the work of John Cage, *Proceedings of the Dental Institute*, no. 4 (23), pp. 33–43.
- Petrov, V.O. (2015), Musical silence and noise music of John Cage: principles of integrating noise into musical composition, *Actual question*, no. 5 (29), pp. 479–490. DOI: <https://doi.org/10.7256/2222-1956.2015.5.16026>, [Online], available at: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=34818 (Accessed 17 July 2021).
- Seibel, N.E. (2013), Motive repertoire of modern German drama, *Philological class*, no. 3 (33), pp. 109–113.
- Seibel, N. E. (2017), From "Iron Cross" to "Bourgeois wedding" Heiner Müller: frame, plan, message, *Bulletin of the Chelyabinsk State Humanitarian Pedagogical University*, no. 1, pp. 152–157.
- Solomkina, T.A. (2016), *The interaction of theater and cinema in Germany in the first third of the twentieth century: author. for a job. uch. degree of candidate of art history*, St. Petersburg, Russia.
- Travnikov, S. K. (2016), Literary montage in Walter Benjamin's "Passages", *Culture and Art*, no. 5 (35), pp. 702–707, DOI: <https://doi.org/10.7256/2222-1956.2016.5.16795>.
- Frumkin, K. (2020), *Plot in Drama. From antiquity to the 1960s*, Nestor-History, Moscow, St. Petersburg, Russia.
- Chistyukhin, I. (2021), *About drama and drama*, Planet of Music, Moscow, Russia.

Submitted: 02.08.2021

Revised: 12.09.2021

Accepted: 01.10.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 7.08 316.772

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-3-33-38

Дата: поступления статьи: 20.07.2021
после рецензирования: 13.09.2021
принятия статьи: 29.09.2021

Т.В. Болдырева
Самарский государственный
социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: boldyreva@pgsga.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3914-5966>

Медиаформаты постдраматического театра

Аннотация: статья посвящена изучению вопроса бытования постдраматических спектаклей в современной медиасреде, в частности в работе исследуются медиаформаты сайт-специфик спектаклей. Целью настоящего исследования стало выявление механизмов интерактивности, перформативности и иммерсивности в медиаформатах постдраматического театра. Ставится вопрос об объеме и границах понятия «медиаформат», применяемого в медиаисследованиях, в его отношении к театральным практикам. В качестве базовых компонентов понятия «медиаформат» называются технические характеристики и направленность на целевую аудиторию. Выбранная методология позволяет охарактеризовать технические возможности современных медиаформатов для создания эффектов перформативности, интерактивности и иммерсивности. Эмпирической базой исследования послужили подкаст «Театр быта. Сайт-специфические спектакли для повседневных мест и маршрутов» в мобильном приложении «Яндекс. Музыка» и спектакли в приложении «Мобильный художественный театр». Делаются выводы о влиянии технических и вербальных средств интеракции, используемых в мобильных приложениях и в VR-спектаклях, на возникновение эффектов перформативности и иммерсивности в сознании аудитории. Указывается на связь механики рассматриваемых спектаклей с концепциями А. Арто и Х.-Т. Лемана, в частности делаются вывод о роли аудитории в таких спектаклях.

Ключевые слова: медиаформат; постдраматический театр; сайт-специфик спектакли; перформативность; иммерсивность; современные театральные практики.

Цитирование: Болдырева Т.В. Медиаформаты постдраматического театра // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 3. С. 33–38. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-33-38>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Болдырева Т.В., 2021** – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

SCIENTIFIC ARTICLE

T.V. Boldyreva
Samara State University of Social Sciences
and Education, Samara, Russian Federation
E-mail: boldyreva@pgsga.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3914-5966>

Media formats of post-drama theater

Abstract: the article is devoted to the study of the question of the existence of post-dramatic performances in the modern media environment, in particular, the media formats of site-specific performances are studied. The purpose of this study is to identify the mechanisms of interactivity, performativity and immersiveness in the media formats of post-drama theater. The article raises the question regarding the meaning of the “media format” concept used in media studies in its connection with theatrical practices. The basic components of the concept of “media format” are the technical characteristics and focus on the target public. The chosen methodology allows us to characterize the technical capabilities of modern media formats for creating the effects of performativity, interactivity and immersiveness. The empirical basis of the research is the podcast “The Theater of Everyday Life. Site-Specific Performances for Everyday Places and Routes” in the mobile application “Yandex Music” and performances in the application “Mobile Art Theater”. The article draws conclusions concerning the influence of technical and verbal means of interaction used in mobile applications

and in VR performances on the emergence of the effects of performativity and immersiveness in the minds of the audience. It is pointed out that the mechanics of the performances under consideration are connected with the concepts of A. Artaud and H.-T. Lehman, in particular, draw a conclusion about the role of the audience in such performances.

Key words: media format; post-dramatic theater; site-specific performances; performativity; immersiveness; modern theater practices.

Citation: Boldyreva, T.V. (2021), Media formats of post-drama theater, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 3, pp. 33–38, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-33-38>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Boldyreva T.V., 2021** – Candidate of Philology, Assistant Professor of the Department of Journalism, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, M. Gorky street, Samara, 443099, Russian Federation.

Изучение феномена постдраматического театра неизбежно наталкивает исследователя на вопрос об определении формы его реализации. Классическое определение «спектакль» конкурирует со словами «проект», «событие», «формат». Каждая из предлагаемых номинаций отражает отдельные стороны существования театрального действия, реализуемого в соответствии с концепцией постдраматического театра. В настоящем исследовании кажется актуальным обратиться к понятию «формат», поскольку оно сосредотачивается на существенных характеристиках постдраматического театра, обозначая связь театрального представления с техническими параметрами его реализации и нацеленностью на аудиторию.

Поскольку исследование сосредотачивается на объектах, созданных с использованием медиаресурсов, то разговор о постдраматическом театре будет вестись на основе терминологии медиаисследований.

Для начала необходимо условиться об использовании термина «медиаформат». Нужно отметить, что и для сферы медиаисследований это слово является относительно новым, а вопрос о его использовании – дискуссионным. Первая научная дискуссия по поводу определения понятия «формат» состоялась в МГУ им. Ломоносова в рамках межкафедрального семинара «Динамика жанров и форматов» (Методический семинар «Динамика развития форматов и жанров в современных СМИ» 2009). Участники дискуссии пытались привести дефиницию к понятию «формат», в основном отталкиваясь от базовых категорий медиаисследований, таких как жанр (система жанров), коммуникативные стратегии, способ воздействия на массовое сознание. Вывести резюме из совокупности мнений, высказанных учеными и практиками по этому поводу, затруднительно, поскольку очевидно, что слово «формат» пока не оформилось в термин и употребляется для обозначения очень разнородных явлений медиасферы, называя тип издания, вид журналистского творчества, способ подачи материала, коммуникационный канал. Тем не менее, в этой дискуссии

называются отдельные характеристики медиаформата, которые впоследствии подхватываются и другими учеными и практиками (Григорьев 2015, Дорошук, Трифонова 2020, Зверева 2013, Пастухов 2015), закладывая основу для закрепления этого понятия в качестве термина. В частности, важными для понятия формат видятся следующие характеристики: технологический канал и коммуникационная направленность на определенную аудиторию.

Технический аспект понятия «формат» для нашего исследования важен, поскольку медиасреда, с использованием которой зачастую разворачивается постдраматический театр, во многом определяет механику театра. Так, технические параметры формата определяют то, как будет упакован контент и как он впишется в практику медиапотребления. К таким параметрам относятся: способ кодирования информации (вербальный, невербальный, предметный код, пространственный код); временные растры медиатекста (для аудиовизуальных медиапродуктов); канал связи коммуникатора и реципиента, по которому транслируются знаки медиатекста (экран, колонки, наушники, мобильное приложение, шлем / очки виртуальной реальности, чат-боты в мессенджерах и др.); возможность интеракции коммуникатора и реципиента и характер этой интеракции (передвижение или перемещения в пространстве, взаимодействие с предложенными предметами, получение и отправка текстовых или голосовых сообщений).

Вторая по важности для нашего исследования компонента понятия «формат» связана с нацеленностью на определенную аудиторию и коммуникативными возможностями этого формата. Постдраматический театр, или театр со-участия, опирается на такие коммуникативные эффекты, как перформативность, интерактивность и иммерсивность. Соответственно, выбор формата театрального действия – это выбор зачастую чисто технических способов создать такие коммуникативные эффекты.

Исходя из выбранной методологии мы должны обратиться к наблюдениям над конкретными ме-

диаформатами постдраматического театра в России. Для начала я приведу некоторую статистику существующих медиаформатов постдраматического театра. Отталкиваясь я буду от технических платформ, доступных широкой аудитории. Так, в приложении «Яндекс. Музыка» содержится один подкаст из пяти выпусков «Театр быта» и 2 отдельных медиапродукта (не объединенных в подкасты) от мобильного художественного театра, в которых удалось обнаружить медиаформаты постдраматического театра. Оговорюсь, что за пределами исследования остался формат аудиоспектаклей, поскольку они лишены признаков постдраматического театра. Сайт-специфический подкаст «Театр быта» (автор Никита Славич) включает в себя 5 выпусков «Спектакль-обед в Макдональдсе «Свобода, вот что я люблю», «Спектакль-игра в темноте «100 секунд до полуночи», инклюзивный спектакль-шопинг в магазине игрушек «Ну купи», спектакль-экскурсия в супермаркете «Человек-банан», спектакль-танец в голом теле «Шкура». В названиях спектаклей указаны локации, с которыми необходимо взаимодействовать участнику. Последний спектакль ориентирован на тело человека, предполагается, что слушатель находится голым у себя дома перед зеркалом. У спектаклей разная текстовая основа, в основном они составлены актерами, режиссерами, художниками. Пожалуй, только спектакль «Шкура» основан, помимо мыслей танцовщицы Полины Сонис о теле и процессах в нем происходящих, на тексте отрывка пьесы «Я корова» бельгийского художника Яна Фабра. Четыре спектакля из пяти используют только аудиоформат, в котором текст условно можно разделить на инструкции для слушателя и образный текст, составляющий содержание спектакля. Спектакль-игра «100 секунд до полуночи», помимо аудиоформата, использует чат-бот в Telegram, в котором содержатся текстовые и аудио-сообщения, а также возможность выбирать варианты ответа на сообщения бота.

Помимо приложения «Яндекс. Музыка», широкую известность получило приложение «Мобильный художественный театр», запущенное журналистом Михаилом Зыгарем в 2020 году. На данный момент в этом приложении 26 медиапродуктов разного формата. Это и спектакли для прослушивания дома: «Погружение. Театр в ванной», «Академия смеха», «Елизавета Бам», «Малыш навсегда». Это спектакли-прогулки «Когда башни были маленькими» (на стихи М. Рупасовой), «Зарядье», «Толстой. Москва и мир», «Подслушано в городе Т.» (Тула), «Я жила», «1000 шагов с Кириллом Серебренниковым», «Рок. Тверская» и др. Частью контента приложения «Мобильный художественный театр» является брендированный контент от «Сбера» («Погоня за светом»), Asics («Кайдзен: Беги в своем ритме», спектакль-пробежка) и Луж-

ников («Место счастья»). Из технических возможностей, предусматривающих интеракцию, стоит отметить включение push-уведомлений в драматургию спектаклей, использование технологии масок при наведении камеры на объекты окружающей действительности, карты маршрутов в спектаклях-променадах и голосовые инструкции для слушателя с рекомендациями по перемещению в пространстве или совершению каких-то действий. Например, в спектакле «Толстой. Москва и мир», основанном на некоторых сюжетных линиях второго тома романа Л.Толстого «Война и мир», на телефон слушателя приходят сообщения с текстом записок, отправляемых друг другу героями, словами автора романа. Визуальные маски, восстанавливающие исторический образ архитектурных объектов, используются в большинстве спектаклей-бродилок.

Помимо приложений для создания медиаформатов постдраматического театра, используются и другие технические средства. В частности, к ним относятся очки (или шлем) виртуальной реальности. Опыт проведения VR-спектаклей в России не столь обширен, поскольку технология относительно новая и довольно дорогостоящая. Однако к этой технологии стремятся сейчас многие крупные театры. Первым VR-спектаклем в России считается «Клетка с попугаями» (режиссер М. Диденко) 2017 года. Главный герой спектакля – космонавт, который должен пройти испытание – уделить внимание попугаям в клетке, когда они его потребуют – перед отправкой на Марс. Зритель в шлеме виртуальной реальности погружается в пространство эксперимента, который происходит на площади у Moscow City в зеркальном кубе. Пространство в VR-очках дублирует реальность, воссоздавая площадь Сити, но впоследствии по виртуальному небу на зрителя надвигается Марс. Постановка была рассчитана на двух зрителей, помещаемых в куб, которые становились участниками виртуального действия. Сюжет другого VR-спектакля Тюменского драматического театра «В поисках автора» был основан на современной повседневности в диджитал-пространстве и заставлял участников искать ответ на вопрос о том, зачем люди публикуют ежедневные отчеты о своей жизни в социальных сетях. Участниками спектакля стали уже 30 человек. Спектакль 2019 года «Я убил царя» в Театре Наций (режиссер Михаил Патласов) был рассчитан на погружение зрителя в драматические события убийства царской семьи.

Частично к медиаформатам постдраматического театра можно отнести специфик-сайт спектакли с использованием наушников и камеры смартфона. Они отличаются от медиаформатов в чистом виде все же тем, что механику спектакля определяет в большей степени не медиасреда, а

физическое пространство, в интеракцию с которым вступает зритель.

Технический параметр формата легко описывается через характеристику медиасреды, используемой для разворачивания постдраматического действия, и ее возможностей для интеракции. Интерактивность в таких спектаклях предполагает налаживание устойчивого контакта создателей спектакля со зрителем. Это взаимодействие физическое. Слушатель имеет возможность нажать на кнопку/ссылку, перемещаться в пространстве, менять положение вещей в пространстве, отправлять сообщения, отвечать голосом. То есть тело зрителя становится частью спектакля, частью действия.

В аспекте же разговора о коммуникативной направленности формата на аудиторию необходимо учитывать категории перформативности и иммерсивности. В настоящем исследовании предлагается рассматривать перформативность и иммерсивность как коммуникативные эффекты, возникающие при определенных условиях интеракции. Возникновению перформативности в рассматриваемых медиапродуктах способствует использование слов-катализаторов действия и предметов-катализаторов действия. Действует при этом сам субъект восприятия (слушатель, зритель). Таким образом обеспечивается эффект иммерсивности. Так, например, в спектакле-игре «100 секунд до полуночи» ведущий спектакля озвучивает инструкцию, в которой рекомендует представить главного персонажа так, как хочется слушателю. При этом (для справки) сообщается, что большинство представляют мужчину в возрасте 30–35 лет. Таким образом, текст является провокацией, в результате которой в воображении слушателя создается образ, созданный совместно с авторами текста. В этом смысле довольно любопытно и, безусловно, полезно изучать отзывы слушателей или зрителей таких спектаклей, поскольку именно в них содержатся иногда свидетельства перформативности и иммерсивности. То есть эти свойства невозможно обнаружить вне сознания реципиента. В подкастах «Яндекс. Музыка», в частности в проекте «Театр быта», содержатся не только сами спектакли, но и записи их обсуждений, в которых слушатели рассказывают о неожиданных эффектах, возникающих в ходе спектакля. Они не были запланированы драматургией, но возникли ситуативно.

Зритель или слушатель, таким образом, становится со-творцом спектакля и его со-участником (Леман 2013). Технически это осуществляется за счет физических передвижений слушателя или зрителя и перемещений им предметов в пространстве. Взаимодействие с пространством – основа сайт-специфик форматов, которые условно делят на энвайронмент-театр и театр-променад (прогулки, бродилки). В энвайронмент-театре участ-

ник взаимодействует с окружающей средой. Так, например, инструкция к спектаклю «100 секунд» диктует выбрать закрытое помещение, в которое не проникает свет, например ванну, для прослушивания и взаимодействия с чат-ботом в Telegram. Театр-променад включает маршрутные точки в пространстве спектакля, по которым передвигается участник. Так, в аудиоквесте «Музыка внутри» пространственными координатами становятся здание театра Новой оперы, фонари, дорожки в саду «Эрмитаж», а также малые скульптурные формы. В частности, сердце парка, на котором размещены колышущиеся на ветру металлические пластинки, здесь можно услышать музыку. Поскольку формат аудиоквеста ориентирован на детскую аудиторию, то эпизод с сердцем парка, как и другие в этом квесте, связан с элементом познания. «Тихий ветерок играет легко. В музыке это называется piano. Когда дует сильный ветер, сердце звучит очень громко, или forte! А во время урагана сердце звучит fortissimo!», – звучит голос ведущего (синицы Люси). Ситуативно (в зависимости от погоды, силы ветра) у участника есть возможность самому определить, как звучит сердце парка, таким образом, слова ведущего задают условия для перформативности, координаты пространства и предметы, помещенные в нем, дают возможность для иммерсивного погружения. В случае же использования шлема виртуальной реальности тело зрителя как бы изымается из физического пространства, но при этом зрительно создаются собственные координаты. И человек начинает адаптировать органы чувств (зрение, слух) к этому новому пространству. Степень иммерсивности в шлеме виртуальной реальности максимально высокая из всех имеющихся форматов. Использование технологии виртуальной реальности для театральной постановки – это фактически идеальный формат для реализации театральной концепции Антонена Арто, который предлагает создать «круговой спектакль» (Арто 1993), где нет деления на сцену и зал, а спектакль должен окружить зрителя со всех сторон, максимально при этом воздействуя на все органы чувств.

Продолжая ассоциативный ряд, связанный с концепцией А. Арто, можно сказать, что современные медиаформаты спектаклей представляют собой в некотором смысле магический театр, в котором атмосфера пространства подсказывает выбор текста, жеста, сюжета (если он есть). Текст же превращается в инструкцию, комментарий, подпись, задавая порядок осуществления магических действий. Он призван создать ситуацию, в которой начнется работа зрителя как на уровне воображения, так и на уровне рефлексии и реального действия. Персонажи – тоже условия, вводные данные для возникновения ситуации, в которой пойдет работа воображения. Смысл больше не творится

на сцене, в тексте, он переносится со сцены в сознание участника ситуации (зрителя, слушателя). Слова и действия актеров, а также случайные факторы становятся триггерами для мыслей, реакций зрителей. Отталкиваясь от концепции А. Арто, можно определить зрительское тело как инструмент, на котором исполняется спектакль. Органы чувств – своего рода клавиши, которые активизируют воображение, создавая смыслы и истории.

Источники фактического материала

Театр быта. Сайт-специфические спектакли для повседневных мест и маршрутов. URL: https://music.yandex.ru/album/14348779?utm_medium=sory_link (дата обращения: 10.07.2021).

Мобильный художественный театр. URL: <https://mobiletheater.io/> (дата обращения: 10.07.2021).

Библиографический список

Арто А. Театр и его двойник. Москва: Мартис, 1993. 192 с.

Браславский П.И. Театр и виртуальная реальность: предпосылки и перспективы конвергенции // Электронный журнал «Исследовано в России». 2003. № 8. С. 88–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teatr-i-virtualnaya-realnost-predposylki-i-perspektivy-konvergentsii/viewer> (дата обращения: 30.06.2021).

Власова Т. Прыжок в неизвестность // Театрал. 23.08.2013. URL: <https://teatral-online.ru/news/9674/> (дата обращения 30.06.2021).

Григорьев Д. «Формат» как объект авторского права // Закон.ру. 20.01.2015. URL: https://zakon.ru/blog/2015/1/20/format_kak_obekt_avtorsogo_prava (дата обращения: 28.06.2021).

Дорошук Е.С., Трифонова П.В. Инновационный потенциал подкаста как интегрированной медиатехнологии // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 2 (92). Ч. 2. С. 35–39. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.92.2.041>.

Зверева Е.А. Новые медиаформаты трансляции журнальных изданий // Вестник НГУ. 2013. Т. 12, Вып. 10. С. 49–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-mediaformaty-translyatsii-kontenta-zhurnalnyh-izdaniy/viewer> (дата обращения: 28.06.2021).

Иванов А. «Первый театр» Новосибирска выходит оффлайн // Журнал театр. 03.09.2020. URL: <http://oteatre.info/pervyj-teatr-promenad/> (дата обращения: 29.06.2021).

Леман Х.-Т. Постдраматический театр. Москва: ABCdesign, 2013. 312 с.

Липовецкий М., Боймерс Б. Перформансы насилия: литературные и театральные эксперименты «новой драмы». Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 376 с.

Манович Л. Язык новых медиа. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. 400 с.

Масленко Д. Виртуальный театр: VR-спектакли в России // Системный блок. 07.07.2020. URL: <https://sysblok.ru/arts/virtualnyj-teatr-vr-spektakli-v-rossii/> (дата обращения 30.06.2021).

Методический семинар «Динамика развития форматов и жанров в современных СМИ» // Электронный научный журнал «Медиаскоп». URL: <http://www.mediascope.ru> (дата обращения: 28.06.2021).

Пархомовская Н. Театр в кинотеатре: зачем и для кого // Театр. 2016. №27–28. С. 206–211.

Пастухов А.Г. Медиажанры и медиаформаты: к разграничению понятий // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. №5(68). С. 148–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediazhanry-i-mediaformaty-k-razgranicheniyu-ponyatij/viewer> (дата обращения: 28.06.2021).

Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности. Москва: Международное театральное агентство «Play&Play» Издательство «Канон+», 2015. 376 с.

References

Artaud, A. (1993), *Theater and its double*, Martis, Moscow, Russia.

Braslavsky, P.I. (2003), Theater and virtual reality: prerequisites and prospects of convergence, *Jelektronnyj zhurnal «Issledovano v Rossii»*, no. 8, pp. 88–96, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teatr-i-virtualnaya-realnost-predposylki-i-perspektivy-konvergentsii/viewer> (Accessed 30 June 2021).

Vlasova, T. (2013), Leap into the unknown, *Teatral*, [Online], available at: <https://teatral-online.ru/news/9674/> (Accessed 30 June 2021).

Grigoriev, D. (2015), «Format» as an object of copyright, *Zakon.ru*, [Online], available at: https://zakon.ru/blog/2015/1/20/format_kak_obekt_avtorsogo_prava (Accessed 28 June 2021).

Doroshchuk, E.S., Trifonova, P.V. (2020), The innovative potential of podcast as an integrated media technology, *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, no. 2 (92), vol. 2, pp. 35–39, DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.92.2.041>.

Zvereva, E.A. (2013), New media formats for broadcasting magazines, *Vestnik NGU*, vol. 10, pp. 49–55, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-mediaformaty-translyatsii-kontenta-zhurnalnyh-izdaniy/viewer> (Accessed 28 June 2021).

Ivanov, A. (2020), «The First Theater» of Novosibirsk goes offline, *Zhurnal teatr*, [Online], available at: <http://oteatre.info/pervyj-teatr-promenad/> (Accessed 29 June 2021).

Lehman, H.-T. (2013), *Post-dramatic theater*, ABCdesign, Moscow, Russia.

Lipovetsky, M., Boymers, B. (2012), *Violence Performances: Literary and Theatrical Experiments of the «New Drama»*, *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.

Manovich, L. (2018), *Language of New Media*, Ad Marginem Press, Moscow, Russia.

Maslenko, D. (2020), *Virtual theater: VR performances in Russia*, *Sistemnyj blok*, [Online], available at: <https://sysblok.ru/arts/virtualnyj-teatr-vr-spektakli-v-rossii/> (Accessed 30 June 2021).

Methodological seminar «Dynamics of development of formats and genres in modern media» (2009), *Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «Mediascope»*, [Online], available at: <http://www.mediascope.ru> (Accessed 28 June 2021).

Parkhomovskaya, N. (2016), Theater in the cinema: why and for whom, *Teatr*, no. 27–28, pp. 206–211.

Pastukhov, A.G. (2015), Media genres and media formats: to the differentiation of concepts, *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of the Oryol State University*, no. 5(68), pp. 148–153, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediazhanry-i-mediaformaty-k-razgranicheniyu-ponyatiy/viewer> (Accessed 28 June 2021).

Fischer-Lichte, E. (2015), *Aesthetics of Performativity*, Mezhdunarodnoe teatral'noe agentstvo «Play&Play» Izdatel'stvo «Kanon+», Moscow, Russia.

Submitted: 20.07.2021

Revised: 13.09.2021

Accepted: 29.09.2021

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-3-39-49

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1; 821.161.3

Дата: поступления статьи: 30.07.2021
после рецензирования: 14.09.2021
принятия статьи: 30.09.2021

Е.М. Лепишева

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: elena_tochilina@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3779-7394>

Свои «чужие»: тенденции развития русской и белорусской драматургии последней трети XX — начала XXI века

Аннотация: в центре внимания статьи – особенности драматургического процесса в Беларуси и России, исследованные в сравнительном аспекте в советский (1970–1980-е гг.) и постсоветский (1990–2010-е гг.) периоды. Наша цель – выявить общее и различное в драматургических системах родственных литератур сквозь призму ключевых топосов художественной структуры произведений русских и белорусских авторов – *героя, конфликт, хронотоп*. Для реализации поставленных задач привлекаются методы компаративистики (сравнительный анализ литературного процесса и авторских моделей), а также историко-литературный. Материалом послужили произведения более 200 белорусских и русских драматургов. Особое внимание уделено творческим индивидуальностям, знаковым для русской (А. Вампилов, Л. Петрушевская, Н. Коляда) и белорусской (А. Макаёнок, Е. Попова, А. Дударев) литературы, отдельным направлениям («*новая волна*» русской драматургии 1970–1980-х гг.), этапам драматургической жизни («*новая драма*» 1990–2010-х гг.), эстетически спорным интенциям развития драматургии (практика «*нетутэйшых*» в белорусской постсоветской драматургии). Научная новизна исследования предопределена тем, что впервые в литературоведении предпринят сравнительный анализ динамики драматургического процесса в Беларуси и России в течение столь длительного времени – четырех последних десятилетий.

Ключевые слова: русская драматургия; белорусская драматургия; литературные взаимосвязи; компаративистика; герой; конфликт; хронотоп.

Цитирование: Лепишева Е.М. Свои «чужие»: тенденции развития русской и белорусской драматургии последней трети XX – начала XXI века // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 3. С. 39–49. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-39-49>.

Благодарности: автор выражает искреннюю благодарность коллегам кафедры русской литературы БГУ, участвовавшим в совместной разработке государственных плановых научных тем: «Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв.: проблема героя и социума» (2011–2015 гг.), «Русская литература: автор, жанр, стиль» (2011–2015 гг.), «Русская и белорусская драматургия на рубеже XX–XXI вв. (автор, жанр, стиль)» (2016–2020 гг.).

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лепишева Е.М., 2021 – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры русской литературы, Белорусский государственный университет, 220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4.

SCIENTIFIC ARTICLE

Е.М. Lepisheva

Belarusian State University, Minsk,
Republic of Belarus

E-mail: elena_tochilina@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3779-7394>

“Us them”: trends in the development of Russian and Belarusian dramaturgy of the last third of the XX — beginning of the XXI century

Abstract: the article focuses on the features of the dramatic process in Belarus and Russia, studied in a comparative aspect of the Soviet (1970s-1980s) and post-Soviet (1990s – 2010s) periods. Our goal is to identify common and different in the dramaturgical systems of related literatures through the prism of the key topoi of the artistic structure of the works of Russian and Belarusian authors – *hero, conflict, chrono-*

tope. Methods of comparative studies (comparative analysis of the literary process), as well as historical and literary methods are used to implement the tasks set. The material includes the works of more than 200 Belarusian and Russian playwrights. Russian literature (A. Vampilov, L. Petrushevskaya, N. Kolyada) and Belarusian literature (A. Makayonok, E. Popova, A. Dudarev), separate directions (“*new wave*” of Russian dramaturgy of the 1970s-1980s), stages of dramaturgical life (“*new drama*” of the 1990s-2010s), aesthetically controversial development intentions (dramaturgical practice of “*netuteyshy*” in Belarusian post-Soviet dramaturgy) are given special attention. The scientific novelty of the research is predetermined by the fact that for the first time in literary studies, a comparative analysis of the dynamics of the dramatic process in Belarus and Russia has been undertaken for such a long time – the last four decades.

Key words: Russian dramaturgy; Belarusian dramaturgy; literary interrelations; comparative studies; hero; conflict; chronotope.

Citation: Lepisheva, E.M. (2021), “Us them”: trends in the development of Russian and Belarusian dramaturgy of the last third of the XX – beginning of the XXI century, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 3, pp. 39–49, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-39-49>.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to colleagues of Russian Literature Department of BSU, who participated in the joint development of state planned scientific topics: “Russian and Belarusian Literature at the Turn of the 20th Century: the Problem of the Hero and Society” (2011–2015), “Russian Literature: Author, Genre, Style” (2011–2015), “Russian and Belarusian Dramaturgy at the Turn of the XX–XXI Centuries (Author, Genre, Style)” (2016–2020).

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Lepisheva E.M., 2021** – Cand. Sci. (fl.), Senior Researcher of the Department of Russian Literature, Belarusian State University, 4, Nezavisimosti Avenue (Prospekt), Minsk, 220030, Republic of Belarus.

Сравнительный аспект изучения русской и белорусской драматургии трех последних десятилетий XX–начала XXI века не часто становился предметом литературоведческой рефлексии. Возможно, в силу очевидной обусловленности их взаимодействия историко-литературными и социокультурными факторами: сосуществованием в едином пространстве Советского государства с его последующим распадом на ряд национально ориентированных локусов, сравнительно поздним развитием белорусской классической драматургии (1900–1920-е гг.) на фоне мощной русской литературной традиции, ситуацией билингвизма в Беларуси, не отменяющей объективно узкий ареал белорусского языка (и как следствие литературы) в мировом контексте.

Вместе с тем более детальный анализ позволяет выявить и знаковые отличия в динамике драматургического процесса в Беларуси и России, неподвластной унификации советского периода с его соцреалистической доминантой и цензурным регламентом, и неожиданные типологические параллели в период постсоветский, когда в Беларуси, казалось бы, возникли предпосылки для разновекторных художественных решений в силу роста национального самосознания, возникновения творческих объединений молодежи «Здесьние» («Гутэйшыя») (здесь и далее названия приводятся в русском переводе с указанием в скобках белорусского оригинала), «Товарищество вольных литераторов» («Таварыства вольных літаратараў»), «Бум-Бам-Лит» («Бум-Бам-Літ»), принципиально опиравшихся на западноевропейский авангард и аутентичную

литературную традицию, маркером которой стал выбор белорусского языка.

Цель статьи – выявить общее и различное в драматургических системах России и Беларуси 1970–2010-х гг., «точками бифуркации» которых выступают ключевые топосы художественной структуры пьес русских и белорусских драматургов – *герой, конфликт и хронотоп*.

Так, обстоятельное изучение **советского периода (1970–1980-е гг.)** русской драматургии на материале социально-бытовой драмы и «производственной» пьесы, предпринятое в литературоведении (Бугров 1981, Велехова 1983, Явчуновский 1989), органично их доминированию в эти годы.

В 1972 г. ушел из жизни А. Вампилов, произведения которого («Старший сын» (1967), «Утиная охота» (1970), «Прошлым летом в Чулимске» (1972)) отличались новаторством как проблемно-тематического (симптомы нравственно-духовной деградации социума, дисгармоничное мироощущение советского человека), так и жанрово-стилевого планов (полифоническая эмоциональная тональность, использованием приемов парадокса, элементов абсурда).

Однако в силу общественно-политической ситуации приоритетными были «*производственные*» пьесы («Человек со стороны» (1972) И. Дворецкого, «Протокол одного заседания» (1974) А. Гельмана, «Сталевары» (1972) Г. Бокарева), сфокусированные на сфере труда, что предопределило «четкие социологические параметры героя» – «*делового человека*», «острый социальный конфликт», документальность, злободневность, публицистическую окрашенность.

А вот «политическая» драма («Синие кони на красной траве / Революционный этюд» (1977), «Так победим!» (1981) М. Шатрова) и историческая пьеса («Эшелон» (1973) М. Рощина, «Высшая мера» (1976) В. Арро), хотя и присутствовали в жанровой палитре русской советской драматургии, однако отнюдь не определяли репертуарную политику театра, чутко уловившего интерес к частной сфере жизни – безбытийному существованию советского человека («Фантазии Фарятьева» (1975) А. Соколовой: Большой драматический театр им. Г. Товстоногова (Санкт-Петербург, 1976); «Серсо» (1981) В. Славкина: Театр на Таганке (Москва, 1985); «Надежды маленький оркестрик» (по мотивам пьес А. Володина, Л. Петрушевской, С. Злотникова): Театр на Таганке (Москва, 1980); «Смотрите, кто пришел» (1981) В. Арро: Академический театр им. В. Маяковского (Москва, 1982)).

Со всей интенсивностью это проявилось в 1980-е, актуальной рецепцией которых стало наследие А. Вампилова, аккумулировавшее утверждение на фоне, с одной стороны, соцреализма с его резонансом в отношении социально-нравственных проблем (А. Арбузов, Л. Зорин, В. Розов), а с другой – перевода их в онтологическую плоскость в произведениях А. Володина («Две стрелы», «Ящерица»), Г. Горина («...Забыть Герострата!», «Тиль»), Э. Радзинского («Беседы с Сократом») – «новой волны» как особого направления социально-бытовой драмы.

Ее представители (Л. Петрушевская, В. Арро, В. Славкин, А. Галин, Л. Разумовская и др.) направили художественную оптику на социально-экзистенциальные проблемы – дисгармоничность человека и социума и шире – модели «присутствия “я” в “мире”» (в терминологии В. Тьюпы), поданные в свете непривычной по соцреалистическим меркам деэстетизации. Впервые в советской драматургии нашли отражение наметившееся расслоение социума, противоречие между частной и общественной жизнью, дискредитация идеологических ориентиров. На сцену были выведены ранее табуированные сферы существования человека: деклассированные социальные слои (проститутки в пьесе А. Галина «Звезды на утреннем небе», душевнобольные в пьесе А. Галина «Библиотекарь»), безысходный быт (доведение нищеты до гротеска в пьесах Л. Петрушевской «Чинзано», «День рождения Смирновой»), редукция семейных ценностей («Фантазии Фарятьева» А. Соколовой, «Пришел мужчина к женщине» С. Злотникова) вплоть до отсутствия фигуры отца как «символа упорядоченности, духовной и моральной силы» («Колея» В. Арро, «Три девушки в голубом» Л. Петрушевской) (Одесская 2009, с. 183).

Внимание к негативным социальным явлениям привело к обновлению языка: использованию просторечной, жаргонной лексики. Косноязычие

персонажей Л. Петрушевской передавало непреодолимую деформацию взаимоотношений мужчины и женщины («Лестничная клетка», «Любовь»), родителей и детей («Дом и дерево», «Я болею за Швецию»), трагическое одиночество стариков («Уроки музыки»), а сочетание в речи героев А. Галина («Группа»), В. Арро («Сад»), Л. Разумовской («Дорогая Елена Сергеевна») советских официально-деловых клише и жаргонизмов, просторечных выражений – «двойственность» сознания, скрытый цинизм *Homo soveticus*.

Обнаженный социальный негатив раскрывал новый тип героя, который был лишен как четкого социального статуса (актер-тамада в пьесе А. Галина «Тамада», манекенщица-мясник в пьесе О. Кучкиной «Лиля»), так и смысловой определенности «плохой / хороший» в силу уклонения от активного действия, духовной неприкаянности. Подобно Зиллову из пьесы «Утиная охота» А. Вампилова, он не совершал решительных поступков, а «катился по кривой, мимо семьи, работы, друзей» (Любимов 1983, с. 222). Среди наиболее репрезентативных в этом плане – Марк в пьесе Л. Разумовской «Сад без земли», Куприянов-Бэмс в пьесе В. Славкина «Взрослая дочь молодого человека», Коняев в пьесе А. Галина «Восточная трибуна».

В основе произведений представителей «новой волны» лежал субстанциальный тип конфликта, имевший многоплановую структуру: на сюжетном уровне отсутствовало противоборство сторон, в подтексте было скрыто столкновение индивида с обстоятельствами социальной жизни, не имеющими нравственного оправдания. Как следствие – неразрешимость противоречий, неизменность исходной дисгармоничной ситуации.

Ее пространственно-временные параметры были идентичны реальной действительности с узнаваемыми маркерами «эпохи застоя», что обусловило специфику хронотопа, отразившего не только деформацию социально-бытовой сферы, но и тотальную неустроенность человека в мире, существование в «неидеальной онтологии». Как правило, место действия заключало семантику дисгармоничного пространства (проданная дача в пьесе В. Арро «Смотрите, кто пришел!», коммунальная квартира в пьесе А. Казанцева «Старый дом», лестничная клетка в пьесе Л. Петрушевской «Лестничная клетка»), а типичные сюжетобразующие ситуации *встречи, трапезы* свидетельствовали об отсутствии уюта, дружеских взаимоотношений («Сырая нога, или Встреча друзей» Л. Петрушевской, «Взрослая дочь молодого человека» В. Славкина, «Восточная трибуна» А. Галина).

Отличительной чертой «новой волны» являлась и «завуалированная» авторская позиция, обнаружению которой препятствовали отсутствие

протагониста, отказ от разрешения противоречий в рамках сюжета, «открытый финал». Данная тенденция была унаследована от А. Чехова и А. Вампилова, однако подверглась модификации: обнажив табуированные сферы жизни, драматурги 1970–1980-х гг. не стремились противопоставить им «идеал».

Видимо, отсюда «уход» от разрешения противоречий на сюжетном уровне в нарочитую художественную условность, подступы к гротескно-фантастическим формам драматургического высказывания: драме абсурда, элементы которой встречаются в одноактных пьесах Л. Петрушевской и С. Злотникова, сюрреалистические приемы в пьесах «Уроки музыки» Л. Петрушевской, «Серсо» В. Славкина, «Синее небо, а в нем облака» В. Арро.

Таким образом, произведения «новой волны» свидетельствовали о том, что в русской драматургии 1970–1980-х гг. актуализировались традиции *критического реализма* и *модернизма*, произошла смена эстетической парадигмы, связанная с новым положением человека в мире: в быту, в обществе, в культуре, в природе.

Иные тенденции развития были присущи белорусской драматургии советского периода, что, безусловно, не отменяло типологических сходжений, диктуемых «единым советским театральным пространством», которое унифицировало репертуар, ограничивало «жанрово-тематический спектр» и вместе с тем стимулировало творческую активность возможностью постановок в театрах СССР (Кавалёв 2012, с. 171).

Это привело к разнообразию авторских индивидуальностей: помимо мэтров белорусской драматургии К. Крапивы, А. Макаёнка, продолжали утверждать себя писатели-«шестидесятники» В. Короткевич, А. Петрашкевич, Н. Матуковский, А. Делендик, в литературу пришли Е. Попова, А. Дударев, Г. Корженевская, Г. Марчук и др.

Знаковое отличие от русской драматургии проявилось в том, что направления, подобного «новой волне», в Беларуси не сложилось, хотя ее отдельные признаки были присущи авторским системам Е. Поповой и А. Дударева.

Так, в пьесах Е. Поповой впервые в белорусской драматургии в формате социально-бытовой драмы выстраивалась проекция социальных проблем на экзистенциальные. Даже в самой ранней из опубликованных пьесе «Дом на берегу моря» (1973), несмотря на близость эстетике соцреализма (введение образов дяди Федора и Феди, наделенных чувством социального долга), наметилась интенция критического реализма: крупным планом показаны духовно неудовлетворенные, растерянные герои (Рязанов, его жена Серафимы, друг юности Новицкий), социальные и семейно-бытовые противоречия не разрешались, а переходили на бытийный уровень, реализованный через рас-

суждения о быстротечности времени, недолговечности человеческой жизни, невозможности осуществить мечту.

Данные особенности еще более ярко выражены в последующих пьесах Е. Поповой «Скорые поезда» (1977), «Объявление в вечерней газете» (1978), «Жизнь Корицына» (1982) и др., отразивших ранее не освоенные в белорусской драматургии аспекты существования человека: дисгармоничное мироощущение, уклонение от взаимодействия с социумом. Неспособность разобраться в себе приводила героев к бездействию, к погружению в воспоминания (бывшие соседи по коммунальному дому в пьесе «Объявление в вечерней газете»), в иллюзию любовных отношений (Грета из пьесы «Златая чаша»), в творчество (Корицын из пьесы «Жизнь Корицына»). Это исключало открытое столкновение, приводило к невозможности на сюжетном уровне четко обозначить стороны конфликта, выделить протагониста. Отсюда – «завуалированная» авторская позиция, «открытый финал».

Помимо Е. Поповой, данный ракурс подачи социальных проблем был избран А. Дударевым («Порог», 1981, «Вечер», 1983, «И был день / Свалка», 1989), пришедшим в литературу позднее и ориентированный прежде всего на национальную литературную традицию, что выразилось в использовании белорусского языка, национальных маркерах героя (Буслай от бел. «бусел» — «аист» в пьесе «Порог», «герои-старика» в пьесе «Вечер») и хронотопа (метафора «душа-криница» в пьесе «Порог», колодец в пьесе «Вечер», рушник в пьесе «И был день... / Свалка»).

Все это резко выделяло пьесы Е. Поповой и А. Дударева в парадигме белорусской социально-бытовой драмы («Последняя инстанция» («Апошняя інстанцыя») Н. Матуковского, «Экзамен на осень» («Экзамен на восень») И. Шамякина), раскрывавших неблагополучную современность в русле *соцреалистической* традиции: на сцене присутствовал протагонист, открыто выражавший авторскую позицию (идеи социальной активности, гражданского долга), конфликт благополучно разрешался, знаменуя веру в возможность преодолеть как социальные, так и нравственно-психологические противоречия.

И даже в произведениях, сконцентрированных на «микроразладах» социума – разладе взаимоотношений мужчины и женщины («На острие» («На вастрыні») К. Крапивы, «Море, отдай перстень» («Мора, аддай пярсцёнак») Г. Корженевской), очевидны расхождения с оптикой «новой волны» русской драматургии, поскольку разлад этот подан «сглаженно»: отсутствовали хаос быта, неотвратимая жестокость и нравственно-духовная ущербность героев, обладавших оптимистическим мировосприятием.

В целом же в топ жанровой палитры белорусской драматургии входили не социально-бытовые, а *исторические драмы*, основанные как на материале X–XVIII вв. («Колокола Витебска» («Званы Віцебска») (1978) В. Короткевича, «Горе и слава / Русь Киевская» («Гора і слава / Русь Кіеўская») (1983) А. Петрашкевича, «Звон – не молитва» («Звон – не малітва») (1989) И. Чигринова), так и на «окопной правде» о Великой Отечественной войне («Решение» (1972), «Последний шанс» (1974) В. Быкова, «Рядовые» (1984) А. Дударева), *историко-биографические пьесы* о ведущих деятелях белорусской истории и культуры: Я. Купале («Кольбель четырех волшебниц» («Калыска чатырох чараўніц») (1981) В. Короткевича), Ф. Скорине («Написанное остается» («Напісанае застаецца») (1978) А. Петрашкевича), К. Калиновском («Кастусь Калиновский» («Кастусь Каліноўскі») (1983) Э. Скобелева), что было вызвано интересом к национальной истории, поиском национальной (само)идентичности, эссенцией которой выступал цельный, волевой характер, призванный утвердить высокие духовные идеалы с опорой на народный эпос.

В сущности, этой же задаче отвечала *сатирическая комедия*, взлет которой определили пьесы К. Крапивы «Врата бессмертия» («Брама неўміручасці») (1972), А. Макаёнка «Трибунал» («Трыбунал») (1970), Н. Матуковского «Мудромер» («Мудрамер») (1987).

Среди них следует выделить комедии А. Макаёнка, ознаменовавшие новую тенденцию в развитии белорусской драматургии – сочетание преемственности традиций отечественной классической литературы с ориентацией на западноевропейскую драму. Особой популярностью в СССР пользовались пьесы «Затюканный апостол» (1969), «Трибунал» (1970), в которых остро поставленные социально-нравственные проблемы (духовная деградация капиталистического общества, угроза военной оккупации) обрели философскую проекцию в силу обращения к дисгармоничной экзистенции, национальной (само)идентичности в условиях тоталитарной системы, что было реализовано в русле эстетики западноевропейской драмы абсурда, эпического театра Б. Брехта. По мнению И. Шабловской, данный ориентир был предопределен, во-первых, общей экзистенциальной проблематикой (противостояние «я» и социума (das Man) как подлинное / неподлинное бытие), во-вторых, доминированием в творчестве А. Макаёнка традиций классической белорусской драматургии с ее близостью фольклору, дидактической направленностью, ярко выраженным сатирическим началом, имеющими точки соприкосновения с драмой абсурда, поэтика которой связана с «фольклорными моделями познания мира, архетипическими образами», а воздействие на читателя / зрителя «приближается к сатирическому» (Шаблоўская 1998, с. 16–17).

Возвращаясь к жанровой парадигме белорусской драматургии, отметим незначительное место «производственной» пьесы («Наследный принц» («Наследны прынец») Н. Матуковского, «Синий снег» («Сіні снег») Е. Шабана и др.), что отличало ее от русской.

Таким образом, в советские годы приоритетными для белорусской драматургии были традиции отечественной классической литературы (Я. Купала, Я. Колас, К. Каганец, В. Голубок, Л. Родевич) с ярко выраженным национально-культурным компонентом – воплощением «народной философии, народной оценки событий» (Лаўшук 2010, с. 56), близостью фольклору как художественных приемов, так и мировосприятия: «хозяйственного отношения к жизни», «объединения в общественном сознании ценностей этического и эстетического идеалов» (Рагуля 2012, с. 112–113). Их реализация прослеживается на всех уровнях художественной структуры проанализированных произведений: героя, названного во многих исследованиях «*национальным*» (Васючэнка 1991, с. 22; Лаўшук 2010, с. 311), а также «*героем-стариком*» (Сабалеўскі 1985, с. 96; Бельскі 1997, с. 202), конфликта с «*социально значимой*» основой, благополучное разрешение которого связывалось с его (героя) активностью, хронотопа с национальными маркерами (Сабалеўскі 1985).

Период 1990–2010-х гг. является новым этапом в развитии русской и белорусской литератур, социокультурными предпосылкам которого стали распад Советского государства, кардинальные изменения системы традиционных ориентиров (социальных, мировоззренческих, этических). Вследствие этих процессов обновилась художественная парадигма, изменился характер русско-белорусских литературных взаимосвязей.

Среди знаковых тенденций развития русской драматургии следует выделить растворение «новой волны» в общем потоке драматургического процесса, векторами которого становятся «*традиционный*» и «*экспериментальный*», активное утверждение «*новой драмы*», представленной на сегодняшний день уже несколькими поколениями авторов: рубежа 1990–2000-х гг. (М. Угаров, Е. Гремина, Е. Гришковец, В. Сигарев, В. Забалуев, А. Зензинов, И. Вырыпаев, В. Леванов, братья Дурненковы, Вячеслав и Михаил, Ю. Клавдиев и др.) и 2010-х гг. (Я. Пулинович, Дм. Данилов, М. Огнева, А. Житковский, С. Давыдов, А. Волошина, Е. Алексеева и др.).

Этот «креативный взрыв» (В. Забалуев, А. Зензинов) был во многом предопределен «возвращенной драматургией» (обэриуты, М. Булгаков, А. Платонов, представители «третьей волны» эмиграции), эстетическими открытиями Л. Петрушевской и Н. Коляды.

Так, Л. Петрушевская относится к тем представителям «новой волны», авторские модели которых

подверглись трансформации: еще более активно, чем в советский период, она использует поэтику абсурда («Опять двадцать пять!» (1993), «Бифем» (2002), «Еду в сад», «Певец Певица» (обе – 2007)), переводя парадоксы постсоветской действительности в универсальную плоскость; элементы *постмодернизма* («Мужская зона» (1994), «Гамлет. Нулевое действие» (2002)), не отменяющие, впрочем, идею «духовного строительства» (Васильева 1998, Иванова 2003).

Среди эстетически продуктивных сфер российской драматургии – творческая орбита Н. Коляды. Его ранние произведения «Чайка спела», «Рогатка», «Канотье», «Сказка о мертвой царевне» (1990–1992) органично вписывались в «новую волну» за счет социального негатива, тяготения к художественной условности, тогда как в более поздних усиливается экзистенциальный компонент художественной рефлексии: героем становится «человек “порогового сознания”» (Лейдерман 1997, с. 163), психологическая коллизия воплощает его самостояние перед лицом «бездны», а хронотоп — «чувство апофатизма», «непознаваемых глубин бытия» посреди бытового хаоса (Журчева 2014, с. 101). Кроме того, Н. Коляда активно использует элементы мелодрамы (цикл «Хрущевка», 1994–1997), обращается к эстетике постмодернизма («Тройкасемеркатуз» (1998), «Старосветские помещики» (1998), «Коробочка» (2009)).

Синтезируя опыт драматургов первого постампиловского призыва и представителей западноевропейской драмы абсурда 1950-1960-х, «театра жестокости» А. Арто, постмодернизма, «новодраматизма» продолжают дестетизировать действительность, демонстрируя такие стороны постсоветской повседневности, как наркомания, бездомность, немотивированная жестокость, отмирание культуры как бытийного измерения личности в пьесах «Кислород» И. Вырыпаева, «Пойдем, нас ждет машина» Ю. Клавдиева, «Бездомные» А. Родионова и М. Курочкина, «Три действия по четырем картинам» В. Дурненкова и во многих других, ставших «золотым фондом» новейшей русской литературы.

Закономерно и обращение к «социально-экзистенциальному герою», отражающему дисгармоничность «присутствия “я” в “мире”» (страх, одиночество, заброшенность) (Гончарова-Грабовская 2006, с. 22), нередко являющемуся жертвой неблагоприятных обстоятельств («Пластилин» В. Сигарева, «Выглядки» В. Леванова).

Типологию конфликтов, являющихся «модификациями “кризиса частной жизни”», предложила И. Болотян, подчеркивая их неразрешимость на уровне сюжетного действия.

Все это позволяет отметить в произведениях «новой драмы» ярко выраженное трагическое начало, передающее тип мироощущения, схожий,

по мнению О. Журчевой, с барочной «трагедией ужаса» (Журчева 2015, с. 10). Разработка подобного материала осуществляется с установкой на предельную «объективность» – «ноль-позицию», т.е. «сознательный отказ художника от своего эго» (М. Угаров) (цит. по Болотян 2018).

С самого начала вхождения в литературу представители «новой драмы» находились в интенсивном поиске новых художественных средств, обусловившем «дискретность художественной структуры пьес», например, «Русская тоска» А. Слаповского, «Кислород» И. Вырыпаева, «Терроризм» братьев Пресняковых (Гончарова-Грабовская 2006, с. 5), усиление лирического начала в тех произведениях, в которых «сценические события становятся ключом к личным воспоминаниям, ассоциациям», в частности, «Бытие № 2» И. Вырыпаева (Купченко 2012, с. 39), введение сложных для дешифровки метафор, а также культурных символов различных эпох, архетипов («Русскими буквами» К. Драгунской, «Красная чашка» А. Строганова, «Бесконечный апрель» Я. Пулинович и др.). В 2010-е гг. все это аккумулировало стремление наиболее полно реализовать перформативно-рецептивный потенциал драматургического высказывания.

Сосуществование нескольких драматургических поколений, разнообразие авторских индивидуальностей позволяют выделить два вектора развития русской драматургии 1990–2000-х гг. – «традиционную и нетрадиционную (экспериментальную) драму» (Гончарова-Грабовская 2006, с. 18).

В *традиционном* русле пишут драматурги старшего поколения (М. Рошин, В. Розов, Л. Зорин, Ю. Эдлис), некоторые представители «новой волны» (А. Галин, Л. Разумовская, М. Арбатова), ранний Н. Коляда, ряд «новодраматизма» (К. Драгунская, В. Сигарев, Ю. Клавдиев, братья Пресняковы и др.). Приоритетными для большинства из них стали социально-экзистенциальные проблемы, отражающие через неустраиваемость в социуме кризис (само)идентичности в различных проявлениях, исключающих, как правило, национальное, а эстетическим ориентиром – реализм, обновленный интенциями модернизма («...Sorry» А. Галина, «Полонез Огинского» Н. Коляды, «Русскими буквами» К. Драгунской, etc.).

Экспериментальный вектор объединяет отдельных драматургов «постампиловского» поколения (Л. Петрушевскую, А. Казанцева, О. Кучкину), Н. Садур, позднего Н. Коляду и их молодых последователей-«новодраматизма» (А. Слаповского, О. Богаева, М. Угарова, О. Мухину, И. Вырыпаева, В. Леванова, Я. Пулинович, А. Строганова и др.). В центре их внимания – экзистенциальные проблемы (ситуация выбора, одиночество в мире, катастрофизм бытия), направившие эстетические

поиски в русле *модернизма* («Бифем» Л. Петрушевской, «Братя и Лиза» А. Казанцева, «Ю» О. Мухиной, «Бесконечный апрель» Я. Пулинович), *постмодернизма* («Мужская зона» Л. Петрушевской, «Смерть Ильи Ильича / Облом-off» М. Угарова).

О расширении жанрового диапазона русской постсоветской драматургии свидетельствуют монодрама (пьесы Е. Гришковца, «Американка» Н. Коляды, «Июль» И. Вырыпаева, «Я, пулеметчик» Ю. Клавдиева etc.) и в целом тенденция к монологизации драматургического высказывания с опорой на «эго-документ», *пьеса-вербатим* («Кислород» И. Вырыпаева, «Норд-Ост: сороковой день» Г. Заславского и др.), *пьеса-римейк* («Гамлет. Нулевое действие» Л. Петрушевской, «Тройкасемеркатуз» Н. Коляды, «На доньшке» И. Шприца).

Что касается белорусской драматургии, то ее отличительные черты предопределены социокультурной ситуацией, сложившейся в Беларуси после выхода из СССР: «неустойчивой институализацией литературного поля», конфликтом писательских поколений (Синькова 2012, с. 99), стратификацией по языковому признаку и фило-софско-эстетическим ориентирам.

Так, в эти годы выделились, с одной стороны, пласт экспериментальной драматургии, созданной на белорусском языке поколением «*тутэйшых*» конца 1980-х – 1990-х гг. (С. Ковалёв, А. Асташонок, Н. Ореховский, И. Сидорук и др.) и «*не-тутэйшых*» конца 1990-х – 2000-х гг. (З. Вишнёв, В. Жибуль, И. Син, О. Гопеева и др.), с другой, – *русскоязычная драматургия*, представленная плеядой талантливых авторов: Е. Поповой, Н. Рудковским, П. Пряжко, Д. Балыко, Д. Богославским, etc.

О месте и статусе в отечественном литературном пространстве представителей экспериментального вектора велись оживленные споры, несмотря на обращение драматургов к белорусскому языку. Некоторые ученые (А. Соболевский, С. Лавшук) считали их эстетические поиски чуждыми национальной культурной традиции, однако большинство (А. Бельский, Е. Леонова, Г. Нефагина, И. Шабловская) – всплеском творческой активности, приведшим к интенсивному обновлению жанрово-стилевой палитры.

И действительно, на рубеже 1980–1990-х гг. впервые в белорусскую драматургию приходит ряд авторов, активно ориентирующихся на эстетику *модернизма* («Ку-ку» («Ку-ку») (1992), «Лабиринт» («Лабірынт») (1997) Н. Ореховского, «Драматургические тексты» («Драматургічныя тэксты») (1997) А. Асташонка, «Голова» («Галава») (1997) И. Сидорука, «АС-линия» («АС-лінія») (1997) А. Богдановой), *постмодернизма* («Сумасшедший Альберт» («Звар’яцелы Альберт»

(1991), «Тристан и Изольда» («Трышчан ды Изольда») (1993), «Утомленный дьявол» («Стомлены д’ябал») (1997) С. Ковалева). Их творческое становление происходит в контексте «новой литературной ситуации» в Беларуси, связанной с национально-культурным возрождением, дегерархизацией, деканонизацией, деверсификацией, жанровым синкретизмом, а также прогрессивной динамикой стилового разнообразия в литературе.

П. Васюченко назвал данную генерацию драматургов «новой волной» (Васючэнка 2000, с. 143), что свидетельствует о расхождении с российскими учеными, понимающими под «новой волной» драматургов «поствампилевского» поколения 1970–1980-х гг. С. Ковалевым предложен термин «*тутэйшыя*» (от названия литературного объединения) (Кавалёў 2012, с. 174).

С нашей точки зрения, философско-эстетические поиски представителей данной генерации не противоречат белорусской литературной традиции, но, напротив, свидетельствуют о ее реактуализации, поскольку базируются на национальной идее (отразившейся в творчестве классиков начала XX века Ф. Богусевича, Я. Купалы, М. Богдановича и др.), что предопределило использование белорусского языка.

Кроме того, драматурги уловили особый тип мироощущения постсоветского человека, не от-refлексированный в белорусской драматургии, – предчувствие катастрофичности бытия, кризис рациональности, эсхатологические настроения, нашли адекватные эстетические средства его воплощения – поэтику *абсурда*. Данная тенденция проявилась и в других славянских литературах, что позволяет ряду ученых (Е. Леоновой, Г. Нефагиной, И. Шабловской) отметить типологические параллели между произведениями Н. Ореховского, И. Сидорука, А. Асташонка, А. Богдановой и западнославянских (В. Гавел, С. Мрожек, С. Стратиев), русских (А. Казанцев, А. Демьяненко), украинских (Я. Верещак) драматургов.

Общность их авторских стратегий проявилась в концепции абсурда, имеющего социальные основания, что обусловило острую постановку вопроса о свободе личности в тоталитарном социуме, появление особого типа героя – «*потерянного, запуганного человека*, который доведен системой до сумасшедшего дома» (Шаблоўская 1998, с. 11), усиление мотивов *страха, одиночества*, реализуемых средствами «эkleктической» поэтики, сочетающей реалистическое изображение и гротеск, фантастику, трагикомическую тональность (Шаблоўская 1998, с. 16). Отличие предопределено тем, что белорусские авторы остро ставят вопрос о национальной (само)идентичности, активно используют элементы национального фольклора (соломенные куклы в качестве действующих лиц в пьесе А. Богдановой «АС-лінія»).

В дальнейшем данную линию продолжили представители «поколения “Бум-Бам-Лит”» (Bortnowska 2009, Кавалёв 2013), пишущие на белорусском языке. Их вхождение в литературу в середине 1990-х – начале 2000-х происходило в русле идейно-эстетических поисков одноименного художественного движения, «столпами» которого были З. Вишнёв, В. Жибуль, И. Син, С. Минскевич и др.

В силу заведомого эстетического радикализма, обращения к неконвенциональным художественным стратегиям их драматургическая практика оказалась на периферии литературного процесса и была расценена современниками – представителями старшей генерации П. Васюченко и С. Ковалёвым как «ученичество», подражание западноевропейским абсурдистам 1950–1960-х (Васючэнка 2007, Кавалёв 2013).

К такому выводу подталкивали особенности пьес представителей молодого поколения, которых мы предлагаем именовать «нетутэйшыя» по аналогии с предыдущей генерацией драматургов (что подчеркнет общий экспериментальный вектор художественных поисков), а также принимая во внимание название составленного в конце 1990-х, но так и не изданного сборника пьес (впоследствии некоторые из них были опубликованы в белорусском альманахе «Тэксты» в рубрике «Нетутэйшыя»).

Так, в центре их художественного универсума оказался особый *герой* – существо с предельно деформированной человеческой природой, например, человеко-, черепахо-, мухо-, рыбоподобные стрекозы («Фаракоиновы мумілюсікі» («Фаракаінавыя мумілюсікі») (1994) З. Вишнёва), *хронотоп* смоделирован как условный, нарочито алогичный мир с помощью «нетрадиционного языка мимесиса» (согласно Н. Рымарю), в частности, покрытое снегом безвременное пространство («Яно ы Яно» (1994) И. Сина).

Об отказе от драматургических констант свидетельствовали и брутально-эпатажные сценические решения (пожалуй, самое смелое – групповой половой акт в финале пьесы И. Сина «Яно ы Яно»), а также языковые трансформации — распад языка на фонемы («Ёў» (2012) А. Шостока), вкрапления к текст пьесы стихотворных строф («Коллекционер» (2003) («Калекцыянер») О. Гопеевой).

Как представляется, эти эстетические поиски были нацелены на реализацию сферы предельно деформированного подсознания постсоветского белоруса, национальная ментальность которого осмыслялась в аспекте маргинальности, не преодолимой ни за счет погружения в бытовой комфорт (как, например, в пьесах П. Пряжко, представителя того же литературного поколения, что и «нетутэйшыя», но пишущего на русском языке), ни с помощью обращения к исторической памяти

или традиции национальной литературы (творчество «тутэйшых»).

Эстетическая спорность данной интенции развития белорусскоязычной драматургии привела к тому, что в литературном процессе 2010-х гг. начала доминировать *рускоязычная драматургия Беларуси*.

После продолжительных дискуссий о правомерности включать ее представителей в поле отечественной литературы (С. Гончарова-Грабовская, Т. Орлова, В. Мазуро, С. Ковалёв, Б. Сивэк) в литературоведении утвердилось мнение о ней как о «явлении национальном, белорусском, принимая во внимание языковой и территориальный факторы» и в то же время – «“бикультурном”, учитывая общность языка (русский) и тесную связь с театральным миром России (участие в конкурсах, постановка пьес)» (Гончарова-Грабовская 2015, с. 4).

К старшему поколению русскоязычных драматургов относятся Е. Попова, А. Делендик, С. Бартохова, Е. Таганов, авторские стратегии которых тяготеют к *реализму*.

К младшему – авторы, *обновляющие реалистическую традицию* (С. Гиргель, Д. Балыко), близкие эстетике *модернизма* (А. Курейчик, П. Пряжко, Н. Рудковский, Г. Тисецкий), *постреализма* (К. Стешик, Н. Халезин, Д. Богославский), *постмодернизма* (Г. Бартош), *авангардизма* (Д. Стронец, Д. Летуновский), что значительно обогащает белорусскую драматургию в проблемно-тематическом и эстетическом планах, придавая динамичность ее развитию.

Как и их коллеги – российские «новодраматисты», молодые русскоязычные драматурги Беларуси активно разрабатывают экзистенциальные проблемы человеческого существования через социальный срез постсоветской действительности («Любовь людей» (2011), «Катапульта» (2020) Д. Богославского), редуцируют психологические мотивировки характеров («Skazka» (2004) А. Курейчика, «Мужчина – женщина – пистолет» (2005) К. Стешика, «Женщины Бергмана» (1993) Н. Рудковского), моделируют гротескно-фантастические художественные миры («Фестиваль тишины» (2009) Д. Балыко, «Блонди» (2015) Д. Богославского), предельно деформируют язык, отражая невозможность полноценной коммуникации (пьесы П. Пряжко).

В меньшей степени нашли отражение в пьесах данной генерации исторические проблемы, как правило, кардинально переосмысленные. Так, А. Курейчик предложил новые трактовки реальных исторических фактов («Пане Коханку», 2010), биографии Ф. Скорины («Скорина», 2006). Деконструкции подвергается литературный миф о Я. Купале («Немой поэт» Г. Тисецкого). События Великой Отечественной войны получили оригинальную интерпретацию в трилогии Н. Рудков-

ского «Вторжение» (1993), «Последняя любовь Нарцисса» (2006), «Дожить до премьеры» (2010).

Творчество русскоязычных драматургов Беларуси способствовало активизации русско-белорусских литературных взаимосвязей. Наиболее явные точки соприкосновения обнаруживаются в произведениях младшего поколения авторов (П. Пряжко, Н. Рудковского, К. Стешика, Д. Балыко, А. Курейчика, Д. Богославского) и российских «новодраматургов», на что указывают многие ученые (Болотян 2014, Гончарова-Грабовская 2015, С. Ковалёв 2020). Их объединяют «социологизм, документализм, биографизм, дегероизация, “катастрофическая модель”, дискретная структура, отсутствие четко выраженного конфликта, интерес к социальному негативу» (Гончарова-Грабовская 2015, с. 15).

В меньшей степени взаимосвязи проявляются в пьесах старшего поколения белорусских и русских драматургов. Лишь Е. Попова по-прежнему близка отдельным представителям «новой волны» русской драматургии (А. Галину, Л. Разумовской, М. Арбатовой) обращением к проблеме «человек и постсоветский социум», перманентным обновлением реалистической традиции.

Сосуществование нескольких поколений, разнообразие идейно-эстетических поисков свидетельствуют о стилевой поливекторности белорусской драматургии, в которой, в отличие от российской, преобладает *реалистическая традиция*.

К такому выводу подталкивает доминирование в белорусской драматургии 1990-х – 2000-х *исторического* направления, представленного 11 пьесами А. Петрашкевича, произведениями А. Дударева, отошедшего от социальных проблем («Князь Витовт» («Князь Вітаўт»), «Полочанка» («Палачанка») (обе – 1998)), многочисленными *историко-биографическими* драмами (только о Ф. Скорине написан ряд пьес, объединенные в сборник «Франциск Скорина и современность» («Францыск Скарына і сучаснасць») (2017)), несколькими десятками произведений, посвященных Великой Отечественной войне («Блиндаж» (2004) Е. Поповой, «Ты помнишь, Алёша...», «Не покидай меня...» (2004) А. Дударева, «Такая долгая гроза...» (1993) С. Бартоховой и др.).

В 2010-е гг. создается и мощный пласт *пьес-вербатим* («Patris» (2013) С. Анцилевича, В. Красовского, Д. Богославского, «Красная птица» (2013) П. Рассолько, «Возможно» («Мабыць») (2015) Д. Богославского и др.), спецификой которых в белорусской версии стала постановка вопроса на национальной (само)идентичности, не характерная для российской драматургии, разрабатывающей в данном жанре другие проявления кризиса частной жизни.

Как видим, реальная картина драматургического процесса в Беларуси и России в течение четырех

последних десятилетий не тождественна вехам истории и в точках притяжения и отталкивания напоминает саморазвивающуюся систему, а не линейное, поступательное движение. Вместе с тем есть основания полагать, что интеграция русскоязычных авторов из Беларуси в российское и мировое культурное пространство, вызванная сложной политической ситуацией в Беларуси 2020–2021-х гг., обернется дальнейшим сближением драматургических систем родственных литератур.

Библиографический список

Bortnowska, K. (2009), *Belarusian postmodernism. Lyricist of the Bum-bam-Litu generation*, Warsaw, Poland.

Бельскі А.І. Сучасная беларуская літаратура: станаўленне і развіццё творчых індывідуальнасцяў (80–90-я гг.). Мінск: Народ. асвета, 1997. 254 с.

Болотян И. Антисловарь Михаила Угарова // Театр. 2018. № 34. URL: <http://oteatre.info/antislovarmihaila-ugarova/> (дата обращения: 18.02.2019).

Болотян И. Вернуть героя в центр // Современная драматургия. 2014. № 3. С. 196–203.

Бугров Б.С. Русская советская драматургия. 1960–1970-е. Москва: Высш. шк., 1981. 286 с.

Васильева М. Так сложилось // Дружба народов. 1998. № 4. С. 208–217.

Васючэнка П. Сучасная беларуская драматургія. Мінск: Маст. літ., 2000. 158 с.

Васючэнка П.В. Драматургія і час. Мінск: Навука і тэхніка, 1991. 143 с.

Велехова Н.А. Серебряные трубы. Советская драматургия вчера и сегодня. Москва: Совет. писатель, 1983. 375 с.

Гончарова-Грабовская С.Я. Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века. Москва: Флинта: Наука, 2006. 280 с.

Гончарова-Грабовская С.Я. Русскоязычная драматургия Беларуси на рубеже XX–XXI вв. (проблематика, жанровая стратегия). Минск: БГУ, 2015. 220 с.

Журчева О. Искусство преодоления страха: мотив смерти в «гоголевской трилогии» Николая Коляды // Русская литература конца XIX–XXI века: диалог с традицией / под ред. наук. Н. Maliutiny, А. Lis-Czapigi. Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2014. С. 100–128.

Журчева О. Проблема жанра в новейшей драме XX–XXI веков, или Новая канонизация жанров // Новейшая драма XX–XXI вв.: проблема жанра: сб. науч. ст. / под общ. ред. Т.В. Журчевой. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2015. С. 7–14.

Иванова Н. «Неопалимый голубок»: «пошлость» как эстетический феномен // Русская литература XX века в зеркале критики: хрестоматия. СПб.: Издат. центр «Академия», 2003. С. 484–507.

Кавалёў С. Няздзеяснены праект пакалення. *Драматургія “Бум-Бам-Літа” // Дзеяслоў*. 2013. № 3 (64). С. 304–311.

Кавалёў С. Сучасная беларуская драматургія: праблема аўтаномнасці // *Погляды на спецыфічнасць “малых” літаратур: беларуская і ўкраінская літаратуры*. Мінск : Паркус плюс, 2012. С. 167–189.

Купченко Т.А. «Фамилия содержания»: лирическое начало в драматургии Владимира Маяковского, Ивана Вырыпаева и Павла Пряжко // *Поэтика русской драматургии рубежа XX–XXI веков: Вып. 3: сб. науч. ст. / Отв. ред. С.П. Лавлинский, А.М. Павлов*. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2012. С. 36–52.

Лаўшук С.С. Гарызонты беларускай драматургіі. Мінск: Бел.навука, 2010. 410 с.

Лейдерман Н.Л. Драматургия Николая Коляды: критический очерк. Каменск-Уральский: Калан, 1997. 160 с.

Любимов Б. Переходный возраст // *Современная драматургия*. 1983. № 4. С. 217–227.

Нехта з тутэйшых (П. Васючэнка), Забіваньне казла // *Тэксты*. 2007. № 3. С. 183–188.

Одесская М. Отец и безотцовщина в драматургии Чехова, Вампилова и Петрушевской // *Современная драматургия*. 2009. № 1. С. 180–183.

Поколение RU белорусской драматургии: контекст – тенденции – индивидуальности / С. Ковалев, И. Лаппо, Н. Русецкая. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2020. 290 с.

Рагуля А. Філасофскі тэатр Кандрата Крапівы // *Шлях да Браны Неўміручасці: матэрыялы рэсп. навук. чыт., прысвеч. 115-годдзю з дня нараджэння народнага пісьменніка Беларусі Кандрата Крапівы*, Мінск, 3 сакавіка 2011 г. / уклад. А.А. Манкевіч. Мінск: Бел.навука, 2012. С. 110–119.

Сабалеўскі А.В. Сучаснасць і гісторыя: крытычныя артыкулы. Мінск: Маст. літ., 1985. 208 с.

Сінькова Л. Спецыфічнае асэнсаванне нацыянальнага ў беларускай літаратуры XX стагоддзя // *Погляды на спецыфічнасць “малых” літаратур: беларуская і ўкраінская літаратуры*. Мінск: Паркус плюс, 2012. С. 99–115.

Шаблюўская І.В. Драма абсурду ў славянскіх літаратурах і еўрапейскі вопыт. Паэтыка. Тыпалогія. Мінск: Белдзяржуніверсітэт, 1998. 20 с.

Явчуновский Я.И. Драма на новом рубеже: драматургия 70-х и 80-х годов: конфликты и герои, проблемы поэтики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 222 с.

References

Bortnowska, K. (2009), *Belarusian postmodernism. Lyricist of the Bum-bam-Litu generation*, Warsaw, Poland.

Belsky, A.I. (1997), *Suchasnaya Belarusian literature: stanaylenny i razvitstsyh creativchyh indyvid-*

ualnastsyay (80–90th gg.), People. asveta, Minsk, Belarus.

Bolotyan, I. (2014), Return the hero to the center, *Modern Drama*, no. 3, pp. 196–203.

Bolotyan, I.M. (2009), *Genre searches in Russian dramaturgy of the late XX – early XXI century*, Moscow, Russia.

Bugrov, B.S. (1981), *Russian Soviet dramaturgy. 1960–1970s.*, Higher School, Moscow, Russian.

Vasilyeva, M. (1998), So it happened, *Friendship of peoples*, no. 4, pp. 208–217.

Vasyuchenka, P. (2000), *Suchasnaya belarusskaya dramaturgiya*, Mast. lit., Minsk, Belarus.

Vasyuchenka, P.V. (1991), *Dramaturgiya i chas, Navuka i tehnika*, Minsk, Belarus.

Velekhova, N.A. (1983), *Silver pipes. Soviet dramaturgy yesterday and today*, The Council. Writer, Moscow, USSR.

Goncharova-Grabovskaya, S.Ya. (2006), *Comedy in Russian dramaturgy of the late XX - early XXI century*, Flint: Nauka, Moscow, Russia.

Goncharova-Grabovskaya, S.Ya. (2015), *Russian-language dramaturgy of Belarus at the turn of the XX–XXI centuries (problematics, genre strategy)*, BSU, Minsk, Belarus.

Zhurcheva, O. (2014), The art of overcoming fear: the motive of death in the Gogol trilogy by Nikolai Kolyada, *Russian literature of the late XIX–XXI century: dialogue with tradition*, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, Rzeszow, Poland, pp. 100–128.

Zhurcheva, O. (2015), The problem of genre in the newest drama of the XX–XXI centuries, or the New canonization of genres, *The newest drama of the XX–XXI centuries: the problem of genre: collection of scientific articles*, Publishing House of Samar. un-ta, Samara, Russia, pp. 7–14.

Ivanova, N. (2003), "The Burning dove": "vulgarity" as an aesthetic phenomenon, *Russian literature of the twentieth century in the mirror of criticism: a textbook*, Izdat. The Academy Center, St. Petersburg, Russia, pp. 484–507.

Cavalier, S. (2013), Nyazzeysneny praekt pakalennya. Drama "Boom-Bam-Lita", *Dzeyasloy*, no. 3 (64), pp. 304–311.

Cavalier, S. (2012), Suchasnaya belarusskaya dramaturgiya: prablema aytanomnastsi, *A look at the speciality of the "small" litaratura: Belarusian and Ukrainian litaratura*, Parkus Plus, Minsk, Belarus, pp. 167–189.

Kupchenko, T.A. (2012), "Surname of the content": lyrical beginning in the dramaturgy of Vladimir Mayakovsky, Ivan Vyrypaev and Pavel Pryazhko, *Poetics of Russian dramaturgy of the turn of the XX–XXI centuries: Issue 3: collection of scientific articles*, Kem. state University, Kemerovo, Russia, pp. 36–52.

Layshuk, S.S. (2010), *Garyzonty belaruskai dramaturgii*, Bel.navuka, Minsk, Belarus.

Leiderman, N.L. (1997), *The Dramaturgy of Nikolai Kolyada: a critical essay*, Kalan, Kamensk-Uralsky, Russia.

Lyubimov, B. (1983), Transitional age, *Modern dramaturgy*, no. 4, pp. 217–227.

Nekhtha z tuteishykh (P. Vasyuchenka), *Zabivanne kazla* (2007), *Teksti*, no. 3, pp. 183–188.

Odesskaya, M. (2009), Father and fatherlessness in the dramaturgy of Chekhov, Vampilov and Petrushevskaya, *Modern Dramaturgy*, no. 1, pp. 180–183.

Kovalev, S, Lappo I., Rusetskaya N. (2020), *Generation RU of Belarusian drama: context - trends – individuality*, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin, Poland.

Ragulya, A. (2012), *Filasofsky teatr Kandrata Krapiva, Shlyakh da Brahma Neymiruchastsi*, Belnavuka, Minsk, Belarus, pp. 110–119.

Sabaleiski, A.V. (1985), *Suchasnas i history: krytychnyya artykuly*, Mast. lit., Minsk, USSR.

Sinkova, L. (2012), Spetsifichnae asensavanne natsyanalnaga sh belaruskai litaratura XX stagodja, *A look at the speciality of the "small" litaratura: Belarusian and Ukrainian litaratura*, Parkus Plus, Minsk, Belarus, pp. 99–115.

Shabloyskaya, I.V. (1998), *Drama of absurdity i slavyanskikh litaraturakh i eyrapeysky vopyt. Paetyka. Typaloga*, Beldzyarzhuniversitet, Minsk, Belarus.

Yavchunovsky, Ya.I. (1989), *Drama at the new turn: dramaturgy of the 70s and 80s: conflicts and heroes, problems of poetics*, Sarat un-t Publishing House, Saratov, USSR.

Submitted: 30.07.2021

Revised: 14.09.2021

Accepted: 30.09.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.334.2

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-3-50-58

Дата: поступления статьи: 21.07.2021
после рецензирования: 17.09.2021
принятия статьи: 30.09.2021

В.А. Буткалюк
Институт социологии Национальной
академии наук Украины, г. Киев, Украина
E-mail: vbutkalyuk@ukr.net
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1339-6393>

Социально-экономическое неравенство как ключевой вызов современности

Аннотация: статья посвящена исследованию причин, сущности и социальных последствий социально-экономического неравенства в современном мире. На основе экономико-социологического подхода автор исследует эволюцию данного феномена с начала реализации неоллиберальных реформ до настоящего времени. В статье доказывается, что ключевой причиной усиления поляризации доходов и богатства в последние десятилетия стали коренные трансформации сферы труда и занятости, а также иные экономические и политические меры, реализуемые в рамках внедрения принципов неоллиберализма в хозяйственную практику. Снижение доли трудовых доходов в национальном доходе, размывание связи между ростом производительности труда и заработной платы, демонтаж государства благосостояния и ослабление профсоюзов являются результатом неоллиберализации глобальной экономической системы и ключевыми причинами дифференциации доходов и богатства и расширения неравенства в сфере труда.

Особое внимание в статье отведено исследованию неравенства в условиях пандемии COVID-19 и текущего корона-кризиса. Автор приходит к заключению, что рост неравенства и иных социальных проблем в результате пандемии определялся преимущественно социально-экономической политикой государств допандемийного периода. Пандемия COVID-19 выступила «социальным рентгеном», обнажившим народонаселению мира реальное состояние современных общественных институтов.

Ключевые слова: неоллиберализм; трансформация труда и занятости; профсоюзы; неравенство; бедность; благосостояние; COVID-19.

Цитирование: Буткалюк В.А. Социально-экономическое неравенство как ключевой вызов современности // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 3. С. 50–58. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-50-58>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Буткалюк В.А., 2021** – кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Украины, 01021, Украина, г. Киев, ул. Шелковичная, 12.

SCIENTIFIC ARTICLE

V.A. Butkaliuk
Institute of Sociology, National Academy
of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine
E-mail: vbutkalyuk@ukr.net
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1339-6393>

Socio-economic inequality as a key challenge of our modernity

Abstract: the article is devoted to the study of the causes, essence and social consequences of socio-economic inequality in the modern world. On the basis of an economic-sociological approach, the author investigates the evolution of this phenomenon from the beginning of the implementation of neoliberal reforms to the present. The article proves that the key reason for the intensification of the polarization of income and wealth in recent decades has been the fundamental transformations of the sphere of labor and employment, as well as other economic and political measures implemented within the framework of introducing the principles of neoliberalism into economic practice. The declining share of the labor income within the national income, the blurring of the link between productivity and wage growth, the dismantling of the welfare state and weakening trade unions are the result of the neoliberalization of the global economic system and key drivers of income and wealth differentiation and our modernity of labor inequality.

The article focuses on the study of inequality in the context of the COVID-19 pandemic and the current COVID-crisis. The author comes to the conclusion that the growth of inequality and other social problems as a result of the pandemic was determined mainly by the socio-economic policies of the states of the pre-pandemic period. The COVID-19 pandemic acted as a “social x-ray” that revealed to the world’s population the real state of modern social institutions.

Key words: neoliberalism; labor and employment transformation; trade unions; inequality; poverty; welfare; COVID-19.

Citation: Butkaliuk, V.A. (2021), Socio-economic inequality as a key challenge of our modernity, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 3, pp. 50–58, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-50-58>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Butkaliuk V.A., 2021** – Candidate of Sciences in Sociology, Research Fellow at the Department of Economic Sociology, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine, 12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021, Ukraine.

Центральной проблемой современной глобальной экономики является чрезвычайно неравномерное распределении ее благ, проявляющееся в неравенстве доходов и богатства, возможностей трудоустройства, доступа к услугам здравоохранения и образования, а также к участию в управлении и социальной жизни (Гидденс, Саттон 2019, с. 14; Ромашкин 2016, с. 27).

На беспрецедентное обострение проблемы неравенства в последние годы обращали внимание исследователи и международные организации во всем мире (Пикетти 2015; Стиглиц 2016; Стиглиц 2020; Atkinson 2015; Galbraith 2016; Christiansen 2019; Milanovic 2018; Oxfam 2020; Oxfam 2021; World Inequality Report 2017). Изучение данного феномена, являясь одной из важнейших задач современной социологической науки, занимает центральное место в распорядке дня международных социологических форумов и конгрессов (ISA Forum of Sociology 2021).

Повышенное внимание исследователей к этому вопросу обусловлено тем, что растущее неравенство усиливает негативные тренды в жизнедеятельности современного общества и служит катализатором воспроизводства многих острых социальных проблем. Последние проявляются, прежде всего, в ухудшении благосостояния населения и свидетельствуют об игнорировании принципов социальной справедливости как в богатых, так и в бедных странах. В общественном сознании растущее неравенство воспринимается как следствие несправедливости (Saez, Zucman 2019; Hacker, Pierson 2020; *Sociology and Social Justice* 2018), снижающее мотивацию людей принимать активное участие в трудовой, политической и общественной жизни и увеличивающее недовольство населения существующим порядком вещей. В результате все это ведет к существенному ослаблению солидарности и усилению конфликтности общества, общей деградации социальной системы и угрожает многими политическими, экономическими и социальными потрясениями (World Inequality Report 2017, p. 8).

Высокий научный интерес к данной проблеме вызывается в том числе и сильной общественной «чувствительностью» к ее состоянию и перспективам. Социологические исследования свидетельствуют, что неравенство входит в число наиболее тревожащих людей проблем современности в разных странах и на разных континентах. Как показал глобальный опрос социологической компании Ipsos (2020 год), даже в разгар пандемии COVID-19 проблема неравенства вошла в триаду главных вызывающих беспокойство людей проблем (наряду с коронавирусом и безработицей) (Ipsos 2020, p. 2). Исследование показало межстрановые различия в оценках населения наибольших проблем, с которыми столкнулись их страны. Как оказалось, в 13 из 27 стран, в которых проводился опрос, лидерство занял не коронавирус, а другие проблемы. В частности, в пяти странах на первое место в списке ключевых проблем респонденты поставили безработицу: Италия (58%), Южная Корея (55%), Австралия (47%), Израиль (43%), Турция (42%). А в Чили и РФ на первое место жители поставили проблемы бедности и социального неравенства (Ipsos 2020, p. 1). При этом если относительно коронавируса фиксируется постепенное снижение тревожности населения, то в отношении иных указанных проблем она, наоборот, усиливается.

Тот факт, что названная проблема имеет давние корни и не является только результатом корона-кризиса, подтверждают более ранние опросы общественного мнения. В доказательство этого тезиса уместно сослаться на глобальное исследование Международной Конфедерации профсоюзов 2017 года, показавшее, что проблема возрастания неравенства между самым богатым 1 % и остальным населением занимает лидирующее место в списке беспокоящих людей проблем. Свою озабоченность по этому поводу тогда высказали 74 % респондентов (Global Poll 2017, p. 17). Кроме того, приведенный выше опрос показал, что большинство людей придерживается

мнения, что современная экономическая система работает в интересах 1 % самого богатого населения и против интересов людей труда (Global Poll 2017, p. 23).

Целью данной статьи является изучение причин, сущности и ключевых социальных последствий роста социально-экономического неравенства в условиях неолиберализма. В то же время автор видит свою задачу в исследовании влияния пандемии COVID-19 на неравенство и специфику его проявления в условиях текущего корона-кризиса.

Для достижения поставленных задач автор использует экономико-социологический подход и исходит из следующих концептуальных позиций:

1) расширение социально-экономического неравенства на современном этапе эволюции глобального капитализма является закономерным следствием реализации на практике неолиберальной концепции роста и развития;

2) в основе обострения данной проблемы лежит усиление противоречий между трудом и капиталом и ослабление роли профсоюзов в деле социальной защиты трудящихся в условиях неолиберальной экономики;

3) решение проблемы неравенства требует отказа от неолиберальной парадигмы роста и развития и поиска новых альтернативных путей социально-экономического развития страны.

Метаморфозы социально-экономического неравенства в условиях постфордизма/неолиберализма

Интенсификация глобализации в конце XX века, несмотря на оптимистичные прогнозы апологетов неолиберализма, не привела к обещанному всеобщему процветанию, а вылилась в перераспределение результатов экономического роста в пользу капитала во всех странах, несмотря на уровень их развития (ПРООН 2016, с. 35). Принципы невмешательства государства в регулирование экономических процессов, снятие ограничений на пути движения капитала, а также трансформация сферы труда и занятости в сторону гибкости, лежащие в основе неолиберальных постулатов, привели к расширению социально-экономического неравенства во всех трех мирах глобальной системы капитализма (в странах ядра, периферии и полупериферии), а также на межрегиональном и межстрановом уровнях.

Многочисленные исследования специалистов в области общественных наук показали, что в основе нынешнего расширения неравенства лежит, в первую очередь, трансформация сферы труда и трудовых отношений. Организация производственного процесса на неолиберальных принципах в условиях постфордистского режима накопления капитала вылилась в уменьшение доли

наемного труда в ВВП (Haque 2004, p. 6; ПРООН 2015, с. 100; Labour Share in G20 2015, p. 2; The Global Labor Income Share 2019, p. 6; World Employment 2020, p. 67) и размывание связи между ростом производительности труда и заработной платой (Pasimeni 2018, p. 6; Mishel, Gould, Bivens 2015, p. 4; Decoupling of wages 2018, p. 55). Эти ключевые тенденции развития производственных отношений последних десятилетий в совокупности с демонтажем государства благосостояния (World of Work Report 2008, p. 88–89; World Inequality Report 2017, p.14; Oxfam 2021, p. 21–22) и существенным ослаблением профсоюзов (Mishel, Gould, Bivens 2015, p. 11; World of Work Report 2008, p. 83) можно отнести к основным причинам падения благосостояния и ухудшения общего положения трудящихся, сокращения численности среднего класса и колоссального социально-экономического расслоения, наблюдаемых в мире в последние десятилетия. Необходимо отметить, что рост глобального неравенства, достигнув своего пикового значения в середине XX в., с этого периода приостановил свой рост, а после 2004 года – наметилась тенденция к его снижению (Миланович 2019). Этот факт обязан эффекту экономической конвергенции в результате мощного экономического подъема стран Азии (Китая и Индии), выступающей в данном контексте выравнивающей силой на глобальном уровне. При этом, экономическое неравенство внутри и между странами продолжало расти (World Employment 2020, p. 70).

По истечении нескольких десятилетий внедрения неолиберальных постулатов в экономическую и политическую жизнь человечество оказалось в ситуации, когда, как указал З. Бауман, «Богатства, накапливающиеся у богатых, никак не «просачиваются» даже к тем, кто находится в непосредственной близости от них в иерархии богатства и дохода, – не говоря уже о тех, кто стоит на более низких ступенях лестницы» (Бауман 2015, с. 50).

После 1980 года рост неравенства имел место практически во всех регионах мира с отличием лишь в темпах, варьирующихся в зависимости от экономической и социальной политики государств. Так, например, наиболее быстрые темпы роста неравенства по доходам были зафиксированы в Северной Америке, Китае, Индии и России, а относительно умеренные – в странах Европы (World inequality report 2017, p. 5). В целом, с 1980 до 2016 года на 1 % лиц, получающих наиболее высокие доходы, пришлось вдвое большая доля мирового роста дохода, чем на 50 % самых бедных слоев населения (World inequality report 2017, p. 11).

Ф. Ван Парайс и Я. Вандерборхт, исследовавшие эволюцию неравенства последних десятилетий, приводят для ее описания остроумную аллегория: «Если представить распределение доходов

как колонну людей разного роста, то с каждым десятилетием гиганты в ней все выше и выше, участники среднего роста оказываются все дальше и дальше от начала процессии, а карликов, которые либо не достигают уровня дохода, считающегося достойным, либо находятся в опасной близости от этого, становится все больше» (Парайс, Вандерборхт 2020, с. 13).

В результате реализации неолиберальных постулатов на практике глобальный мир стал крайне поляризованным. Нижней по доходам половине человечества сегодня принадлежит лишь 1,4 % мирового богатства, в то время как наиболее состоятельным 10 % населения – более 80 % (Global wealth report 2020, p. 29). Суммарное состояние 1 % самых богатых людей более чем вдвое превышает таковое у 6,9 млрд жителей планеты. А долларовые миллиардеры (всего 2153 чел.) в наши дни обладают большим богатством, чем 4,6 млрд чел. вместе взятых. В то же время почти половина населения мира (3,4 млрд чел.) живут менее чем на 5,50 долл./день, ежедневно сталкиваясь с проблемами обеспечения своих семей, недоступности медицинской помощи и образования (Oxfam 2020, p. 10).

Как уже отмечалось, воспроизводство и генерирование социального неравенства определяется сутью социально-экономической системы и в основе своей коренится в сфере общественного производства и трудовых отношений. Наиболее концентрированным выражением неравенства результатов в сфере труда является неравенство трудовых доходов, определяющее дифференциацию населения и общий уровень социального расслоения общества. Основываясь на систематических комплексных исследованиях сферы труда, эксперты МОТ при сравнении оценки общего распределения доходов с распределением трудовых доходов пришли к выводу, что последнее является достаточно надежным показателем общего распределения доходов и дифференциации населения (World Employment 2020, p. 77).

В глобальном измерении трудовой доход распределяется очень неравномерно. Почти половина (48,9 %) общемирового объема заработной платы приходится на долю всего 10 % наиболее высокооплачиваемых работников, в то время как половине занятого населения достается лишь его 6,4 %. В совокупности на 80 % работников приходится всего 31 % мирового трудового дохода (The Global Labor Income Share 2019, p. 2).

Если разделить всех работников по уровню их заработных плат на 10 групп, то окажется, что средний представитель верхней 10 %-й группы получает в месяц 7 475 долл США (ППС), в то время как работник из числа нижней по уровню зарплаты 10 %-й группы зарабатывает в месяц всего 22 долл США (The Global Labor Income Share 2019, p. 1).

Ускорение поляризации трудовых доходов стало особенно заметным после 90-х годов XX века. С разрушением СССР были сняты все препятствия на пути глобальной экспансии рыночного фундаментализма, что вскоре и отразилось на показателях неравенства трудовых доходов. За период с 1990-го по 2005-й год рост дифференциации трудовых доходов был зафиксирован в большинстве стран, в которых МОТ проводила исследования (World of Work Report 2008, p. 1). С начала 90-х годов также быстрыми темпами увеличивался разрыв в доходах между руководителями высшего звена и рядовыми сотрудниками. Например, в США годовой рост оплаты труда топ-менеджеров составлял в среднем 10 % в год, что почти в 3 раза превышало этот показатель для менеджеров среднего звена (3,5 %) и более чем в 14 раз для среднего работника (0,7 %) (World of Work Report 2008, p. 18). В результате разности темпов роста вознаграждение руководителей (не включая доходы от акций) превысило среднюю заработную плату как минимум в 50 раз, а в некоторых странах – в 180 раз. Изучение заработной платы руководителей 15 крупнейших компаний в 6 выбранных странах показало, что генеральные директора (CEO) зарабатывали в 71–183 раза больше, чем рядовые сотрудники (World of Work Report 2008, p. 16–17). С учетом дохода от акций, менеджмент высшего звена в США в 2007 году получал в 521 раз больше среднего работника. Для сравнения, еще в 2003 году это соотношение составляло 370:1 (World of Work Report 2008, p. 18).

Также, кроме упоминаемого неравенства трудовых доходов, в условиях неолиберализма достаточно сильно проявилось гендерное и возрастное неравенство, выражающееся как в неравных возможностях доступа, так и в условиях и результатах труда. Так, уровень экономической активности женщин существенно ниже, чем мужчин (47 % по сравнению с 74 %), женщины больше трудятся в неформальном секторе, их труд более уязвим и менее оплачиваем. В большинстве стран разрыв в оплате труда между мужчинами и женщинами находится в диапазоне от 10 до 25 % (World Employment 2019, p. 3).

Что касается возрастного неравенства, то наиболее уязвимой группой здесь выступает молодое поколение, в первую очередь, в силу того, что более старшие работники, как правило, имеют более высокий уровень заработной платы, а также не так сильно, как молодежь, страдают от безработицы. Общий уровень недоиспользования молодой рабочей силы более чем вдвое превышает этот показатель среди взрослых (26 % и 11 % соответственно) (World Employment 2020, p. 20). Большая часть рабочих мест молодежи относится к уязвимым – ¾ молодых людей работают в неформальном секторе, а почасовая заработная плата взрослых лю-

дей трудоспособного возраста в среднем на 71 % превышает зарплату их молодых коллег (МОТ 2020, с. 5,7).

В условиях неолиберализма рынки труда представляют собой пространство пересечения множества неравенств, формирующих жесткую конкурентную среду, ведущую к маргинализации наемной рабочей силы и вытеснению все большего числа трудящихся в область уязвимой прекарной занятости. В целом, перераспределение доходов в пользу капитала и их высокая дифференциация являются квинтэссенцией неолиберального капитализма.

«Пандемия неравенства»: стал ли COVID-19 «великим выравнителем»?

Тенденция к увеличению неравенства и концентрации богатства в руках все меньшего количества людей не была прервана ни глобальным финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг., ни даже текущей пандемией COVID-19.

Как известно, преодоление кризиса 2008–2009 гг. было переложено на плечи широких слоев населения. Проводимая в это время многими правительствами т. н. политика жесткой экономии была нацелена на сокращение расходов на медицину и образование, пенсионное обеспечение, заработные платы бюджетных работников, а также на сокращение субсидирования населения и т.д. При этом снижались налоги для самых богатых людей и корпораций, а банки получали государственную помощь (Oxfam 2021, р. 17, 22). Как показало проведенное в Великобритании исследование, такие меры привели к увеличению неравенства с непропорционально сильным влиянием на уязвимые слои населения, особенно на женщин и расовые группы. Кроме того, одним из последствий такого курса стал рост популистской, авторитарной и расистской риторики (Oxfam 2021, р. 22).

В полной мере негативные последствия такой политики стали очевидны в последние годы, когда человечество столкнулось с глобальным вызовом пандемии COVID-19. Данная глобальная угроза обнажила и существенно усилила многие проблемы современной социально-экономической системы, показав ограниченность и недостаточность социальной защиты большинства населения мира, крайнюю уязвимость новой «гибкой» занятости, слабость медицинских систем, а также истощенность ресурсов многих современных государств.

В одном из документов ООН, посвященном изучению социальных последствий пандемии COVID-19, отмечается, что данный глобальный вызов стал самым большим испытанием, с которым столкнулся мир с момента создания ООН. «Это больше, чем чрезвычайная ситуация в области здравоохранения, это системный кризис, который уже затрагивает экономику и общества

беспрецедентными способами», – отмечают представители данной международной организации (UNDP 2020, р. 4).

Беспрецедентные масштабы дестабилизации рынка труда в результате пандемии COVID-19 привели к росту безработицы и колоссальному недоиспользованию рабочей силы, и в результате – падению уровня трудовых доходов, росту бедности и неравенства (МОТ 2021, с. 1–2; Oxfam 2021; Стиглиц 2020а; UNDP 2020). В числе наиболее пострадавших закономерно оказались социальные группы, которые в допандемийный период относились в число наиболее уязвимых – молодежь, женщины, мигранты, цветные работники и представители национальных меньшинств (МОТ 2021, с. 2; UNDP, 2020: р. 18). А высокий уровень неформальной занятости, в допандемийный период превышающий 60 % (ILO 2019, р. 12), вылился в то, что многие трудящиеся оказались фактически брошенными перед лицом надвигающейся социальной катастрофы. Согласно международному исследованию Oxfam, каждый третий работник в условиях пандемии был лишен трудовых прав и какой-либо социальной защиты, в том числе оплаты по болезни (Oxfam 2021, р. 15). В результате десятки миллионов людей, лишившиеся в этих условиях дохода, по оценкам ООН, окажутся в условиях недоедания и голода (Из-за пандемии 2021).

Пандемия не стала «великим выравнителем», которым, согласно выводам В. Шайделя, как правило, выступают глобальные катаклизмы и кризисы (Scheidel 2017). В условиях карантинных ограничений, блокировавших экономическую деятельность многих сфер на национальных и глобальном уровнях, наиболее богатые слои населения хоть и понесли потери, но смогли достаточно быстро наверстать упущенное. По данным Oxfam, тысяче самых богатых людей планеты понадобилось всего 9 месяцев для того, чтобы их состояние вернулось к допандемийным максимумам. В то же время самым бедным людям планеты для восстановления своего «допандемийного» уровня жизни понадобится более 10 лет (Oxfam 2021, р. 9, 23).

В то время как многие люди в результате пандемии оказались у черты бедности, топ-25 мировых богачей только за два месяца пандемии суммарно разбогател на 255 млрд долл. (Ponciano 2020). А в целом за 2020-й «пандемийный» год совокупное состояние 25 самых богатых семей мира выросло на 22 %, или на 312 млрд долл. США (Pendleton 2021).

Столь очевидные диспропорции социального развития и огромный ущерб, нанесенный большинству населения пандемией COVID-19, стали причинами очередного подъема антиглобалистских и антилиберальных настроений во всем мире.

Социологи фиксируют мощный общественный запрос на кардинальные изменения социально-

экономической политики в большинстве стран и глобальном измерении в целом. Согласно опросу Ipsos, большинство населения желает, чтобы после пандемии мир значительно изменился и стал более устойчивым и справедливым, а не возвращался к допандемическому состоянию (Around the world 2020). Кроме того, большинство населения поддерживает повышение налогов на богатство, введение базового дохода, считает необходимым предоставление бесплатной медицинской помощи больным COVID-19 и увеличение государственной поддержки сферы здравоохранения. Кроме того, большая часть граждан выступает за снижение корпоративной власти и расширение прав и возможностей работников (Zamore, Phillips 2020). Столь сильный общественный запрос на перемены требует реакции власть имущих, в противном случае в условиях падения благосостояния и множественных COVID-лишений, это грозит ростом массового недовольства и возможными социальными потрясениями.

В этих условиях даже некоторые апологеты неолиберализма начали достаточно активно выступать в качестве его критиков и призывать к внедрению механизмов экономического и социального «выравнивания». Призывы к внедрению прогрессивного налогообложения, расширения финансирования здравоохранения и образования и других мероприятий с целью снижения неравенства и преодоления других социальных проблем периодически звучат не только от представителей ООН, но и МВФ (Transcript 2021; Эксперт ООН 2020). О необходимости перехода к более инклюзивному и справедливому мироустройству сегодня все чаще говорит и исполнительный председатель Всемирного экономического форума профессор К. Шваб (Клаус Шваб 2020). Такие заявления наводят на мысли о том, что бывшие апологеты неолиберализма предлагают миру не настоящие кардинальные изменения в интересах большинства населения, а лишь такие косметические «корректирующие» реформы, которые не затронут несущие конструкции капиталистической системы и позволят капиталу извлекать и максимизировать прибыль в условиях цифрового капитализма. Названные шаги вызваны тем, что неолиберальная система столь сильно истощила многие социальные институты, что сегодня это обстоятельство существенно блокирует процесс накопления капитала в условиях массового внедрения новых ИКТ, цифровизации и дигитализации экономики и социальной жизни.

Каким будет мир после пандемии сегодня сказать крайне трудно. Однако совершенно очевидно, что глобальные вызовы COVID-19 выступили «социальным рентгеном», высветившим мировому сообществу слабость современных экономических, политических и социальных институтов.

Выводы

Существенное усиление социально-экономического неравенства в последние десятилетия стало следствием внедрения неолиберальных подходов в экономике сначала в странах ядра мировой капиталистической системы, а вследствие интенсификации экономической глобализации и разрушения СССР – во всех странах мира. В основе усиления поляризации и дифференциации населения лежат комплексные трансформации сферы труда и занятости в условиях постфордистского режима накопления капитала.

Пандемия COVID-19 не стала «великим выравнителем», как прогнозировали некоторые эксперты, а, наоборот, лишь усилила неравенство и обострила иные социальные проблемы. Сегодня это несет угрозу стабильности и устойчивости современной архитектоники глобальной и национальных социально-экономических систем и ставит перед человечеством задачу поиска и перехода к альтернативным моделям общественного устройства, способным не только преодолеть существующие проблемы, но и обеспечивать выживание человечества перед лицом настоящих и грядущих глобальных вызовов.

Преодоление накопленных в результате экспансии неолиберализма проблем требует не просто изменения социально-экономического и политического порядка дня, а коренных преобразований институциональной среды на глобальном уровне.

Библиографический список

Бауман З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? Москва: Изд-во Института Гайдара, 2015. 162 с.

Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. Москва: Высшая школа экономики, 2020. 440 с.

Гидденс Э., Сагтон Ф. Основные понятия в социологии. Москва: «Высшая школа экономики», 2019. 336 с.

Из-за пандемии десятки миллионов людей оказались на грани голода. Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/04/1401202> (дата обращения: 11.07.2021).

Миланович Б. Глобальное неравенство: основные тренды и особенности восприятия. URL: <https://econs.online/articles/opinions/globalnoe-neravenstvo-osnovnye-trendy-i-osobennost/> (дата обращения: 12.07.2021).

MOT. COVID-19 и сфера труда. Четвертый выпуск. Международная организация труда, 2020.

MOT. COVID-19 и сфера труда. Седьмой выпуск. Международная организация труда, 2021.

ООН. ООН призывает смягчить воздействие COVID-19 на рынок труда, 2021. URL: <https://>

www.un.org/ru/coronavirus/un-calls-measures-cushion-covid-19-shocks-labour-market (дата обращения: 11.07.2021).

ПРООН. Труд во имя человеческого развития. Доклад о человеческом развитии, 2015.

ПРООН. Человеческое развитие для всех и каждого, 2016. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2016_report_russian_web.pdf (дата обращения: 09.07.2021).

Ромашкин Т.В. Становление и развитие ТНК в условиях глобализации. Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2016. 160 с.

Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. Москва: Эксмо, 2015. 512 с.

Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. Москва: Эксмо, 2020. 430 с.

Стиглиц Дж. Преодоление великого разрыва. Финансы и развитие, 9, 17–19, 2020. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2020/09/pdf/COVID19-and-global-inequality-joseph-stiglitz.pdf> (дата обращения: 01.07.2021).

Шваб Клаус: пандемия как трамплин. Euronews. URL: <https://ru.euronews.com/2020/11/17/schwab-sujet> (дата обращения: 19.11.2020).

Эксперт ООН: повышение налоговой ставки для богатых и на предметы роскоши – путь к преодолению вопиющего неравенства. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/09/1385922> (дата обращения: 16.09.2020).

Atkinson, A. (2015), *Inequality: What Can Be Done?*, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, England.

Galbraith, J.K. (2016), *Inequality: What Everyone Needs to Know*, Oxford University Press, N.Y.

Global Poll (2017), International Trade Union Confederation, ITUC, Kantar Public.

Global wealth report (2020), Credit Suisse Research Institute.

Hacker, J. and Pierson, P. (2020), *Let them Eat Tweets: How the Right Rules in an Age of Extreme Inequality*, New York, USA.

Haque, I. (2004), *Globalization, Neoliberalism and Labour*, United Nations Conference on Trade and Development, no. 173.

ILO, (2020), *Employment and Social Outlook: Trends 2020*, International Labour Office, Geneva, ILO.

Ipsos, (2020), *What Worries the World?: COVID-19 is the biggest concern for the eighth successive month*, [Online], available at: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-11/www-pr-november-2020.pdf> (Accessed 09 December 2020).

Ipsos, (2020a), *Around the world, people yearn for significant change rather than a return to a “pre-COVID normal”*, [Online], available at: <https://www.ipsos.com/en/global-survey-unveils-profound-desire-change-rather-return-how-life-and-world-were-covid-19> (Accessed 16 September 2020).

ipsos.com/en/global-survey-unveils-profound-desire-change-rather-return-how-life-and-world-were-covid-19 (Accessed 16 September 2020).

ISA Forum of Sociology, (2021), [Online], available at: <https://www.isa-sociology.org/en/conferences/forum> (Accessed 24 June 2021).

Labour Share in G20 Economies, (2015), Report prepared for the G20 Employment Working Group, Antalya, Turkey, 26–27 February 2015, International Labour Organization.

Milanovic, B. (2018), *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*, the Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London.

Mishel, L., Gould, E., Bivens, J. (2015), *Wage stagnation in nine charts*, Economic Policy Institute.

OECD, (2018), *Decoupling of wages from productivity: what implications for public policies?* OECD Economic Outlook, vol. 2.

Oxfam, (2020), *Time to care. Unpaid and underpaid care work and the global inequality crisis*, Report, Oxford, Oxfam International.

Oxfam, (2021), *The Inequality Virus*, Report, January, Oxford, Oxfam International.

Pasimeni, P. (2018), *The Relation between Productivity and Compensation in Europe*, European Commission Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Luxembourg, Publications Office of the European Union.

Pendleton, D. (2021), *World's Wealthiest Families Gained \$312 Billion Over Past Year*, [Online], available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-09-17/world-s-wealthiest-families-gained-312-billion-over-past-year> (Accessed 17 Sep. 2021).

Ponciano, J. (2020), *The World's 25 Richest Billionaires Have Gained Nearly \$255 Billion In Just Two Months*, [Online], available at: <https://www.forbes.com/sites/jonathanponciano/2020/05/22/billionaires-zuckerberg-bezos/#67e371047ed6> (Accessed 01 June 2021).

Piketty, T. (2015), *The Economics of Inequality*. Cambridge (Massachusetts), The Belknap Press of Harvard University Press, London, England.

Saez, E., Zucman, G. (2019), *The Triumph of Injustice: How the Rich Dodge Taxes and How to Make Them Pay*, New York, USA.

Scheidel, W. (2017), *The Great Leveler: Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century*, Princeton University Press, Princeton, Oxford.

Sociology and Social Justice, (2018), By Margaret Abraham (ed.) SAGE Studies in International Sociology. SAGE: SAGE Publications Ltd.

The Global Labor Income Share and Distribution, (2019), *International Labour Office*, [Online], available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_712232.pdf (Accessed 22 September 2020).

Transcript of International Monetary Fund Managing Director Kristalina Georgieva's Opening Press Conference, (2021), [Online], available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/04/07/tr040721-transcript-of-imf-md-kristalina-georgievas-opening-press-conference-2021-spring-meetings> (Accessed 25 May 2021).

UNDP, (2020), *COVID-19 and Human Development: Assessing the Crisis, Envisioning the Recovery*, New York, United Nations Development Programme.

World of Work Report 2008, (2008), Income Inequalities in the Age of Financial Globalization. International Labour Organization.

World Employment and Social Outlook: Trends 2019, (2019), Geneva, ILO.

World Employment and Social Outlook: Trends 2020, (2020), Geneva, ILO.

World inequality report, (2017), World Inequality Lab.

Zamore, L., Phillips, B. (2020), *COVID-19 and Public Support for Radical Policies*, Center on International Cooperation, [Online], available at: <https://cic.nyu.edu/sites/default/files/zamore-phillips-covid19-public-support-radical-policies-web-final.pdf> (Accessed 25 May 2021).

References

Bauman, Z. (2015), *Does the wealth of the few benefit everyone else?*, Publishing house of the Gaidar Institute, Moscow, Russia.

Van Parais, F., Vanderborcht, J. (2020), *Basic income. A radical project for a free society and a healthy economy*, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Giddens, E., Sutton, F. (2019), *Basic concepts in sociology*, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

UN, (2021), *Due to the pandemic, tens of millions of people were on the verge of starvation*, [Online], available at: <https://news.un.org/ru/story/2021/04/1401202> (Accessed 11 July 2021).

Milanovic, B. (2019), *Global inequality: main trends and peculiarities of perception*, [Online], available at: <https://econs.online/articles/opinions/globalnoe-neravenstvo-osnovnye-trendy-i-osobenost/> (Accessed 12 July 2021).

ILO, (2020), *COVID-19 and the world of work*, Fourth issue, Geneva, ILO.

ILO, (2021), *COVID-19 and the world of work*, Seventh issue, Geneva, ILO.

The UN calls for mitigating the impact of COVID-19 on the labor market, [Online], available at: <https://www.un.org/ru/coronavirus/un-calls-measures-cushion-covid-19-shocks-labour-market> (Accessed 11 July 2021).

UNDP, (2015), *Labor for human development*, Human Development Report.

UNDP, (2016), *Human development for one and all*, Human Development Report.

Romashkin, T.V. (2016), *Formation and development of TNCs in the context of globalization*, Nauka Publishing Center LLC, Saratov, Russia.

Stiglitz, J. (2015), *The price of inequality. Than the stratification of society threatens our future*, Eksmo, Moscow, Russia.

Stiglitz, J. (2020), *People, Power, and Profit: Progressive Capitalism in an Age of Mass Discontent*, Eksmo, Moscow, Russia.

Stiglitz, J. (2020a), *Bridging the Great Divide*, *Finance & Development*, no. 9, pp. 17–19, [Online], available at: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2020/09/pdf/COVID19-and-global-inequality-joseph-stiglitz.pdf> (Accessed 01 July 2021).

Schwab Klaus: a pandemic as a springboard, (2020), *Euronews*, [Online], available at: <https://ru.euronews.com/2020/11/17/schwab-sujet> (Accessed 19 November 2020).

UN expert: Raising tax rates for the rich and on luxury goods is the way to overcome glaring inequalities, [Online], available at: <https://news.un.org/ru/story/2020/09/1385922> (Accessed 16 September 2020).

Atkinson, A. (2015), *Inequality: What Can Be Done?*, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, England.

Galbraith, J.K. (2016), *Inequality: What Everyone Needs to Know*, Oxford University Press, N.Y.

Global Poll (2017), International Trade Union Confederation, ITUC, Kantar Public.

Global wealth report (2020), Credit Suisse Research Institute.

Hacker, J. and Pierson, P. (2020), *Let them Eat Tweets: How the Right Rules in an Age of Extreme Inequality*, New York, USA.

Haque, I. (2004), *Globalization, Neoliberalism and Labour*, United Nations Conference on Trade and Development, no. 173.

ILO, (2020), *Employment and Social Outlook: Trends 2020*, International Labour Office, Geneva, ILO.

Ipsos, (2020), *What Worries the World?: COVID-19 is the biggest concern for the eighth successive month*, [Online], available at: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-11/www-pr-november-2020.pdf> (Accessed 09 December 2020).

Ipsos, (2020a), *Around the world, people yearn for significant change rather than a return to a "pre-COVID normal"*, [Online], available at: <https://www.ipsos.com/en/global-survey-unveils-profound-desire-change-rather-return-how-life-and-world-were-covid-19> (Accessed 16 September 2020).

ISA Forum of Sociology, (2021), [Online], available at: <https://www.isa-sociology.org/en/conferences/forum> (Accessed 24 June 2021).

Labour Share in G20 Economies, (2015), *Report prepared for the G20 Employment Working Group*,

Antalya, Turkey, 26–27 February 2015, International Labour Organization.

Milanovic, B. (2018), *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*, the Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London.

Mishel, L., Gould, E., Bivens, J. (2015), *Wage stagnation in nine charts*, Economic Policy Institute.

OECD, (2018), *Decoupling of wages from productivity: what implications for public policies?* OECD Economic Outlook, vol. 2.

Oxfam, (2020), *Time to care. Unpaid and underpaid care work and the global inequality crisis*, Report, Oxford, Oxfam International.

Oxfam, (2021), *The Inequality Virus*, Report, January, Oxford, Oxfam International.

Pasimeni, P. (2018), *The Relation between Productivity and Compensation in Europe*, European Commission Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Luxembourg, Publications Office of the European Union.

Pendleton, D. (2021), *World's Wealthiest Families Gained \$312 Billion Over Past Year*, [Online], available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-09-17/world-s-wealthiest-families-gained-312-billion-over-past-year> (Accessed 17 Sep. 2021).

Ponciano, J. (2020), *The World's 25 Richest Billionaires Have Gained Nearly \$255 Billion In Just Two Months*, [Online], available at: <https://www.forbes.com/sites/jonathanponciano/2020/05/22/billionaires-zuckerberg-bezos/#67e371047ed6> (Accessed 01 June 2021).

Piketty, T. (2015), *The Economics of Inequality*. Cambridge (Massachusetts), The Belknap Press of Harvard University Press, London, England.

Saez, E., Zucman, G. (2019), *The Triumph of Injustice: How the Rich Dodge Taxes and How to Make Them Pay*, New York, USA.

Scheidel, W. (2017), *The Great Leveler. Violence and the History of Inequality from the Stone Age to*

the Twenty-First Century, Princeton University Press, Princeton, Oxford.

Sociology and Social Justice, (2018), By Margaret Abraham (ed.), SAGE Studies in International Sociology. SAGE: SAGE Publications Ltd.

The Global Labor Income Share and Distribution, (2019), *International Labour Office*, [Online], available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_712232.pdf (Accessed 22 September 2020).

Transcript of International Monetary Fund Managing Director Kristalina Georgieva's Opening Press Conference, (2021), [Online], available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/04/07/tr040721-transcript-of-imf-md-kristalina-georgievas-opening-press-conference-2021-spring-meetings> (Accessed 25 May 2021).

UNDP, (2020), *COVID-19 and Human Development: Assessing the Crisis, Envisioning the Recovery*, New York, United Nations Development Programme.

World of Work Report 2008, (2008), Income Inequalities in the Age of Financial Globalization. International Labour Organization.

World Employment and Social Outlook: Trends 2019, (2019), Geneva, ILO.

World Employment and Social Outlook: Trends 2020, (2020), Geneva, ILO.

World inequality report, (2017), World Inequality Lab.

Zamore, L., Phillips, B. (2020), *COVID-19 and Public Support for Radical Policies*, Center on International Cooperation, [Online], available at: <https://cic.nyu.edu/sites/default/files/zamore-phillips-covid19-public-support-radical-policies-web-final.pdf> (Accessed 25 May 2021).

Submitted: 21.07.2021

Revised: 17.09.2021

Accepted: 30.09.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-3-59-73

Дата: поступления статьи: 09.08.2021
после рецензирования: 16.09.2021
принятия статьи: 01.10.2021

О.А. Малаканова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: malakanova@mail.ru,
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1607-0930>

Т.П. Орлова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: taorlova96@yandex.ru

Электронная информационно-образовательная среда университета: социологический анализ (на примере Самарского университета)

Аннотация: в статье рассматривается понятие электронной информационно-образовательной среды университета и ее структура. Особенности ее реализации анализируются на примере Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. В статье представлены результаты социологического исследования, целью которого было изучить специфику применения ИОС университета в условиях пандемии covid-19, а также выяснить мнение студентов об особенностях учебного процесса при дистанционном обучении. Чаще всего используемыми компонентами ЭИОС во время дистанционного обучения стали: личный кабинет, система электронного обучения на базе Moodle (do.ssau.ru) и портал университета (ssau.ru). Большинство респондентов считают, что образовательные онлайн-платформы имеют ограниченные возможности для интерактивного взаимодействия студентов и преподавателей. Студенты в качестве оптимизации процесса обучения онлайн предложили обратить внимание прежде всего на техническое оснащение учебного процесса и разработку бесплатных образовательных онлайн-платформ.

Ключевые слова: цифровая коммуникация; компьютерно-опосредованная коммуникация; информационно-образовательная среда; цифровые образовательные ресурсы; информационные технологии; цифровой университет.

Цитирование: Малаканова О.А., Орлова Т.П. Электронная информационно-образовательная среда университета: социологический анализ (на примере Самарского университета) // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 3. С. 59–73. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-59-73>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Малаканова О.А., 2021 – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© Орлова Т.П., 2021 – специалист по учебно-методической работе Центра дистанционных образовательных технологий, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

O.A. Malakanova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: malakanova@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1607-0930>

T.P. Orlova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: taorlova96@yandex.ru

Electronic information and educational environment of the University: sociological analysis (as exemplified by Samara National Research University)

Abstract: the article discusses the concept of electronic information and educational environment of the university and its structure. The features of its implementation are analyzed on the example of Samara National Research University named after academician S.P. Korolev. The article presents the results of a sociological study, the purpose of which has been to point out the specifics of the use of the university's IEE under conditions of the COVID-19 pandemic, as well as to carry out the research regarding the students' opinion about the educational features of distance learning process. The following components of EIEE are most often used during distance learning: personal educational account, e-learning system based on Moodle (do.ssau.ru) and the university portal (ssau.ru). The majority of respondents believe that online educational platforms have limited opportunities for interactive interaction between students and teachers. Students suggest to pay attention primarily to the technical equipment of the educational process and the development of free online educational platforms. That is their proposal regarding the optimization of the online learning process.

Key words: digital communication; computer-mediated communication; information and educational environment; digital educational resources; information technologies; digital university.

Citation: Malakanova, O.A. and Orlova, T.P. (2021), Electronic information and educational environment of the University: sociological analysis (as Exemplified by Samara National Research University), *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 3, pp. 59–73. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-59-73>.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Malakanova O.A., 2021** – Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Orlova T.P., 2021** – Teaching and Learning Specialist of the Centre for Distance Educational Technologies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

На современном этапе развития сфера образования сталкивается с серьезной модернизацией форматов и средств обучения. Эффективное функционирование современного университета, который является подсистемой информационного общества, связано с активным использованием в учебном процессе различных электронных средств обучения и интернет-ресурсов. Инновационные методы, формы и средства, используемые в процессе образования в вузе, реализуются посредством определенного набора цифровых технологий. Одним из инструментов являются социальные сети, которые обеспечивает функционирование информационно-образовательной среды вуза.

Под информационно-образовательной средой (ИОС) понимается разнообразный комплекс цифровых образовательных ресурсов, инструментов и технологий, которые обеспечивают реализацию образовательного процесса в условиях цифровизации (Морозов 2018).

Важнейшей задачей ИОС является создание системы коммуникаций между преподавателями и студентами. Для ее решения могут использоваться различные средства и технологии: системы управления обучением (LMS, например, Moodle), облачные технологии, электронная почта, а также социальные медиа.

На актуальность данной темы исследования влияет постоянно возрастающий интерес как со

стороны общества, так и со стороны государства к созданию эффективной информационно-образовательной среды. Наиболее остро проблема формирования ИОС обозначилась в 2020 году во время возникновения угрозы распространения коронавирусной инфекции, когда все учебные заведения нашей страны очень мобильно за короткий срок перевели учебный процесс в дистанционный формат, в том числе и в Самарском университете.

Опыт понятийного и методологического исследования ЭИОС университета

Научный и исследовательский интерес к теме информационно-образовательной среды наметился в конце XX в., однако много серьезных работ, посвященных этому феномену, появилось в начале XXI в. Теоретико-методологические проблемы в области изучения ЭИОС университета, а также понятийный анализ терминов был проведен в работах И.Г. Захаровой (Захарова 2002), А.А. Андреева (Андреев 2004), О.А. Ильченко (Ильченко 2006), М.С. Чвановой и М.В. Храмовой (Чванова, Храмова 2011), Н.Б. Сэкулич (Сэкулич 2016), А.И. Григорьевой, Т.Н. Зандановой, А.С. Матуева (Григорьева, Занданова, Матуев 2017), А.А. Андреевой (Андреева 2018), В.В. Болговой и С.В. Горбатовой (Болгова, Горбатов 2018), О.В. Михалевой и Д.А. Зыкова (Михалева, Зыков 2019), Е.В. Фирсовой (Фирсова 2019), И.А. Уджуху, Р.К. Мешвеца, Ю.В. Манченко и Т.Э. Галюкко

(Уджуху, Мешвез, Манченко, Галюнко 2020), которые были посвящены разным аспектам формирования цифровой образовательной среды.

Информационную среду чаще всего определяют как окружение объекта (или комплекса объектов). Однако если рассматривать ее относительно информационного пространства, то понятие будет звучать следующим образом: это ограниченная зона пространства, окружающая объект исследования и определенным образом на него влияющая. Другой вариант толкования информационной среды – это фрагмент информационного поля, где важное значение имеют информационные взаимодействия, изменяющие объект исследования. Информационная среда часто рассматривается как среда сетевого виртуального взаимодействия на базе автоматизированной информационной системы (Калюжный 2015, с. 15). Таким образом, информационная среда – это искусственное пространство, формируемое человеком для решения конкретных задач. Это достаточно сложная система, применяемая в качестве системы поддержки или же подсистемы управления (Ожерельева 2014, с. 23).

Некоторые исследователи в рамках информационной среды выделяют среду образовательную. Под образовательной средой понимается образовательное пространство, в котором осуществляется взаимодействие всех субъектов учебного процесса с внешней средой, следствием чего становится формирование и раскрытие личностных особенностей обучающихся. Активное использование цифровых ресурсов в образовательном процессе вуза повлияло на эффективность его функционирования и привело к созданию информационно-образовательной среды (ИОС).

Информационно-образовательная среда является одним из примеров искусственно созданного информационного пространства. Ее также называют цифровой образовательной средой, информационно-коммуникационной образовательной средой, электронной информационно-образовательной средой (ЭИОС) и т.п. В данной работе мы будем использовать сокращения ИОС и ЭИОС как синонимичные.

В научных трудах, посвященных некоторым аспектам ИОС, представлены различные подходы к ее определению. В ФЗ РФ «Об образовании» п. 3 ст. 16 дается следующее определение: «электронная информационно-образовательная среда включает в себя электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, совокупность информационных технологий, телекоммуникационных технологий, соответствующих технологических средств, обеспечивающих освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме» (Об образовании в РФ 2012).

В данной статье базовым определением будет являться следующее: электронная информационно-образовательная среда – это комплекс цифровых образовательных ресурсов, инструментов и технологий, которые содействуют обеспечению образовательного процесса в условиях цифровизации (Морозов 2018, с. 106).

Отличие информационно-образовательной среды от виртуальной образовательной среды заключается в том, что последняя – это составная часть ИОС и реализуется только в телекоммуникационном пространстве, а первая имеет и физическое воплощение (Минина 2016, с. 72).

Информационно-образовательная среда обеспечивает выполнение нескольких важных задач:

- 1) предоставление равного доступа всем субъектам образовательного процесса к информационным ресурсам университета;
- 2) создание условий для диалога между субъектами образовательного процесса;
- 3) разработка и обеспечение исполнения учебно-методических комплексов и программ;
- 4) контроль всего образовательного процесса (Цибизова 2017, с. 81).

Первая задача реализуется посредством электронно-библиотечных систем. Для контроля учебного процесса (посещаемости, успеваемости) используются различные средства: например, электронные журналы на основе облачных сервисов (Google.Диск, Яндекс.Диск), внутренние разработки вузов (личные кабинеты студентов и преподавателей на сайте университета), а также такие электронные программы и приложения, такие как «Дневник.ру» и «ЭлЖур», применяемые в школах.

Перечисленные выше программы и сервисы также могут служить средством исполнения третьей задачи – формирования учебно-методических комплексов (учебные планы, рабочие программы, методическое обеспечение и т.п.). В настоящее время для реализации всех вышеуказанных функций очень часто используются собственные разработки вузов, например, система «Электронный университет» МГТУ им. Н.Э. Баумана, прослеживающая все формы учебной активности студента от поступления до выпуска.

Важно отметить, что ИОС обеспечивает коммуникацию между преподавателями и студентами в образовательном процессе. С помощью нее создается система, состоящая из нескольких видов взаимодействия:

- преподаватель ↔ студенты (электронное место взаимодействия преподавателя со студенческой группой: размещение учебно-методических материалов, домашних заданий, ссылок на цифровые ресурсы, контроль посещаемости и успеваемости студентов);
- преподаватель ↔ студент (разные форматы и способы индивидуальной коммуникации препода-

давателя и студента: персональные консультации, комментирование ранее выполненных работ, обсуждение научных проектов и результатов исследований, а также обращение с вопросами по материалам занятий);

– студент(ы) ↔ студент(ы) (групповая коммуникация обучающихся без преподавателя: это могут быть встроенные чаты для общения и выполнения групповых заданий, группы в мессенджерах и т.д.);

– преподаватель(и) ↔ преподаватель(и) (варианты реализации данной формы коммуникации различны: это могут быть группы в мессенджерах между преподавателями одной кафедры, в которых они делятся материалами и идеями для проведения лекций и других занятий, совместно разрабатывают учебные программы, методические материалы и т.п., а также профессиональные онлайн-сообщества в разных социальных сетях).

Некоторые эксперты считают, что данная система коммуникативных схем может быть расширена следующими форматами: «студент ↔ профессионально-ориентированное сообщество», «студент ↔ мировое информационное пространство» и «студент ↔ инновационные инфраструктуры» (Чванова, Храмова 2011, с. 495).

Структура информационно-образовательной среды имеет иерархический характер, поскольку ИОС вуза является компонентом единой образовательной среды высшего образования в целом, и, в свою очередь, может подразделяться на отдельные ИОС факультетов, кафедр и отдельных дисциплин. Однако ее состав можно определять по-разному.

Чаще всего выделяются следующие компоненты цифровой образовательной среды:

– управленческий компонент (применение цифровых инструментов для управления всей образовательной организацией);

– программный компонент (применение цифровых ресурсов для формирования всей совокупности учебных планов и рабочих программ, разработка учебного процесса в цифровой среде);

– учебно-методический компонент (использование цифровых ресурсов в процессе преподавания, а социальных сетей и баз данных – в образовательном процессе);

– ресурсный компонент (ориентация на формирование и использование цифровых словарей, цифровых языковых баз данных, информационных ресурсов) (Михалева, Зыков 2019).

В работе Т.В. Никулиной и Е.Б. Стариченко представлена структура цифровой образовательной среды в целом, которую мы можем перенести и на ИОС, в частности. В нее входят: информационные ресурсы (образовательные порталы, гипер-коллекции, социальные сети, информационные массивы данных, интернет-сайты), система

управления (авторизация пользователей, тестирование, контент, личное и коллективное пространство) и телекоммуникации (сетевые города, мобильные среды, телевидение, СМИ) (Никулина, Стариченко 2018, с. 100).

Состав ИОС также описан во ФГОС и содержит в себе: совокупность информационных и образовательных ресурсов, цифровые образовательные ресурсы, комплекс технологических средств ИКТ (компьютеры и др. оборудование), каналы коммуникаций, а также комплекс современных педагогических технологий (Федеральный государственный образовательный стандарт 2011).

Как мы можем видеть из представленных выше описаний структуры информационно-образовательной среды, разными исследователями делается акцент как на педагогических и организационных компонентах (кадровый, методический, ресурсный), так и на конкретных технологических средствах реализации среды.

При разработке и создании любой информационно-образовательной среды необходимо учитывать всю совокупность факторов, оказывающих воздействие на ее работоспособность и эффективность:

– субъективные факторы – готовность всех субъектов образовательного процесса к активному использованию цифровых средств, сформированность необходимых профессиональных компетенций у преподавателей и т.д.,

– объективные факторы – наличие в образовательной среде (конкретнее, в университете) современных цифровых средств и ресурсов, активное содействие руководства образовательного учреждения процессу цифровизации, создание различных форм мотивации и необходимости в этом процессе, наличие необходимых информационных и обучающих материалов для успешной работы (Скворцова, Пьянова 2009, с. 86).

Основными принципами построения ИОС являются:

– принцип открытости, т.е. возможность взаимодействия с внешней средой и ее доступность для всех участников образовательного процесса;

– принцип интегративности, прежде всего возможности установления связи между элементами ИОС, а также включение компонентов других систем;

– принцип ресурсной избыточности, т.е. разнообразные формы представления материалов и их объем;

– принцип динамичности и интерактивности, а именно возможности изменять содержание и характер представления материалов с учетом индивидуальных особенностей учащихся (Сэкулич 2016, с. 115–116).

Выделяются также и другие принципы: организованность, целеустремленность, самодо-

статочность, многофункциональность, приспособляемость, технологичность, целостность, воспроизводимость (Скворцова 2009, с. 86).

Еще один вариант концепции формирования ИОС представлен в работе О.В. Казанской и В.И. Гужова. По их мнению, она базируется на следующих принципах: интеграция в единую ИОС России, региона; интегрируемость в вузовскую систему управления качеством образования; децентрализация, т.е. создание условий для образовательных подразделений университета встраиваться в ИОС университета и самостоятельно формировать и поддерживать свои образовательные ресурсы; обеспечение системности и координации для соответствия вузовским требованиям, экономии финансовых и материальных ресурсов; соответствие мировым тенденциям развития электронного обучения (e-learning) и управления обучением (learning management); распределенный характер ИОС с единообразными средствами навигации, которые дают пользователям университета возможность быстрого и удобного доступа ко всем образовательным ресурсам; соблюдение авторских прав (Казанская, Гужов 2003, с. 59).

ЭИОС реализуется в университетах разными способами. Одним из наиболее распространенных является использование виртуальных сред обучения – систем управления обучением (LMS – Learning Management System), или, как их чаще определяют в России, систем дистанционного обучения (СДО). Они дают возможность организовывать самостоятельную работу студентов, создавать «виртуальный класс», предоставлять студентам учебные материалы, организовывать коллективную работу в цифровом пространстве и т.п. На сегодняшний день на рынке представлены несколько конкурирующих инструментов, которые позволяют создать виртуальную образовательную среду университета, например, Moodle, MS SharePoint, iSpring, GetCourse и др. Наиболее распространенной является система Moodle – свободная система управления обучением, основной задачей которой является организация коммуникации между преподавателем и обучающимися, однако она также используется для создания дистанционных курсов и поддержки очного обучения.

Помимо систем управления обучением, дополнительно могут быть также использованы облачные технологии. Наиболее крупными игроками на рынке являются компании Google, Microsoft и Яндекс, которые предоставляют ряд веб-сервисов: текстовые и табличные редакторы, сервис для создания презентаций, облачные хранилища данных. В большинстве своем они бесплатны и доступны всем. Данные технологии являются веб-ориентированным программным обеспечением, не требующим установки на компьютер, а значит, использовать их можно с любого устройства, с по-

мощью браузера входя в свой личный аккаунт. Какие преимущества дает использование подобных технологий в образовательном процессе? Первоочередное преимущество, как уже было указано выше, – это возможность доступа к одному ресурсу с разных устройств. Второе – работать в них можно совместно, благодаря чему участники образовательного процесса активнее вовлекаются в коллективную познавательную деятельность.

Коммуникация субъектов образовательного процесса в настоящее время также может быть организована разными способами. Никуда не исчезла коммуникация по электронной почте: зачастую именно она используется студентами и преподавателями как основная. Однако на современном этапе средства связи дополнились также социальными медиа: сайтами социальных сетей (ВКонтакте, Facebook), мессенджерами (WhatsApp, Viber, Telegram) и другими сервисами, например, программами для видеоконференций Skype, Zoom, Microsoft Teams и др.

Таким образом, сочетание вышеуказанных элементов и составляет информационно-образовательную среду высших учебных заведений. От того, насколько качественно она реализована в университете, зависит множество аспектов: качество образования, качество, объем и характер обмена профессионально-методическими материалами в педагогическом сообществе вуза, профессиональный уровень преподавателей, эффективность взаимодействия между субъектами образовательного процесса. ИОС должна обеспечивать информационно-методическую поддержку и планирование, мониторинг и фиксацию хода и результатов образовательного процесса, ресурсы для реализации и средства для обеспечения создания, поиска, сбора, анализа и хранения информации, организацию дистанционного взаимодействия субъектов образовательного процесса (студентов, преподавателей, администрацию), а также взаимодействия образовательных организаций с другими организациями разных сфер.

Методология исследования

В данной статье представлены результаты социологического исследования, целью которого являлся анализ структуры информационно-образовательной среды Самарского университета.

Для этого были необходимы как официальные документы, опубликованные на ресурсах Самарского университета (приказы, распоряжения, рекомендации), так и неофициальные документы, касающиеся темы исследования (публикации на сайте и в официальных аккаунтах в социальных сетях университета, публикации в СМИ, посты в группах в социальных сетях подразделений Самарского университета – деканатов, кафедр, направлений подготовки, управлений и т.п.). В

первую очередь мы изучали документы, опубликованные в период с 1 марта 2020 года по 31 мая 2020 года, как наиболее актуальные для целей исследования. Для сравнения изменений в структуре и регламентации ИОС по мере необходимости для анализа также использовались и более ранние документы.

На первом этапе был осуществлен сбор документов (цифровых файлов, ссылок на публикации), после предварительного обзора было решено разделить документы на несколько групп.

Большинство проанализированных нами документов по способу фиксирования были письменными, некоторые представляли собой видеозаписи (репортажи СМИ).

На втором этапе были выделены следующие группы:

- официальные документы (приказы, распоряжения за подписью и печатью образовательной организации и т.п.);
- официальная информация из других разделов (напр. «Сведения об образовательной организации» → «Доступная среда»);
- публикации на сайте университета в разделах «Новости», «Бортжурнал», «Противодействие COVID-19» и др.;
- материалы СМИ об университете;
- публикации в официальном сообществе Самарского университета в социальной сети «ВКонтакте»;
- публикации в сообществах учебных подразделений Самарского университета в социальной сети «ВКонтакте»;
- публикации в сообществах внеучебных подразделений Самарского университета в социальной сети «ВКонтакте».

Предложенный нами инструмент позволил сгруппировать все имеющиеся документы для анализа, однако в процессе группировки мы столкнулись с проблемой: некоторые документы могли относиться сразу к нескольким группам. Например, выдержки из публикаций в СМИ были найдены в других публикациях на сайте университета, большинство постов в социальных сетях представляют собой ссылки на сайт. Кроме того, остро встала проблема дублирования информации. Так, новости с сайта университета повторяются в сообществах в социальных сетях, что осложняет не только категоризацию документов, но и сам первичный процесс поиска. То же самое и на сайте университета: большинство ссылок в поисковой выдаче по словам «электронная информационно-образовательная среда» дублируются и выводятся за счет того, что в «подвале» практически на каждой странице сайта есть ссылка на «электронную информационно-образовательную среду», поэтому необходимо было вручную перепроверять всех результаты и исключать дубли и нерелевантные ссылки.

На втором этапе данного исследования было проведено онлайн-анкетирование с помощью сервиса «Google.Формы». Выборка – стихийная (принять участие мог любой желающий студент). Всего в опросе приняло участие 244 студента всех институтов и всех курсов Самарского университета. Информирование о проводимом исследовании проводилось через социальную сеть ВКонтакте.

В результате исследования материалов на сайте университета (ssau.ru) было выяснено, что активная публикация материалов под тегом «дистанционное обучение» началась только в период самоизоляции, когда университеты в срочном порядке переходили на дистанционный режим работы. 2 из 5 страниц по тегу датированы 2020 годом, остальные 3 содержат публикации 2016–2019 годов о запуске онлайн-курсов университета, но ничего не говорят об ЭИОС, кроме публикации от 11.09.2017, которая сообщает, что произведено объединение систем электронного обучения Самарского университета. Схожую ситуацию мы наблюдаем при анализе поисковой выдачи по запросу «электронное обучение». Таким образом, проведенный анализ позволил нам сделать вывод, что наиболее активная разработка вопросов о дистанционном образовании началась с момента возникновения критической ситуации.

Поиск по сайту с ключевыми словами «электронная информационно-образовательная среда» дал 10 страниц с 10 результатами на каждой странице (итого 100).

В ходе поиска по сайту нами было обнаружено несколько документов, которые регламентируют работу ИОС в вузе и на основании которых происходит ее дальнейшее формирование. Особое внимание было уделено анализу Положения об электронной информационно-образовательной среде Самарского университета, как основному документу, регламентирующему ЭИОС в вузе. В том или ином виде она существовала уже некоторое время, однако выступала скорее в качестве поддерживающей системы, чем основной. В Самарском университете положение об ЭИОС было утверждено в 2017 году в соответствии с Приказом Минобрнауки России №816 от 23.08.2017 «Об утверждении порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» и другими нормативными актами.

Полученные результаты и выводы

Электронная информационно-образовательная среда, согласно Положению, – это комплекс электронных информационных ресурсов, электронных образовательных ресурсов, информационных технологий, телекоммуникационных технологий и соответствующих технических средств, обе-

спечивающих освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся. Компонентами ЭИОС являются электронные информационные и (или) образовательные ресурсы, представляющие собой комплекс из программного кода, пользовательского интерфейса, контента и системы управления правами доступа. Каждый компонент самодостаточен, но интегрирован с другими компонентами ЭИОС с помощью гиперссылок или обмена данными.

Цели ЭИОС Самарского университета заключаются в обеспечении информационной открытости университета, информационном обеспечении и повышении эффективности образовательного процесса, обеспечении доступа к электронным информационным и образовательным ресурсам обучающимся и работникам вуза с помощью информационно-коммуникационных технологий и сервисов, а также обеспечении информационной прозрачности хода образовательного процесса. Она также обеспечивает:

- доступ к учебным планам, рабочим программам дисциплин, практик, к изданиям электронно-библиотечных систем (ЭБС), электронным образовательным ресурсам;
- фиксацию хода образовательного процесса, результатов промежуточной аттестации и результатов освоения основных образовательных программ;
- проведение любых видов занятий, процедур оценки результатов обучения с помощью электронного обучения и дистанционных образовательных технологий;
- формирование электронного портфолио обучающегося, включая сохранение отдельных работ, рецензий и оценок на эти работы со стороны любых участников учебного процесса;
- взаимодействие между участниками образовательного процесса, синхронное и (или) асинхронное, посредством интернета (Положение об электронной информационно-образовательной среде 2020).

Структура электронной информационно-образовательной среды состоит из следующих компонентов:

- официального портала университета (ssau.ru);
- личного кабинета студента (lk.ssau.ru);
- личного кабинета работника (cabinet.ssau.ru);
- автоматизированной информационной системы управления учебным процессом (для фиксации его хода и результатов);
- автоматизированной информационной системы управления финансово-хозяйственной деятельностью;
- системы электронного документооборота;
- системы мониторинга деятельности подразделений университета;

- репозитория информационных ресурсов Самарского университета (ЭБС) (repo.ssau.ru);
- полнотекстовой электронной библиотеки Самарского университета (ПЭБ) (felib.ssau.ru);
- информационно-библиотечных ресурсов Самарского университета (lib.ssau.ru);
- подписных электронно-библиотечных систем Самарского университета (lib.ssau.ru/els);
- системы электронного обучения и дистанционных образовательных технологий (do.ssau.ru);
- корпоративной электронной почты;
- системы антиплагиат;
- других систем, используемых для информационной поддержки, организации учебного процесса и взаимодействия компонентов ЭИОС (Положение об электронной информационно-образовательной среде 2020).

По результатам поиска мы также обнаружили интервью ректора Самарского университета телеграм-каналу «Научно-образовательная политика», где он сказал, что ЭИОС Самарского университета включает в себя сайт университета, систему личных кабинетов работников и обучающихся, репозиторий информационных ресурсов на базе DSpace, LMS Moodle, систему видеоконференц-связи на базе сервисов YouTube и BigBlueButton, с помощью которой проводятся видеолекции в режиме онлайн, и дополнительно используются массовые открытые онлайн-курсы (МООК) и др. (Ректор: «Большинство студентов поддерживают переход на дистанционную форму обучения» 2020). Это соответствует информации, которую мы выяснили, проанализировав официальный документ, и раскрывает некоторые моменты более подробно.

По результатам анализа Положения, мы получили крайне полезные данные, которые в дальнейшем были использованы нами для разработки анкеты для онлайн-опроса обучающихся. Для определения текущего состояния информационно-образовательной среды (весна 2020 года) мы провели дальнейший анализ поисковых запросов на сайте по ключевым тегам, упомянутым выше, что вывело нас на несколько дополнительных разделов, которые касались описания структуры ИОС.

Так, в разделе «Сведения об образовательной организации» → «Доступная среда» размещена информация о доступе к ЭИОС, информационным системам и информационно-телекоммуникационным сетям, и электронным ресурсам. Среди прочего, указано, что университет предоставляет обучающимся доступ к 8 ЭБС, 26 сторонним электронным образовательным и информационным ресурсам, а также сообщается о наличии двух собственных (речь идет прежде всего о сайтах do.ssau.ru и mooc.ssau.ru).

Переход на дистанционный формат обучения из-за угрозы распространения коронавирусной

инфекции был продиктован соответствующим приказом Минобрнауки РФ. С 16 марта университет начал подготовку к переводу образовательного процесса на дистанционный формат, и, как сообщает нам публикация «Обращение ректора Самарского университета» от 17.03.2020, с 18 марта обучение стало осуществляться с помощью электронных средств и дистанционных технологий (Обращение ректора Самарского университета 2020). Были сформированы отдельные задачи для директоров институтов и деканов факультетов, заведующих кафедрами и преподавателей, описано, как будет реализовываться учебный процесс.

В период самоизоляции на сайте университета также был создан раздел «Противодействие COVID-19». Наполнение раздела составила информация о переводе обучения в дистанционный формат, последние новости по этой теме. В подразделе «Общие вопросы» размещены некоторые рекомендации Минобрнауки РФ и руководства Самарского университета. Последнее обновление раздела стоит за 9 апреля 2020 года. Например, одна из рекомендаций Минобрнауки РФ гласит, что переход на дистанционный формат обучения может предполагать смешанные виды обучения, при которых часть материала будет отдана на самостоятельное обучение, для чего необходимо внести соответствующие изменения в учебные планы, перераспределить часы, выделенные на самостоятельную и контактную работу.

Одной из сложностей перевода обучения в дистанционный формат оказалось то, что на многих образовательных программах присутствует большое количество исследовательской работы в лабораториях – эти занятия было решено перенести на конец семестра (для тех, кто заканчивает обучение в этом году) или даже на следующий учебный год. Что касается проведения промежуточной аттестации (сессии) или итоговой аттестации, то были изданы соответствующие приказы для их регламентации. Стоит также заметить, что были внесены изменения в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», которые регламентировали, как будут реализовываться образовательные программы и государственная итоговая аттестация в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации в стране. В частности, в статье 108 части 17 настоящего закона прописано, что реализация образовательных программ и ГИА должна осуществляться с использованием электронного обучения, дистанционных образовательных технологий независимо от ограничений, прописанных во ФГОС или в перечне профессий, направлений подготовки и специальностей (Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 164-ФЗ). Эта информация полностью соответствует той, что представлена на сайте Самарского университета.

В подразделе «Студентам» раздела «Противодействие COVID-19» мы нашли информацию, что для проведения онлайн-трансляций лекций используется площадка «Точка кипения» в медиа-центре и Центр дистанционных образовательных технологий. Это позволило нам выделить сообщества данных структур в социальной сети «ВКонтакте» как объект дальнейшего исследования.

Также в разделе «Новости» под тегом «Противодействие COVID-19» опубликовано 11 страниц публикаций общим количеством 75. Тематическое наполнение следующее: новости о текущей ситуации, переносах мероприятий (дни открытых дверей, конференции) совсем или в онлайн-формат, публикации СМИ, информация о проектах и разработках университета, о предоставлении доступа к ресурсам (открытым курсам и др.) и т.п. На основании этой информации мы включили вопрос об использовании курсов других университетов в анкету.

Среди проанализированных публикаций особый интерес для нас также представил материал «Университет как цифровая платформа» от 10 июня, в котором проректор по информатизации Дмитрий Пашков и начальник управления информатизации и телекоммуникаций Дмитрий Еленев рассказали о технической стороне перехода в онлайн-формат. В числе сервисов, которые обеспечивают образовательный процесс, они особо отметили личные кабинеты, в которых есть все необходимые инструменты (расписание, зачетка, журнал посещаемости и успеваемости, мессенджер и др.). Они также назвали один из элементов личного кабинета, электронное портфолио, «всеобъемлющим» – в нем, по их словам, отражена персональная образовательная траектория студента (его учебные и внеучебные достижения). Мы включили в анкету вопрос о том, насколько востребован этот сервис у студентов и какими разделами в личном кабинете они пользуются чаще всего. Кроме того, в данной публикации был освещен вопрос о создании новых сервисов для дистанционного обучения: как таковых новых ресурсов введено не было, но был существенно переделан мессенджер, чтобы обеспечить нужное качество коммуникации. Также были представлены первые результаты работы ЭИОС в дистанционном формате. В частности, было заявлено, что «студенты и преподаватели прекрасно взаимодействуют в цифровой среде», выросла посещаемость, лекции идут на платформе BigBlueButton, в системе Moodle регистрируются новые курсы (за месяц их количество выросло в 2 раза, сейчас их более 500) (Университет как цифровая платформа 2020). На основании проведенного анализа данного документа мы также включили несколько дополнительных вопросов в анкету, в частности об использовании личного кабинета и отдельных его

сервисов, чтобы сопоставить оценку студентов с представленной администрацией информацией.

В рамках анализа документов мы изучили также публикации СМИ о Самарском университете, связанные с переходом на дистанционное обучение. Освещали этот вопрос следующие средства массовой информации: «Волжская коммуна», ТРК «Губерния», РИА Новости, журнал «Первый», телеграм-канал «Научно-образовательная политика», ТРК Терра, «Россия 24». Большинство публикаций представлено в текстовом формате или в случае видео сопровождается небольшой заметкой, многие дублируются полностью или в виде выдержек из интервью на сайте университета. Таким образом, информация, представленная в материалах разных СМИ, зачастую дублировала друг друга, особенно при описании ЭИОС Самарского университета, поэтому никаких качественно новых данных, которые мы могли бы использовать в дальнейшем исследовании, мы не получили.

Завершив анализ документов на сайте и в СМИ, было решено продолжить исследование в социальной сети «ВКонтакте», поскольку в ней представлены группы большинства структурных элементов Самарского университета. Нами были проанализированы публикации официального сообщества «Самарский университет», группы «Приёмная комиссия Самарского университета», сообществ институтов и факультетов, а также сообществ внеучебных подразделений Самарского университета.

Всего нами было проанализировано более 500 различных документов, включающих официальные документы образовательной организации, сведения с официального портала университета, новостные публикации на сайте вуза, материалы СМИ, а также большое количество публикаций в сообществах университета в социальной сети ВКонтакте.

С помощью анализа документов было сформулировано несколько ключевых для дальнейшего исследования выводов. Во-первых, основываясь на анализе официальных документов с сайта (Положение об ЭИОС, материалы из раздела «Проти-

водействие COVID-19», публикации СМИ), была определена структура ЭИОС Самарского университета. Это позволило нам отразить ее в анкете, чтобы определить, как использовались отдельные структурные элементы (личный кабинет, сайт, ЭБС и др.). Во-вторых, была изучена информация, предоставленная администрацией университета, о том, как и с помощью каких ресурсов ЭИОС реализуется в дистанционном формате обучения в период самоизоляции. В-третьих, анализ публикаций во «ВКонтакте» позволил выявить, что университет всесторонне использует социальные медиа для различных целей. Так, в первую очередь социальные сети обеспечивали коммуникацию с различными субъектами образовательного процесса: студентов между собой, студентов и преподавателей, студентов и администрации, студентов и профессионального сообщества. Кроме того, социальные сети реализуют учебно-методический (применение в образовательном процессе) и организационный компоненты (публикуются регламенты работы факультетов, организуются трансляции на платформе и т.п.), а также принципы открытости, интегративности, ресурсной избыточности, динамичности и интерактивности, которые должна выполнять эффективная ИОС.

Таким образом, анализ документов позволил собрать всю необходимую и важную информацию для разработки анкеты, чтобы выяснить, как студенты использовали ресурсы ИОС в период самоизоляции.

В проведенном социологическом исследовании было важно получить мнение непосредственных участников в реализации образовательных услуг – студентов Самарского университета. Онлайн-анкетирование было проведено с помощью сервиса Google.Формы. Выборка – стихийная. Всего в опросе приняло участие 244 студента всех институтов и всех курсов Самарского университета.

Демографический портрет респондентов. В исследовании приняли участие студенты всех институтов университета (см. рис. 1).

В анкете использовался вопрос-фильтр: «Велись ли у вас дистанционные занятия в период

Рис. 1. Распределение респондентов по подразделениям

самоизоляции?». Таким образом, те студенты, у кого занятия в дистанционном формате были, заполняли следующие два раздела анкеты, касающиеся использования ЭИОС в период самоизоляции и до нее. Обучающиеся, отметившие вариант «Нет, у меня была преддипломная практика / период написания диплома» и «Нет, иные причины» переходили сразу к последнему разделу анкеты и отвечали на вопросы об опыте использования ресурсов ИОС только до перехода на дистанционное обучение. Соответственно, ко второму разделу анкеты перешли 87,7 % обучающихся. Рейтинг популярности использования тех или иных ресурсов представлен на рис. 2.

нотекстовой электронной библиотекой, информационно-библиотечными ресурсами, подписными электронными библиотечными системами – пользуется достаточно небольшой процент обучающихся. Возможно, это связано с тем, что студенты не знают о существовании подобных сервисов, или с тем, что им проще найти необходимые материалы в интернете. Так, в вопросе об использовании раздела «Библиотека» в личном кабинете, где размещена информация о доступе к ЭБС, утвердительно ответили только 19,7 % от общего количества опрошенных.

Следующий блок анкеты ставил целью описать, какие ресурсы используются для проведения

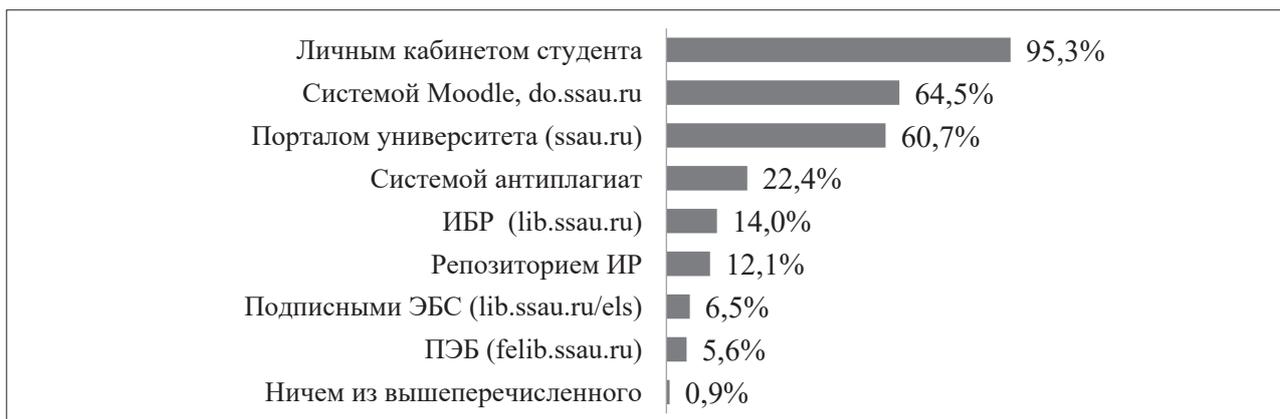

Рис. 2. Рейтинг использования ресурсов ЭИОС

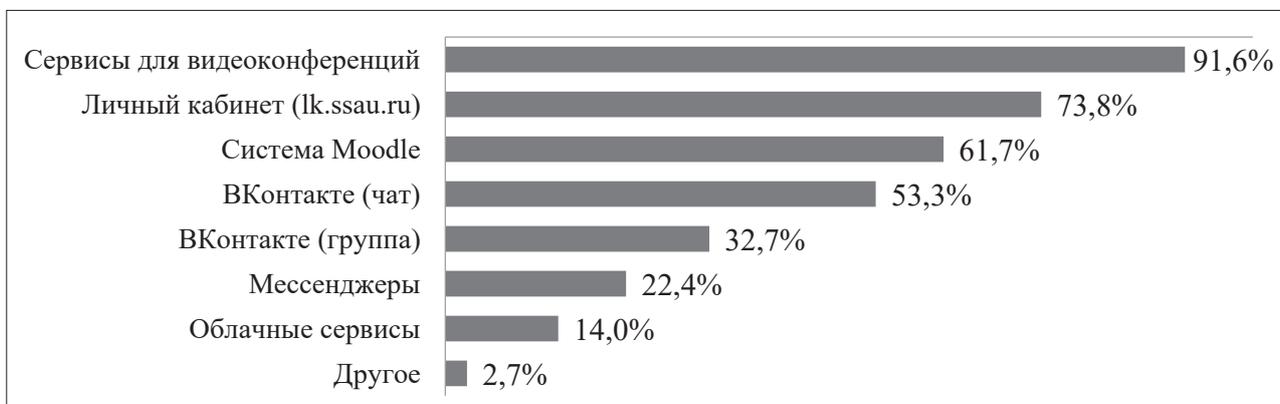

Рис. 3. Рейтинг ресурсов ИОС для проведения занятий на дистанционном обучении

В результате проведенного анализа полученной информации был сформирован следующий рейтинг ресурсов: больше всего студентов используют Личный кабинет (lk.sssau.ru) – именно он является аккумулялирующим ресурсом ИОС университета, на втором месте – система электронного обучения Moodle – ею пользуются 64,5 %, тройку лидеров замыкает портал университета (ssau.ru). Это подтверждает информацию, которую мы получили в ходе анализа документов, в частности о возросшем уровне использования системы Moodle. Различными библиотечными ресурсами – репозиторием информационных ресурсов, пол-

заний, отправки материалов преподавателями студентам и наоборот, а также для коммуникации.

Наиболее востребованными оказались сервисы для аудио- или видеоконференций (см. варианты на рис. 3), поскольку они являются наиболее удобным вариантом для синхронной коммуникации преподавателя и группы студентов (один-многим). Немного уступает им Личный кабинет, который действительно является одним из основных ресурсов ЭИОС, можно сказать, что он аккумулирует в себе всю систему, предоставляя возможность перейти из него на другие ресурсы (например, в ЭБС). Также 61,7 % обучающихся

выбрали вариант «система электронного обучения (Moodle, do.ssau.ru)» – как мы знаем из анализа документов, за анализируемый нами период число курсов на платформе выросло практически вдвое (сейчас их 500). На этой платформе уже были размещены курсы по различным направлениям подготовки, удобство использования ее как средства электронного обучения позволяет преподавателям без особых сложностей создавать на ней свои курсы. Она решает одну из ключевых проблем ИОС – обеспечивает широкий спектр средств коммуникации: электронная почта, форум, чат, личные сообщения, возможность ведения блогов, тем самым реализуя все уровни необходимого взаимодействия в рамках учебного процесса.

Социальная сеть «ВКонтакте» – российская социальная сеть с 97 млн. активных пользователей в месяц является, пожалуй, самой популярной в России. По результатам анализа документов, мы выявили, что ее используют для коммуникации, а также реализуют на ее площадке учебно-методический (применение в образовательном процессе) и организационный компоненты (публикуются регламенты работы факультетов, организуются трансляции на платформе и т.п.). Это подтверждается результатами опроса обучающихся: так, более 50 % студентов отметили, что их занятия проходили в личных сообщениях ВКонтакте и 32,7 % – что занятия проходили в отдельной группе по предмету в этой же социальной сети. Действительно, удобство использования объяснимо: в сообщениях возможно прикреплять ссылки, документы, даже рисовать, а в отдельном сообществе спектр возможностей неограничен. Например, с помощью средств вики-разметки можно создать отдельную интерактивную панель в меню со всеми материалами, можно создавать отдельные обсуждения по разным лекциям и семинарам, обмениваться материалами, а с множеством виджетов, доступных для сообществ, можно собирать данные с обучающихся и даже проводить тестирование.

Мы также попросили студентов описать их типичную пару в дистанционном формате. Это был необязательный открытый вопрос, однако практически треть опрошенных изъявила желание на него ответить. Приводим ниже наиболее типичные ответы (орфография и пунктуация авторов сохранена):

– «Заходим в bbb или зум, отвечаем по теме через микрофоны (либо в чате). Когда пара заканчивается, преподаватель скидывает в личном кабинете тему для подготовки к следующему занятию»;

– «На паре предметов мы заходили в bbb или в дискорд, наш преподаватель объяснял нам материал по программе, либо же мы задавали ему вопросы и он рассказывал. Один преподаватель просто кидал материал в беседу с ним в личном кабинете»;

– «Лекции загружаются преподавателями на Moodle для самостоятельного разбора с возможностью задавать вопросы, по некоторым предметам лекции проходят онлайн на bbb или Zoom; семинары проходят в чате мудл, о работе на семинаре и дома отчитываемся в OneDrive по одним предметам, в мудле по другим. Также семинары по одному из предметов проходят в беседе в Вк. Несколько раз отвечали в скайпе с микрофоном».

Анализ полученных ответов показал, что в большинстве случаев схема проведения занятий одна: они проходят в Zoom или ВВВ, студенты имеют возможность задать вопрос в чате или через микрофон. Присутствие отмечается или прямо на паре, или в чате в личном кабинете. После пары высылается задание на почту, в мессенджер, в чат в личном кабинете или выкладывается в облако.

Мы также предложили обучающимся ответить еще на два открытых вопроса: «Стали ли вы по-новому использовать уже знакомые вам платформы?» и «Открыли ли вы для себя новые ресурсы или платформы во время дистанционного обучения?». На первый вопрос ответили чуть менее трети респондентов. Проанализировав ответы, можно сказать, что более половины действительно открыло для себя новые функции уже знакомых сервисов: «Да, стали использовать вайбер для проведения пар»; «Удобно скидывать дз в гуглдоки»; «Да, стали использовать скайп для проведения пар, а в гугл документах стали делать совместные проекты. Например, с моей одногруппницей мы делали реферат на платформе Гугл»; «Да, мы стали использовать трансляции ВКонтакте, зум, для проведения пар»; «Да, таблички в гугл доке, чтобы следить за домашкой и дедлайнами, и гугл диски, чтобы туда скидывать выполненные задания». Во всех случаях новые способы использования касались учебных целей, некоторые из них облегчали образовательный процесс (например, следить в Google.Таблицах за дедлайнами). На второй вопрос ответила примерно половина респондентов: среди новых сервисов большинство называли ВВВ, Zoom, Discord. Также некоторые отметили платформу Moodle, Jamboard (интерактивная доска от Google), Google Classsroom и почту Gmail.com.

В своем интервью телеграм-каналу «Научно-образовательная политика» ректор Самарского университета отметил, что обучающиеся и преподаватели относятся к переходу на дистанционную форму обучения с пониманием. По результатам социологического опроса, проведенного через личный кабинет, свыше 90 % студентов сказали, что поддерживают принятые меры в качестве временных (Ректор: «Большинство студентов поддерживают переход на дистанционную форму обучения» 2020). В то же время на вопрос в

данном исследовании «Хотели бы вы, чтобы использование дистанционных технологий в образовательном процессе в Самарском университете продолжилось после окончания самоизоляции (в дополнение к очному обучению)?» более половины (59 %) сказали, что нет (см. рис. 4).

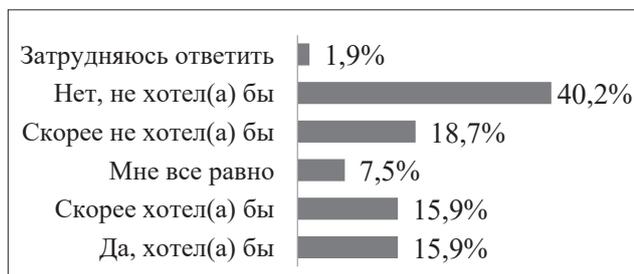

Рис. 4. Оценка желания студентов использовать дистанционную форму обучения в дальнейшем в дополнение к очной

Выясняя отношение студентов в целом к дистанционной форме обучения, мы получили следующие результаты: 55,1 % респондентов ответили, что «учиться обычным способом интереснее, так как присутствует личное общение», и 39,3 %, что «учиться обычным способом удобнее». О том, что дистанционное обучение хуже, чем традиционное, высказались 29 % студентов. Скорее обучающиеся (41 %) рассматривают как приемлемый для себя вариант сочетание дистанционного обучения с традиционным.

Оценивая характеристики дистанционного обучения по пятибалльной шкале, наивысшие баллы получили следующие характеристики: возможность самостоятельного планирования времени и доступность для людей с ограниченными возможностями здоровья. Достаточно высокая степень важности была отмечена для характеристик возможности обучения, не выходя из дома, и индивидуального темпа обучения.

Среди ограничений дистанционного обучения были отмечены следующие: низкое качество донесения преподаваемого в электронной форме материала (72,9 %), ограничение в получении практических навыков (74,8 %), зависимость от технических средств (65,4 %), а также недостаток общения, деиндивидуализация процесса дистанционного обучения (59,8 %). На проблему самоорганизации указали 42,1 % респондентов, примерно такое же количество отметили низкое качество контроля уровня полученных знаний. Отсутствие учета индивидуальных особенностей студентов волнует 49,5 % опрошенных.

Среди способов, призванных повысить качество дистанционного образования, студенты назвали необходимость «улучшить техническое оснащение процесса» (53,3 %) и «разработать бесплатные образовательные онлайн-платформы» (50,5 %). Далее по значимости идут следу-

ющие факторы: «повышение уровня владения преподавателями средствами информационных и коммуникационных технологий» – 42,1 %, «формирование нормативно-правовой базы, регламентирующей процесс» – 39,3 % и «разработка специализированных учебно-методических материалов» – 38,3 %.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее используемыми компонентами ЭИОС во время дистанционного обучения стали: личный кабинет, система электронного обучения на базе Moodle (do.ssau.ru) и портал университета (ssau.ru). Эти ресурсы можно назвать ключевыми: так, с помощью личного кабинета реализуются все задачи, указанные в Положении об ЭИОС Самарского университета – обеспечивается доступ к учебным планам и рабочим программам, ЭБС университета и электронным образовательным ресурсам, происходит фиксация хода образовательного процесса, результатов промежуточной аттестации и результатов освоения основных образовательных программ, формируется электронное портфолио обучающегося, а также возможно проведение занятий и взаимодействие между участниками образовательного процесса. Студенты обращаются к нему постоянно по разным причинам, только 3,3 % не используют личный кабинет вообще.

Однако согласно проведенному социологическому анализу трех вышеуказанных ресурсов недостаточно для проведения занятий и обеспечения коммуникации между студентами и преподавателями. Подавляющее большинство респондентов считают, что образовательные онлайн-платформы имеют ограниченные возможности для интерактивного взаимодействия студентов и преподавателей. Также в образовательном процессе на дистанционном обучении было задействовано большое количество сторонних ресурсов. Положение допускает их применение, называя в числе прочих компонентов ЭИОС другие системы, используемые для информационной поддержки, организации учебного процесса и взаимодействия компонентов ЭИОС.

Чаще всего на дистанционной форме обучения использовались средства видеосвязи, которые позволяют реализовать как межличностную, так и групповую синхронную коммуникацию студентов и преподавателей. Сервисы видеосвязи наиболее подходят для выстраивания эффективной коммуникации «одного-ко-многим» и «многих-ко-многим». Они более всего похожи на традиционный формат пары, когда преподаватель читает лекцию и показывает презентацию, или, в случае семинаров, когда студенты по очереди отвечают, возможно, также со своими презентациями. Стоит отметить, что до перехода на дистанционное обучение данное средство связи использовалось для организации и проведения занятий почти в 5 раз реже.

Социальная сеть «ВКонтакте» лидировала в опросе по многим параметрам. По результатам проведенного анализа документов, мы выявили, что, кроме применения в качестве инструмента для коммуникации, на ее площадке также реализуются учебно-методический (применение в образовательном процессе) и организационный компоненты ЭИОС (публикуются регламенты работы факультетов, организуются трансляции на платформе и т.п.). Также подтвердилась популярность цифрового ресурса «ВКонтакте»: её полифункциональность позволяет использовать данную социальную сеть для проведения занятий, работы с заданиями (получение, выполнение, отправка), для коммуникации с преподавателями и со студентами между собой. Данную социальную сеть отметили как самое используемое социальное медиа. Богатый функционал, удобство и интуитивность использования, а также возможность подключения дополнительных сервисов (виджетов) делают ее привлекательной площадкой для применения в учебном процессе.

Библиографический список

- Морозов А.В. Профессиональная подготовка руководителей системы образования с использованием современных цифровых технологий // Человечество и образование. 2018. № 4 (57). С. 105–110.
- Захарова И.Г. Формирование образовательной среды университетского комплекса на базе Web-сервера // Образовательные технологии: Сб. научных трудов, вып. 9. Воронеж: ВГПУ, 2002. С. 12–15.
- Андреев А.А. Некоторые проблемы педагогики в современных информационно-образовательных средах // Инновации в образовании. 2004. № 6. С. 98–113.
- Ильченко О.А. Стандартизация новых образовательных технологий // Высшее образование в России. 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/standartizatsiya-novykh-obrazovatelnykh-tehnologiy> (дата обращения: 15.07.2021).
- Чванова М.С., Храмова М.В. Проблемы организации коммуникаций студентов наукоемких специальностей в системе открытого образования // Образовательные технологии и общество. 2011. Т. 14. № 2. С. 482–501. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-organizatsii-kommunikatsiy-studentov-naukoemkih-spetsialnostey-v-sisteme-otkrytogo-obrazovaniya> (дата обращения: 15.07.2021).
- Сэкулич Н.Б. Электронная информационно-образовательная среда университета: принципы построения и структура // Вестник Бурятского государственного университета, 2016. Вып. 4. С. 114–120.
- Григорьева А.И., Занданова Т.Н., Матуев А.С. Электронная информационно-образовательная среда вуза // Роль преподавателя в современном вузе: сборник статей международной научно-методической конференции, 2017. С. 86–90.
- Андреева А.А. Информационно-образовательная среда университета // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. Вып. 11(77). Часть 1. С. 34–37.
- Болгова В.В., Горбатов С.В. Электронная информационно-образовательная среда вуза: проблемы нормативной регламентации // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28455> (дата обращения: 15.07.2021).
- Михалева О.В., Зыков Д.А. Формирование компетенций у будущих бакалавров в условиях цифровой образовательной среды вуза // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 1А. С. 178–184.
- Фирсова Е.В. Формирование и функционирование электронной информационно-образовательной среды вуза // Архитектура университетского образования: современные университеты в условиях единого информационного пространства: сборник трудов III Национальной научно-методической конференции с международным участием. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. С. 127–134.
- Уджуху И.А., Мешвез Р.К., Манченко Ю.В., Галюк Т.Э. Электронная информационно-образовательная среда современного вуза: понятие, структура, применение // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-informatsionno-obrazovatel'naya-sreda-sovremennogo-vuza-ponyatie-struktura-primenenie> (дата обращения: 15.07.2021).
- Калужный, К.А. Информационная среда и информационная среда науки: сущность и назначение // Наука. Инновации. Образование. 2015. № 18. С. 7–23.
- Ожерельева Т.А. Об отношении понятий информационное пространство, информационное поле, информационная среда и семантическое окружение // Технические науки. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 10. С. 21–24.
- Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29.12.2012 №273-ФЗ // KREMLIN.RU: сайт Президент России. 2012. 29 декабря. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36698> (дата обращения: 22.07.2021).
- Минина А.М. Определение виртуальной образовательной среды: комплексный подход // Педагогическое образование в России. 2016. № 6. С. 71–76.
- Цибизова Т.Ю. Формирование информационно-образовательной среды взаимодействия преподавателя и студентов (на примере проекта «Техно-

парк» МГТУ им. Н.Э. Баумана и Mail.ru Group) // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 9. С. 80–85.

Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация образования: понятие, технология, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-i-tsifrovizatsiya-obrazovaniya-ponyatiya-tehnologii-upravlenie> (дата обращения: 15.07.2021).

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс] // FGOS.RU: сайт ФГОС. 2011. URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 24.07.2021).

Скворцова Н.А., Пьянова Н.В. Информационно-коммуникационная образовательная среда вуза как средство формирования профессионализма студентов // Современные наукоемкие технологии. 2009. № 11. С. 85–87.

Казанская О.В., Гужов В.И. Формирование информационной образовательной среды технического университета // Университетское управление: практика и анализ. 2003. №4 (27). С. 57–61.

Положение об электронной информационно-образовательной среде [Электронный ресурс] // SSAU.RU: сайт Самарский университет, 2020. URL: https://ssau.ru/docs/sveden/localdocs/loc_pologenie_el_inf.pdf (дата обращения: 15.07.2021).

Ректор: «Большинство студентов поддерживают переход на дистанционную форму обучения» [Электронный ресурс] // SSAU.RU: сайт Самарский университет, 2020. URL: <https://ssau.ru/news/17835-rektor-bolshinstvo-studentov-podderzhivayut-perekhod-na-distantsionnyu-formu-obucheniya> (дата обращения: 15.07.2021).

Обращение ректора Самарского университета [Электронный ресурс] // SSAU.RU: сайт Самарский университет, 2020. URL: <https://ssau.ru/news/17806-obrashchenie-rektora-samarskogo-universiteta> (дата обращения: 15.07.2021).

Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 164-ФЗ «О внесении изменений в статьи 71.1 и 108 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», 8 июня 2020 [Электронный ресурс] // FGOSVO.RU: Высшего образования, 2020. URL: [http://fgos vo.ru/uploadfiles/zakony/FZ164.pdf](http://fgos.vo.ru/uploadfiles/zakony/FZ164.pdf) (дата обращения: 15.07.2021).

Университет как цифровая платформа [Электронный ресурс] // SSAU.RU: сайт Самарский университет, 2020. URL: <https://ssau.ru/news/18098-universitet-kak-tsifrovaya-platforma> (дата обращения: 15.07.2021).

References

Morozov, A.V. (2018), Professional'naja podgotovka rukovoditelej sistemy obrazovaniya s ispol'zo-

vaniem sovremennyh cifrovyyh tehnologij, *Chelovek i obrazovanie*, no. 4 (57), pp. 105–110.

Zaharova, I.G. (2002), Formirovanie obrazovatel'noj sredy universitetskogo kompleksa na baze Web-servera, *Obrazovatel'nye tehnologii: Sb. nauchnyh trudov*, no. 9, pp. 12–15.

Andreev, A.A. (2004), Nekotorye problemy pedagogiki v sovremennyh informacionno-obrazovatel'nyh sredah, *Innovacii v obrazovanii*, no. 6, pp. 98–113.

Il'chenko, O.A. (2006), Standartizatsiya novyyh obrazovatel'nyh tehnologij, *Vyshee obrazovanie v Rossii*, vol. 4, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/standartizatsiya-novyh-obrazovatel'nyh-tehnologiy> (Accessed 15 July 2021).

Chvanova, M.S., Hramova, M.V. (2011), Problemy organizacii kommunikacij studentov naukoemkih special'nostej v sisteme otkrytogo obrazovaniya, *Obrazovatel'nye tehnologii i obshchestvo*, vol. 14, no. 2, pp. 482–501.

Sjekulich, N.B. (2016), Jelektronnaja informacionno-obrazovatel'naja sreda universiteta: principy postroeniya i struktura, *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 4, pp. 114–120.

Grigor'eva, A.I., Zandanova, T.N., Matuev, A.S. (2017), Jelektronnaja informacionno-obrazovatel'naja sreda vuza, *Rol' prepodavatelja v sovremennom vuze: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii*, pp. 86–90.

Andreeva, A.A. (2018), Informacionno-obrazovatel'naja sreda universiteta, *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 2018, vol. 11(77), chast' 1, pp. 34–37.

Bolgova, V.V., Gorbatov, S.V. (2018), Jelektronnaja informacionno-obrazovatel'naja sreda vuza: problemy normativnoj reglamentacii, *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 6, [Online], available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28455> (Accessed 15 July 2021).

Mihaleva, O.V., Zykov, D.A. (2019), Formirovanie kompetencij u budushhix bakalavrov v uslovijah cifrovoj obrazovatel'noj sredy vuza, *Pedagogicheskij zhurnal*, no. 9, vol. 1A, pp. 178–184.

Kaljuzhnyj, K.A. (2015), Informacionnaja sreda i informacionnaja sreda nauki: sushhnost' i naznachenie, *Nauka. Innovacii. Obrazovanie*, no. 18, pp. 7–23.

Firsova, E.V. (2019), Formirovanie i funkcionirovanie jelektronnoj informacionno-obrazovatel'noj sredy vuza, *Arhitektura universitetskogo obrazovaniya: sovremennye universitety v uslovijah edinogo informacionnogo prostranstva: sbornik trudov III Nacional'noj nauchno-metodicheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*, pp. 127–134.

Udzhuhu, I.A., Meshvez, R.K., Manchenko, J.V., Galjunko, T.J. (2020), Jelektronnaja informacionno-obrazovatel'naja sreda sovremennogo vuza: ponjatie, struktura, primenenie, *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*, vol. 1, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/elektronnaya-informatsionno-obrazovatel'naya-sreda-sovremennogo-vuza-ponyatie-struktura-primenenie (Accessed 15 July 2021).

Kaljuzhnyj, K.A. (2015), Informacionnaja sreda i informacionnaja sreda nauki: sushhnost' i naznachenie, *Nauka. Innovacii. Obrazovanie*, no. 18, pp. 7–23.

Ozherel'eva, T.A. (2014), Ob otnoshenii ponjatij informacionnoe prostranstvo, informacionnoe pole, informacionnaja sreda i semanticheskoe okruzenie, *Tekhnicheskie nauki, Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*, no. 10, pp. 21–24.

Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]: feder. zakon ot 29.12.2012 №273-FZ, KREMLIN.RU: sajt Prezident Rossii, [Online], available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/36698> (Accessed 22 July 2021).

Minina, A.M. (2016), Opredelenie virtual'noj obrazovatel'noj sredy: kompleksnyj podhod, *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 6, pp. 71–76.

Cibizova, T.Ju. (2017), Formirovanie informacionno-obrazovatel'noj sredy vzaimodejstviya prepodavatelja i studentov (na primere proekta «Tehnopark» MGTU im. N.Je. Baumana i Mail.ru Group), *Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovaniya*, no. 9, pp. 80–85.

Nikulina, T.V., Starichenko, E.B. (2018), Informatizacija i cifrovizacija obrazovaniya: ponjatie, tehnologija, upravlenie, *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 8, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-i-tsifrovizatsiya-obrazovaniya-ponyatiya-tehnologii-upravlenie> (Accessed 15 July 2021).

Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart osnovnogo obshhego obrazovaniya [Jelektronnyj resurs], FGOS.RU: sajt FGOS. 2011, [Online], available at: <https://fgos.ru/> (Accessed 24 July 2021).

Skvorcova, N.A., P'janova, N.V. (2009), Informacionno-kommunikacionnaja obrazovatel'naja sreda vuza kak sredstvo formirovaniya professionalizma

studentov, *Sovremennye naukoemkie tehnologii*, no. 11, pp. 85–87.

Kazanskaja, O.V., Guzhov, V.I. (2003), Formirovanie informacionnoj obrazovatel'noj sredy tehničeskogo universiteta, *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, no. 4 (27), pp. 57–61.

Polozhenie ob jelektronnoj informacionno-obrazovatel'noj sredе [Jelektronnyj resurs], SSAU.RU: sajt Samarskij universitet, 2020, [Online], available at: https://ssau.ru/docs/sveden/localdocs/loc_pologenie_el_inf.pdf (Accessed 15 July 2021).

Rektor: «Bol'shinstvo studentov podderzhivajut perehod na distancionnuju formu obuchenija» [Jelektronnyj resurs], SSAU.RU: sajt Samarskij universitet, 2020, [Online], available at: <https://ssau.ru/news/17835-rektor-bolshinstvo-studentov-podderzhivajut-perekhod-na-distantsionnyu-formu-obucheniya> (Accessed 15 July 2021).

Obrashhenie rektora Samarskogo universiteta [Jelektronnyj resurs], SSAU.RU: sajt Samarskij universitet, 2020, [Online], available at: <https://ssau.ru/news/17806-obrashchenie-rektora-samarskogo-universiteta> (Accessed 15 July 2021).

Federal'nyj zakon ot 8 ijunja 2020 g. № 164-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'i 71.1 i 108 Federal'nogo zakona «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii», 8 ijunja 2020 [Jelektronnyj resurs], FGOSVO.RU: Vysshego obrazovaniya, 2020, [Online], available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/zakony/FZ164.pdf> (Accessed 15 July 2021).

Universitet kak cifrovaja platforma [Jelektronnyj resurs], SSAU.RU: sajt Samarskij universitet, 2020, [Online], available at: <https://ssau.ru/news/18098-universitet-kak-tsifrovaya-platforma> (Accessed 15 July 2021).

Submitted: 09.08.2021

Revised: 16.09.2021

Accepted: 01.10.2021

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.42 / 316.43

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-3-74-82

Дата: поступления статьи: 28.07.2021
после рецензирования: 17.09.2021
принятия статьи: 30.09.2021

Е.С. Баева

Самарская городская общественная
организация «Исследовательская группа
«Свободное мнение»,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smnenie@gmail.com

Независимая оценка качества работы учреждений социальной сферы: эволюция законодательных и методологических рамок

Аннотация: статья посвящена одной из технологий общественного участия в процессах управления государственными процессами – независимой оценке качества работы учреждений, оказывающих услуги в социальной сфере. Автор рассматривает процесс изменения законодательных норм, регламентирующих процесс проведения независимой оценки. Основная цель анализа – показать, каким образом меняется понимание объекта, предмета, методологии и методики проведения оценки. Информационной базой для написания статьи выступили данные отечественных исследователей, а также собственный опыт автора в качестве председателя общественного совета по проведению независимой оценки качества условий оказания услуг организациями социального обслуживания населения (министерство социально-демографической и социальной политики Самарской области), а также в статусе представителя организации-оператора. В ходе анализа ключевых составляющих независимой оценки описываются риски снижения качества данных, расширения практик проведения работ в эконом-формате организациями-операторами, выхолащивания содержания из независимой оценки, и, как следствие, утрата значимости этой технологии общественного контроля.

Ключевые слова: общественный контроль; общественное участие; независимая оценка; объект; субъект; методология и методика проведения независимой оценки.

Цитирование: Баева Е.С. Независимая оценка качества работы учреждений социальной сферы: эволюция законодательных и методологических рамок // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 3. С. 74–82. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-74-82>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Баева Е.С., 2021 – кандидат социологических наук, доцент, Самарская городская общественная организация «Исследовательская группа «Свободное мнение», 443100, Российская Федерация, г. Самара, пр. Ленина, 12, оф. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.S. Baeva

Samara City Public Organisation
“Research group “Free Opinion”,
Samara, Russian Federation
E-mail: smnenie@gmail.com

Independent assessment of the work quality of social organizations: evolution of the legislative and methodological frameworks

Abstract: the article is focused on one of the public participation technologies within the scope of the state processes' management – an independent assessment of the work quality regarding institutions providing services in the social sphere. The author examines the process of changing the legislative norms governing the process of conducting an independent assessment. The main purpose of the analysis is to demonstrate how the understanding of the object, subject, methodology and methods are changing. The informational background for writing the article is domestic researchers' data, as well as the author's own experience as the chairman of the public council for carrying out the independent assessment concerning the terms of service quality of the organizations referring to the social service (Ministry of Socio-Demographic and Social Policy of Samara Region), as well as the status of a representative of the organization-operator. Analyzing the key components of an independent assessment, the author describes the risks of reducing the data quality, expanding the practices of conducting work in a cost-cutting format by operating organizations, emasculating the contents from an independent assessment, and, as a result, the loss of significance related to public control technology.

Key words: public control; public participation; independent assessment; object; subject; methodology and methods of an independent assessment.

Citation: Baeva, E.S. (2021), Independent assessment of the work quality of social organizations: evolution of the legislative and methodological frameworks, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 3, pp. 74–82, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-74-82>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Baeva E.S., 2021 – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Samara City Public Organization «Research Group «Free Opinion», 12, Lenin Avenue (Prospekt), Samara, 443100, Russian Federation.

Независимая оценка качества работы учреждений социальной сферы: эволюция законодательных и методологических рамок

Вопросы, связанные с гражданским обществом – его институтами, технологиями общественного участия в государственном управлении, общественным контролем – являются предметом активных публичных и научных дискуссий, а также законодательных нововведений. В настоящее время сформированы и законодательно закреплены многообразные варианты технологий общественного участия и общественного контроля: общественные слушания, мероприятия по проведению общественных проверок, общественная экспертиза (в том числе нормативно-правовых актов, административных регламентов), независимая оценка качества работы учреждений социальной сферы (Лакомова 2016).

В данной статье будет рассмотрена одна из технологий общественного участия – процедура проведения независимой оценки качества работы учреждений, оказывающих услуги в социальной сфере (здравоохранении, образовании, социальном обслуживании, культуре).

Необходимость проведения независимой оценки качества работы учреждений, оказывающих услуги в социальной сфере (далее – независимая оценка, НОК), была обозначена в 2012 году в майских Указах Президента РФ. Была поставлена задача: «совместно с общественными организациями до 1 апреля 2013 г. обеспечить формирование независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, включая определение критериев эффективности работы таких организаций и введение публичных рейтингов их деятельности» (Указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597).

В 2013 году Астраханская, Иркутская и Самарская области стали пилотными регионами по созданию независимой системы оценки качества работы государственных (муниципальных) учреждений социального обслуживания (Приказ Минтруда России № 217 от 24.05.2013 г.). Приведем пример одного из пилотных регионов. В Самарской области на основании предложений от общественных организаций и независимых экспертов Министерством социально-демографической и семейной политики Самарской области был сфор-

мирован общественный совет, который утвердил порядок проведения независимой оценки. Участниками пилотной независимой оценки стали центры социального обслуживания населения граждан пожилого возраста и инвалидов, стационарные учреждения социального обслуживания, центры социальной помощи семье и детям, реабилитационные центры для детей и подростков с ограниченными возможностями. По итогам независимой оценки пилотные учреждения разработали планы по улучшению качества своей работы. Другим итогом проведенных мероприятий выступила разработка методических рекомендаций по проведению независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги на 2013–2015 годы в Самарской области (Щукина, Логинова 2014). В рекомендациях описывался методологический подход, схема и этапы проведения независимой оценки качества работы учреждений социального обслуживания региона.

Законодательные и методические основы независимой оценки в Российской Федерации были закреплены Федеральным законом от 21.07.2014 № 256-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования» (Федеральный закон от 21.07.2014 № 256-ФЗ). Это создало нормативно-правовое поле, регламентирующее процесс проведения независимой оценки, формирование и работу общественного совета по независимой оценке. Закон определил объектом оценки организации социальной сферы (культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования); предметом – качество оказания услуг организациями социальной сферы. Основной акцент ставился не только на получение информации от потребителей услуг учреждений социальной сферы. Информация о результатах независимой оценки, поступившая в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, органы государственной власти субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления должна была стать основой для принятия управленческих решений и служить ориентиром для выбора того или иного учреждения потенциальными потребителями их услуг.

Федеральный закон от 05.12.2017 г. № 392-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы» скорректировал принципы проведения независимой оценки. Теперь оценка должна проводиться не в отношении качества оказания услуг, а в отношении качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы.

Изменения законодательных основ проведения независимой оценки оказывают определяющее воздействие на методологию. На наш взгляд, концептуально важными с точки зрения дальнейшего анализа являются объект, предмет и итоговый результат независимой оценки – именно они являются отправной точкой для институциональных ловушек (Дудченко, Мытиль 2017). Еще одна важная составляющая – методология и методика проведения оценки, поскольку на фоне изменений нормативно-правовых документов одновременно происходит коррекция методологических и методических рамок. Организационный аспект отсылает дискуссию о корректности процедуры проведения независимой оценки к принципам определения организации-оператора (в задачи данной статьи не входит анализ практик проведения конкурсных процедур по определению исполнителя).

Объект и предмет независимой оценки

Анализ научно-исследовательской литературы, а также аналитических отчетов по итогам независимой оценки качества оказания услуг учреждениями социальной сферы разных регионов РФ показал, что существуют разные подходы к пониманию объекта.

Первый подход заявляет объектом независимой оценки социальную услугу (Калмыков, Ларина и др. 2019), предметом независимой оценки выступают условия оказания услуг. Такая трактовка представляется не совсем корректной, поскольку существенно сужает фокус анализа в рамках проведения НОК.

Второй подход декларирует, что объектом независимой оценки выступает деятельность по реализации социальных услуг организациями, оказывающими социальные услуги. Предметом является содержание и организация деятельности по оказанию социальных услуг (Аналитический отчет, оператор – «Центр ИНФО» 2017). Социальная услуга трактуется как деятельность уполномоченных субъектов (органов и организаций),

чьи действия регламентируются нормативными правовыми актами соответствующего уровня (Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ, Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ). При этом государственные и муниципальные услуги – это услуги, предоставляемые «сервисным» государством (Мицкевич 2007).

Данный подход с методологической точки зрения корректен, поскольку оцениваемые условия оказания услуг являются результатом определенной деятельности сотрудников учреждений и организаций, что может выступать самостоятельным объектом анализа. С методологической точки зрения такое понимание услуги представляет интерес, так как затрагивает и процессуальный аспект оказания социальных услуг, и итог этого процесса. Недостатком является то, что в рамках независимой оценки в фокусе оказывается не весь процесс, а лишь параметры, которые может оценить потребитель или эксперт (в качестве которого выступает общественный совет или организация-оператор), то есть только результат. В силу этого представляется, что в конкретном эмпирическом исследовании указанный подход не может быть реализован в полной мере, но имеет большой потенциал реализации в научном исследовании.

В третьем подходе объектом независимой оценки выступают организации/учреждения, оказывающие соответствующие услуги (Фомичев 2007, Полевая, Ситникова 2020, Формирование независимой системы оценки 2013). Предметом независимой оценки в этом случае выступает качество оказываемых услуг (если мы опираемся на законодательство 2014 года) или качество условий оказания услуг (согласно закону 2017 года). Такая трактовка встречается в аналитических отчетах операторов, осуществляющих процесс сбора и обобщения информации (например, Аналитический отчет. Ростовская область 2020, Аналитический отчет. Омская область 2017, Отчет о проведении сбора и обобщения информации. Кировская область 2019). С точки зрения эмпирического исследования данный подход представляется наиболее корректным, четко определяющим границы объекта и предметной области анализа.

Останавливаясь на таком понимании объекта и предмета независимой оценки, нужно отметить ряд спорных моментов, связанных с методологией и методикой НОК.

Методология и методика проведения независимой оценки

Во-первых, профили деятельности учреждений культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования существенно различаются. В связи с этим возникает вопрос о корректности применения унифицированной методики независимой оценки к столь разным учреждениям

(даже учитывая тот факт, что методика предусматривает исключение целого ряда нерелевантных параметров). Сомнения о возможностях использования унифицированной методики возникают, даже когда независимая оценка проводится в отношении учреждений отдельной сферы. Приведем пример с учреждениями сферы социального обслуживания.

В августе-сентябре 2014 г. Институтом социального анализа и прогнозирования (ИНСАП РАНХиГС) был проведен опрос руководителей учреждений социального обслуживания в Самарской области и Пермском крае. Респонденты высказали сомнения, что получатели услуг компетентны в оценке качества оказания услуг. Особенно это касается учреждений, работающих с маргинализированными группами или с «вынужденными» потребителями (Калмыков и др. 2019, Дудченко, Мытиль 2017, с.12). К этим категориям были отнесены клиенты, имеющие психоневрологические заболевания и другие индивидуальные ограничения возможностей здоровья.

Справедливости ради стоит отметить, что вопрос о компетентности потребителей в оценке качества предоставления услуг не является новым в исследовательском дискурсе. Аналогичные дискуссии имели место в сфере здравоохранения. Здесь мнения экспертов разделились на две группы. Первая группа экспертов подчеркивала значимость и необходимость привлечения к оценке качества услуг пациентов медицинских учреждений. По их мнению, «потребители медицинских услуг оказываются включенными в субъекты влияния на решения о качестве обслуживания в медицинских организациях не только по желанию отдельных медицинских организаций, но и в законодательном плане на уровне Минздрава» (Бутова, Динилина и др. 2015, Ястребова 2011, Баева, Золотарев 2019). Другая часть исследователей и аналитиков, напротив, отмечают, что клиенты медучреждений не обладают нужными компетенциями для оценки качества услуги. Клиенты медучреждений имеют потребительский опыт для оценки качества медицинского обслуживания, понимаемого как «совокупность действий персонала, услуг и материальных средств, создающих условия для обеспечения результативности медицинской помощи» и качества медицинского сервиса как «условий для более комфортного пользования основной медицинской услугой, подкрепляющей лечебный эффект» (Бутова, Яковлева 2014).

Во-вторых, в связи с изменениями в законодательно-нормативном поле предмет независимой оценки в 2017 году значительно сужается, что меняет методологию и методику НОК. В приказе Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 декабря 2014 г. № 995н «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки

качества оказания услуг организациями социального обслуживания» (Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 декабря 2014 г. № 995н) были введены показатели, характеризующие общие критерии оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания. В число показателей входила «Доля получателей социальных услуг, которые положительно оценивают изменение качества жизни в результате получения социальных услуг в организации социального обслуживания, от числа опрошенных». В Приказе Минтруда России от 23 мая 2018 г. № 317н «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий оказания услуг организациями социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы» (Приказ Минтруда России от 23 мая 2018 г. № 317н) такого показателя уже нет. Сравнивая методики 2014 г. и 2018 г., нельзя не обнаружить существенное упрощение опросной части методики независимой оценки. Так, в методике 2014 года клиентам учреждений предлагалось оценить следующие показатели:

- 1) «удовлетворенность оперативностью решения вопросов» (Вопрос анкеты: Устраивает ли Вас, как быстро решаются возникающие вопросы и проблемы? (да; нет)),
- 2) «наличие оборудования для предоставления социальных услуг» (Вопрос анкеты: Удовлетворены ли Вы наличием оборудования для предоставления социальных услуг (да; нет)),
- 3) «удовлетворенность жилым помещением» (Вопрос анкеты: Удовлетворены ли вы предоставленным (жилым) помещением? (да; нет)),
- 4) «удовлетворенность питанием» (Вопрос анкеты: Устраивает ли Вас предоставляемое питание? (да; нет)),
- 5) «удовлетворенность мебелью, мягким инвентарем» (Вопрос анкеты: Устраивает ли Вас мебель, мягкий инвентарь в Центре? (да; нет)),
- 6) «удовлетворенность предоставлением социально-бытовых, парикмахерских и гигиенических услуг» (да; нет) (Вопрос анкеты: Удовлетворены ли Вы предоставлением социально-бытовых/ парикмахерских/ гигиенических услуг (да; нет)),
- 7) «удовлетворенность хранением личных вещей» (Вопрос анкеты: Удовлетворены ли Вы условиями хранения личных вещей (в гардеробе) (да; нет)),
- 8) «удовлетворенность санитарным содержанием санитарно-технического оборудования» (Вопрос анкеты: Достаточно ли чисто в туалетах, душевых и подобных помещениях? (да; нет)),
- 9) «удовлетворенность порядком оплаты социальных услуг» (Вопрос анкеты: Устраивает ли Вас порядок оплаты социальных услуг? (да; нет)),
- 10) «удовлетворенность конфиденциальностью предоставления социальных услуг» (Вопрос анкеты:

ты: Удовлетворены ли Вы конфиденциальностью предоставления социальных услуг? (да; нет)),

11) «удовлетворенность графиком посещений родственниками в организации социального обслуживания» (Вопрос анкеты: Устраивает ли Вас график посещений родственниками в Центре? (да; нет)).

Указанные показатели были упразднены Приказом Минтруда России от 23 мая 2018 г. № 317н. Наряду с этим, в список оцениваемых показателей не был включен опыт негативного взаимодействия сотрудников учреждения и клиента посредством анализа «количества зарегистрированных в организации социального обслуживания жалоб получателей социальных услуг на качество услуг, предоставленных организацией в отчетном периоде на 100 получателей социальных услуг».

Говоря об изменениях в методологии и методике независимой оценки, нельзя не согласиться с мнением экспертов, что «процесс законодательного оформления НОК оставляет все меньше места собственно для общественной оценки, все больше уходит в область проверок, связанных с законодательной и нормативной практикой. Социальная инициатива «сверху» оказалась в рамках изначально жесткой конструкции, которая затрудняет процесс ее наполнения новыми смыслами и практиками «снизу» (Дудченко, Мытиль 2017, с. 76). Происходит выхолащивание, обеднение результатов независимой оценки, так как рекомендованная методика сводит процесс оценки к поверхностному описанию, а не выявлению хронических и ситуативных проблем в работе учреждений социальной сферы. Между тем качество услуги включает в себя множество аспектов: качество процесса разработки и оказания услуги, качество исполнения услуги, качество условий обслуживания, качество результата обслуживания.

В-третьих, предполагается, что участие в общественном совете представителей общественных организаций, общественных объединений, представляющих интересы граждан, обеспечивает независимость оценки качества социальных услуг. Однако далеко не всегда представители гражданской общественности обладают необходимыми знаниями и навыками в проведении исследований. В этом плане хочется отметить положительный опыт ряда субъектов РФ по формированию общественных советов по проведению независимой оценки с привлечением представителей научного сообщества, занимающихся вопросами оценки деятельности разных типов организаций. Это позволяет обеспечить соблюдение методологических и методических требований к сбору, обобщению, анализу информации, предъявляемых к теоретико-прикладным исследованиям. В таких советах проводится предпроектная и постпроектная рефлексия, адаптация инструмен-

тария исследования, проводится систематизация выявленных проблем, разрабатываются рекомендации по разным аспектам оказания услуг (в том числе не прописанных в Методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества условий оказания услуг организациями социальной сферы, разработанных Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации РФ). В случае возникновения каких-либо проблем по формированию общественного совета из числа представителей научного сообщества, общественный совет может подключать представителей экспертного сообщества, в том числе профессиональных социологов, к своей работе в консультативном формате.

Итоговый результат независимой оценки

Можно обозначить несколько проблемных точек, связанных с результатами независимой оценки.

Во-первых, требования к итоговому документу по результатам проведенной независимой оценки прописывается в техническом задании к государственному контракту, которое заключается между профильным министерством социальной сферы и организацией-оператором. Техническое задание разрабатывается и утверждается общественным советом по проведению независимой оценки качества условий предоставления услуг учреждений, подведомственных профильным региональным министерствам. Понятно, что чем детальнее и четче прописано техническое задание (состав и этапы работ, механизмы промежуточного и итогового контроля качества работ, список отчетных документов), тем меньше рисков получить итоговый аналитический документ низкого качества. Однако, как отмечалось выше, изменения нормативно-правового поля в отношении независимой оценки позволяют организациям-операторам максимально минимизировать свои временные и организационные затраты и свести саму работу к соблюдению формальных требований.

Во-вторых, нельзя не отметить проблему, которая может возникнуть уже в работе общественного совета по проведению независимой оценки качества условий предоставления услуг учреждениями социальной сферы. В 2017 году Общественный народный фронт разместил результаты проекта «Народная оценка качества», проведенного в ряде субъектов РФ (Калмыков и др. 2019, с. 1490). По итогам проекта выяснилось, что в состав трети общественных советов входят представители оцениваемых организаций, а рекомендации, которые дает общественный совет, написаны «под копирку». Таким образом, был поставлен вопрос о том, что система оценки не является независимой, а качество проведенных работ оставляет желать лучшего. Аналогичные риски были описаны

О.Н. Дудченко, А.В. Мытиль. Авторы выявили институциональную «ловушку» независимой оценки, связанную с тем, что НОК (и общественный совет соответственно) является социальной инициативой «сверху», а не сформированным запросом «снизу» (Дудченко, Мытиль 2017, с. 74).

В-третьих, возникает вопрос о практическом использовании результатов независимой оценки. Можно выделить как минимум три «целевые» группы, реально и потенциально заинтересованные в итоговой информации независимой оценки. Первая группа – потребители услуг учреждений социальной сферы. Изначально предполагалось, что информация об учреждениях, размещенная в открытом доступе, будет доступна для потребителей услуг. На основе данных они смогут принять решение о выборе учреждения (с учетом информации о качестве предоставляемых услуг, работы персонала, технической и инфраструктурной оснащенности и т.п.). Однако многочисленные исследования показали, что выбор учреждения происходит по принципу территориальной близости, на основе отзывов ближайшего окружения (особенно это касается учреждений образовательной сферы). Напротив, информацию с неадаптированного, сложного для обывателей сайта bus.gov о результатах независимой оценки большинство граждан не использует (Рагозина, Цацура 2015).

Вторая группа – управленческое звено учреждений и профильных региональных министерств (федеральный уровень имеет свою специфику, поэтому в данной статье он рассматриваться не будет). Если говорить об управленческом звене, необходимо отметить, что набор показателей, используемых в оценке, зачастую не дает нужной информации о работе и проблемах учреждения. Наряду с этим, зачастую отсутствуют инструменты и ресурсы влияния, чтобы изменить ситуацию.

Третья группа – общественный совет по проведению НОК. Совет работает с информацией, полученной с помощью использования унифицированной методики. Руководствуясь действующими нормативно-правовыми документами, итоги независимой оценки принимаются при условии соблюдения всех требований технического задания. Однако их практическое применение вызывает в большинстве случаев вопросы. Это снижает социальную значимость рассматриваемой технологии общественного контроля, превращая его в формальную процедуру.

Таким образом, анализ опыта проведения независимой оценки качества условия предоставления услуг организациями социальной сферы выявил целый спектр проблемных зон, позволяющих организациям-операторам выбрать эконом-пакеты для проведения работ. Безусловно, это снижает как качество полученных данных, так и доверие к ним. По итогам нескольких лет реализации этой

технологии общественного контроля можно сделать вывод: независимая оценка могла бы стать мощным инструментом повышения развития гражданского общества, диалога власти и общества. Однако на текущий момент имеют место риски, связанные с сужением предметной области независимой оценки, упрощением методологии и методики сбора информации, формализмом проведения процедур сбора, обобщения и анализа информации и, конечно, проблемами конкурсных процедур по определению исполнителя.

Если описанные в статье барьеры сохранятся, можно прогнозировать, что оценка качества услуг в социальной сфере будет приобретать все более формальный характер. А такая форма общественного контроля со временем утратит свою актуальность.

Библиографический список

Аналитический отчет независимой оценки качества условий оказания услуг организациями социального обслуживания и формирование рейтинга организаций социального обслуживания в 2020 году. Ростовская область. URL: <http://cso-1.ru/wp-content/uploads/2020/10/ao2020.pdf> (дата обращения: 20.07.2021).

Аналитический отчет о результатах проведения независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания. Оператор - Частное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Центр ИНФО». Нальчик. 2017. URL: https://cz-nalchik.kbr.socinfo.ru/media/2018/06/21/1237981098/3Analiticheskij_otchet_o_provedenii_neza_enki_kachestva_iyul-avgust_2017.pdf (дата обращения: 20.07.2021).

Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Проведение независимой оценки качества оказания социальных услуг организациями социального обслуживания Омской области». Оператор – ООО «Центр гуманитарных, социально-экономических и политических исследований – 2». 2017. URL: <http://www.omskmintrud.ru/Data/SocialServicesProvider/65/13/02%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%9A%D0%A6%D0%A1%D0%9E%D0%9D.pdf> (дата обращения: 20.07.2021).

Баева Е.С., Золотарев П.Н., Черкасов С.Н. Медико-социальный портрет потребителя лабораторных услуг медицинских организаций // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. 27(4). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2019-27-4-482-486>.

Бутова Т. Г., Яковлева Е.Ю., Данилина Е.П., Белобородов А.А. Сервис и качество медицинских услуг // ЭПИ «Сервис в России и за рубежом».

2014. Т. 8, № 8 (55). С. 1–8. URL: <http://electronic-journal.rguts.ru> (дата обращения: 20.07.2021).

Бутова Т.Г., Динилина Е.П., Белобородова Ю.С., Белобородов А.А. Качество медицинского обслуживания: методологические проблемы практической оценки // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. №5. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32664148> (дата обращения: 18.07.2021).

Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Становление института независимой оценки качества: вопросы и перспективы развития // *Социологическая наука и социальная практика*. 2017. Т. 5. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-nezavisimoy-otsenki-kachestva-voprosy-i-perspektivy-razvitiya>. DOI: 10.19181/snsr.2017.5.1.4993 (дата обращения: 20.07.2021).

Калмыков Н.Н., Ларина А.К., Славко М.А., Сатырть Т.С. О независимой оценке качества социальных услуг // *Экономические отношения*. 2019. Т. 9, №2. С. 1487–1500. URL: https://www.researchgate.net/publication/334719438_O_nezavisimoy_otsenke_kachestva_socialnyh_uslug. DOI:10.18334/eo.9.2.40523. (дата обращения: 18.07.2021).

Лакомова А.А. Общественный контроль и независимая система оценки качества работы организаций, предоставляющих социальные услуги // *Научный журнал «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine»*. ISSN 2312-9352 (Online). № 3. 2016. С. 253–266. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-kontrol-i-nezavisimaya-sistema-otsenki-kachestva-raboty-organizatsiy-predostavlyayuschih-sotsialnye-uslugi> (дата обращения: 18.07.2021).

Мицкевич Л.А. Представление публичных услуг как вид государственного управления // *Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт)*. Москва, 2007.

Независимая оценка на «отлично»: методические рекомендации [Электронный ресурс] / сост. А.С. Фомичев; под ред. Л.И. Ачекуловой. Красноярск. 2017. 62 с. URL: <http://files.rmc24.ru/region/pdf/metod1610.pdf> (дата обращения: 18.07.2021).

Отчет о проведении сбора и обобщения информации о качестве условий оказания услуг организациями социального обслуживания, включенными в реестр поставщиков социальных услуг Кировской области. Оператор – ООО «Академический центр». 2019. URL: <http://www.socialkirov.ru/social/root/uson/Rating.htm> (дата обращения: 18.07.2021).

Полевая Н.М., Ситникова В.В. Независимая оценка качества оказания социальных услуг учреждениями социального обслуживания Амурской области // *Вестник амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. №88. С. 66–68.

Приказ Минтруда России № 217 от 24.05.2013г. «О пилотном проекте по проведению независимой

оценки качества работы государственных (муниципальных) учреждений, оказывающих социальные услуги». URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/61> (дата обращения: 18.07.2021).

Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 декабря 2014 г. № 995н «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания». URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/339> (дата обращения: 18.07.2021).

Приказ Минтруда России от 23 мая 2018 г. № 317н «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий оказания услуг организациями социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы». URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/1305> (дата обращения: 20.07.2021).

Рагозина Л.Г., Цацура Е.А. Независимая оценка качества оказания социальных услуг: первые результаты // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2015. № 1 (125). С. 3–13.

Указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35261> (дата обращения: 20.07.2021).

Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг 210-ФЗ». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/31584> (дата обращения: 20.07.2021).

Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38016> (дата обращения: 20.07.2021).

Федеральный закон от 21.07.2014 № 256-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38790> (дата обращения: 20.07.2021).

Федеральный закон от 05.12.2017 г. № 392-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42567> (дата обращения: 20.07.2021).

Формирование независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих со-

циальные услуги. 2013. URL: http://www.beluno.ru/doc/_files_file_nezavisimaya_ocenka_seminar_nezavisimaya_ocenka_grani.pdf (дата обращения: 20.07.2021).

Щукина Н.П., Логинова И.А. Работе учреждений социального обслуживания населения – объемную и независимую оценку качества оказываемых услуг: метод. пособие. Самара: ООО «Офорт», 2014. 67 с.

Ястребова М.В. Качество медицинских услуг должен оценивать пациент – потребитель этих услуг // Экономическое возрождение России. 2011. № 2. С. 38–43.

References

Analytical report of an independent assessment of the quality of the conditions for the provision of services by social service organizations and the formation of a rating of social service organizations in 2020. Rostov Region, [Online], available at: <http://cso-1.ru/wp-content/uploads/2020/10/ao2020.pdf> (Accessed 20 July 2021).

Analytical report on the results of an independent assessment of the quality of work of organizations providing social services in the field of social services. Operator – Private educational institution of additional professional education «Center INFO». Nalchik. 2017, [Online], available at: https://cz-nalchik.kbr.socinfo.ru/media/2018/06/21/1237981098/3Analiticheskij_otchet_o_provedenii_neza_enki_kachestva_iyul-avgust_2017.pdf (Accessed 20 July 2021).

Analytical report based on the results of the sociological research «Conducting an independent assessment of the quality of the provision of social services by social service organizations in the Omsk region». Operator – Center for Humanitarian, Socio-Economic and Political Research – 2. 2017, [Online], available at: <http://www.omsk-mintrud.ru/Data/SocialServicesProvider/65/13/02%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%9A%D0%A6%D0%A1%D0%9E%D0%9D.pdf> (Accessed 20 July 2021).

Baeva, E.S., Zolotarev, P.N., Cherkasov, S.N. (2019), Medico-social portrait of the consumer of laboratory services of medical organizations, *Problems of social hygiene, health care and history of medicine*, 27 (4), DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2019-27-4-482-486>.

Butova T.G., Yakovleva E.Yu., Danilina E.P., Beloborodov A.A. (2014), Service and quality of medical services, *EPI «Service in Russia and abroad»*, vol. 8, no. 8 (55), pp. 1–8, [Online], available at: <http://electronic-journal.rguts.ru> (Accessed 20 July 2021).

Butova, T.G., Dinilina, E.P., Beloborodova, Yu.S., Beloborodov, A.A. (2015), Medical service:

methodological problems of practical assessment, *Modern problems of science and education*, no. 5, [Online], available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32664148> (Accessed 18 July 2021).

Dudchenko, O. N., Mytil, A. V. (2017), Formation of the Institute for Independent Quality Assessment: Issues and Development Prospects, *Sociological Science and Social Practice*, vol. 5, no. 1, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-nezavisimoy-otsenki-kachestva-voprosy-i-perspektivy-razvitiya>, DOI: <http://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.1.4993> (Accessed 20 July 2021).

Kalmykov, N.N., Larina, A.K., Slavko, M.A., Satory T.S. (2019), On an independent assessment of the quality of social services, *Economic relations*, vol. 9, no. 2, pp. 1487–1500, [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/334719438_O_nezavisimoy_ocenke_kachestva_socialnyh_uslug, DOI: <http://doi.org/10.18334/eo.9.2.40523> (Accessed 18 July 2021).

Lakomova, A.A. (2016), Public control and an independent system for assessing the quality of the work of organizations providing social services, *Scientific journal «PEM: Psychology. Educology. Medicine»*, ISSN 2312-9352 (Online), no. 3, pp. 253–266, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-kontrol-i-nezavisimaya-sistema-otsenki-kachestva-raboty-organizatsiy-predostavlyayuschih-sotsialnye-uslugi> (Accessed 18 July 2021).

Mitskevich, L.A. (2007), Presentation of public services as a type of public administration, *Public services: legal regulation (Russian and foreign experience)*, Moscow, Russia.

Independent evaluation as «excellent»: guidelines (2017), [Electronic resource], L.I. Achekulova, comp. A.S. Fomichev (ed.), Krasnoyarsk, pp. 62, [Online], available at: <http://files.rmc24.ru/region/pdf/metod1610.pdf> (Accessed 18 July 2021).

Report on the collection and generalization of information on the quality of the conditions for the provision of services by social service organizations included in the register of social service providers in the Kirov region. Operator - Academic Center, (2019), [Online], available at: <http://www.socialkirov.ru/social/root/uson/Rating.htm> (Accessed 18 July 2021).

Polevaya, N.M., Sitnikova, V.V. (2020), An independent assessment of the quality of the provision of social services by social service institutions in the Amur Region, *Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities*, no. 88, pp. 66–68.

Order of the Ministry of Labor of Russia No. 217 of May 24, 2013 «On a pilot project to conduct an independent assessment of the quality of work of state (municipal) institutions providing social services», [Online], available at: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/61> (Accessed 18 July 2021).

Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of December 8, 2014

No. 995n «On the approval of indicators characterizing general criteria for assessing the quality of services provided by social service organizations», [Online], available at: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/339> (Accessed 18 July 2021).

Order of the Ministry of Labor of Russia of May 23, 2018 No. 317n «On approval of indicators characterizing general criteria for assessing the quality of conditions for the provision of services by social service organizations and federal institutions of medical and social expertise», [Online], available at: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/1305> (Accessed 20 July 2021).

Ragozina, L.G., Tsatsura, E.A. (2015), Independent assessment of the quality of social services delivery: first results, *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, no. 1(125), pp. 3–13.

Decrees of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 No. 597 «On measures to implement the state social policy», [Online], available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35261> (Accessed 20 July 2021).

Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ «On the organization of the provision of state and municipal services 210-FZ», [Online], available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/31584> (Accessed 20 July 2021).

Federal Law of 28.12.2013 No. 442-FZ «On the Basics of Social Services for Citizens in the Russian Federation», [Online], available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38016> (Accessed 20 July 2021).

Federal law of 21.07.2014 No. 256-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issues of an Independent As-

essment of the Quality of Services Rendered by Organizations in the Sphere of Culture, Social Services, Health and Education», [Online], available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38790> (Accessed 20 July 2021).

Federal Law No 392-FZ of 05.12.2017 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Improving the Independent Assessment of the Quality of the Conditions for the Rendering of Services by Organizations in the Sphere of Culture, Health, Education, Social Services and expertise», [Online], available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42567> (Accessed 20 July 2021).

Formation of an independent system for assessing the quality of the work of organizations providing social services (2013), [Online], available at: http://www.beluno.ru/doc/_files_file_nezavisimaya_ocenka_seminar_nezavisimaya_ocenka_grani.pdf (Accessed 20 July 2021).

Shchukina, N.P., Loginova, I.A. (2014), *The work of social service institutions is an objective and independent assessment of the quality of the services provided. Method. allowance*, OOO Etching, Samara, Russia.

Yastrebova, M.V. (2011), The quality of medical services should be assessed by the patient - the consumer of these services, *Economic Revival of Russia*, no. 2, pp. 38–43.

Submitted: 28.07.2021

Revised: 17.09.2021

Accepted: 30.09.2021

SCIENTIFIC ARTICLE

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-3-83-91

Submitted: 13.08.2021

Revised: 15.09.2021

Accepted: 30.09.2021

S. Khosueva

National Research University

Higher School of Economics

St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: khosueva@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7055-6512>

Historiography of Arabic influences on Mozarabic: theory and history (711–1492)

Abstract: the present research focuses on the historiographic aspect of Arabic influence on Mozarabic between 711 and 1492. Among the goals of the present research, we cannot but mention: 1) consideration of the most explored issues in Mozarabic studies; 2) identification of the research centers and names related to Mozarabic studies; 3) systematization of contents of the most significant works and research papers on the above-mentioned topic; 4) review of the language contacts that have taken place during the selected period as reflected in the accessible literature. The studies of this topic are far from being numerous while the trace of medieval Arab Spain remains visible by now in a variety of forms that make the chosen topic relevant. Regarding the outcomes of the work, it has been shown that the problem under analysis is not among the most researched ones; geographically it is mostly connected with Spain; the suggested works of scholars have some noticeable drawbacks and, lastly, the sphere of language contact being applied to the issue is underdeveloped and can be viewed via or on the level of three dimensions: 1) phonetical; 2) lexical and 3) graphical.

Key words: Mozarabic studies; language contacts; medieval Arab Spain; Arabic influence; apparent centers.

Citation: Khosueva, S. (2021), Historiography of Arabic influences on Mozarabic: theory and history (711–1492), *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 3, pp. 83–91, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-83-91>.

Acknowledgments: the author expresses her gratitude to Mamedshakhov R.G., Frantsouzoff S.A. for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Khosueva S., 2021 – Saint Petersburg School of Social Science and Area Studies, National Research University Higher School of Economics, 123, A, Griboyedov canal embankment, St. Petersburg, 190068, Russian Federation.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 316.723

С. Хосуева

НИУ Высшая школа экономики,

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: khosueva@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7055-6512>

Историография влияния арабского языка на мосарабский: теория и история (711–1492 гг.)

Аннотация: данная работа посвящена историографическому аспекту влияния арабского языка на мосарабский язык в период с 711 и по 1492 гг. Основные задачи исследования состоят в следующем: 1) определение и рассмотрение наиболее значимых вопросов в мосарабских исследованиях; 2) выявление научных центров и имен в мосарабских исследованиях; 3) определение характеристик основных научных трудов по изучаемой проблематике; 4) анализ языковых контактов, имевших место в течение исследуемого периода и отраженных в научной литературе. В работе отмечается, что исследования на данную тему отнюдь не многочисленны, в то время как след средневековой арабской Испании остается видимым до сих пор в различных формах, которые делают выбранную тему актуальной. Полученные результаты показывают, что изучаемая проблема не входит в число наиболее исследованных и географически больше всего связана с Испанией, в имеющихся научных трудах вопросы языкового контакта остаются малоизученными. Сфера языкового контакта, применимая к проблеме влияния арабского

языка на мосарабский язык, рассматривается в трех измерениях: 1) фонетическом; 2) лексическом и 3) графическом.

Ключевые слова: мосарабские исследования; языковые контакты; средневековая арабская Испания; арабское влияние; основные исследовательские центры.

Цитирование: Хосуева С. Историография влияния арабского языка на мосарабский: теория и история (711–1492 гг.) // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 3. С. 83–91. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-3-83-91>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Хосуева С., 2021 – НИУ Высшая школа экономики, 190068, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123, лит. А.

Introduction

Mozarabic, also known as Andalusí Romance, due to the region where it has been present, or *Lisan al-Ajam*, “foreign / barbaric language”, is a name that most commonly refers to a group of regional medieval dialects that have emerged from Late Latin and Arabic during the period of Al-Andalus (711-1492) geographically related to the Iberian Peninsula (Simonet 1888, p. 8). This period of Spanish history is characterized by the presence of Muslims, namely, Arabs on its southern territories. Mozarabic was called “Latin” by its speakers because they have simply misinterpreted it as a certain form of Latin but not as a separate new language. “Mozarabs” is a concept synonymic to Christians, who have lived under Muslim ruling. The chain of transformations that have led to the appearing of such a term is the following: the word *musta'rib* has come from the Classical Arabic to the Andalusí Arabic in a form of *musta'rab* and initially has meant “someone or something that adopts the Arabic way”. As for the scripts that have corresponded to Mozarabic, among them the Arabic script has been used most frequently, however, along with the Latin and Hebrew scripts. Nowadays, Mozarabic is mainly preserved in the form of poetry, hymns, liturgy, choruses, personal correspondence and inscriptions. However, at that time the Iberian Peninsula has been dominated by Latin in the north and Arabic that has been a language of scholarship in the south. As for the social groups speaking Mozarabic, they are Mozarabs, dhimmis or those who live in an Islamic state being non-Muslim, Muladis or converted Iberians, normally, of mixed descent (Arab, Iberian or Berber in any possible combination) and a smaller number of Arabs and Berbers.

For the present research, the most appropriate way of Mozarabic analysis is to regard it as a means of exchange or interaction between Arabic and the languages that have emerged from Latin and have later been forming the present-day Spanish (Castilian, Catalan, Aragonese, etc.). Among the named forms of Spanish, Castilian have turned out to be the closest ancestor of Spanish, having superseded the other forms rapidly. So, Toledan Mozarabs as a part of Al-Andalus have been devoured by the kingdom of Castile in 1085 and, as a result, Mozarabic gradually has given way to Castilian. As for the other languages, they have managed

to survive in a relatively complete form and are still spoken by people living in different regions of Spain, having official status there, and in some neighboring countries due to migration process. Catalan can be mentioned here as an example as the language remains dominating in Barcelona and being widespread in Italy, France, and Andorra.

The interaction itself implies: 1) lexical dimension – the lexical borrowings in Mozarabic from Arabic; 2) graphical dimension (Arabic script is to be met as a written form of Mozarabic); 3) phonetical dimension (transmitted through the script, e.g., some names typical for Spanish tradition are written in Arabic script which then transforms their pronunciation). The studies of this topic are far from being sufficient for the construction of an image fairly reflecting the composition of Mozarabic or its relations with Spanish that has Mozarabic as a crucial stage of its development.

The purpose of the work is the analysis of history and theory of Arabic influence on Mozarabic that has taken place between years 711 and 1492. Respectively, the tasks are: 1) consideration of the most explored issues in Mozarabic studies; 2) identification of the research centers and names in Mozarabic studies; 3) systematization of contents of the most significant works on Arabic influence on Mozarabic; 4) review of the language contacts that have taken place during the selected period as reflected in the accessible literature. The relevant methodological basis includes secondary data analysis that implies work with articles, biographies and, in general, accessible scientific sources and, most importantly, periodical data bases that would allow us to trace the contemporary tendencies and directions in Mozarabic studies. The phonetic transcription that is to be found in the main body of the work uses IPA symbols, while the transcript items are based on Annex 2.

The object of the research is Arabic influences on Mozarabic between years 711 and 1492. The subject is historical and linguistic dimensions of these influences. The expected outcome can be formulated in the following hypotheses: 1) there are no researches that approach Arabic influences on Mozarabic solely and directly; 2) the lack of interest to the topic is supported by the absence of big centers and collections of manuscripts in the world.

At first sight, it might seem that the countries that have strong research bases connected with Mozarabic are European ones. It is so simply because the largest collections of Mozarabic manuscripts are to be found in, for instance, Spain. One of the key institutions to own an impressive collection of the manuscripts is Biblioteca Nacional de España in Madrid that has an extensive digitalized archive of various manuscripts including Mozarabic ones. When searching “Mozárabe” the website suggests about 30 manuscripts that can be ranged and filtered according to the year from 800 to 1929. Another notable archive is the digital collection of the British Library that owns about 20 manuscripts somehow related to Mozarabs. According to the percentage of published works it is so but the prominent researchers are also to be found among Russian and American ones. One of the most well-known researchers is Ángel González Palencia (1889-1949), a scholar who may be regarded as an exemplary Spanish researcher that has formed the basics of Mozarabic studies in Europe and the whole world in general having written a four-volume composition called “Los Mozarabes de Toledo en los siglos XII y XIII” (1926). The work and the author will be consistently referred to further as the monography provides us with one of the most valuable and thorough analyses of Mozarabic and the document in it. The first volume gives its reader an insight into the existing translations and researches of Arabic documents of Toledo, a brief description of medieval Toledo, its topography and areas, historical facts that are important for the following narrative and, lastly, the list of saints of the city and the social stratification found in the city. The next three volumes are dedicated to Mozarabic documents regarding trade, legal and, generally, financial issues of medieval life.

Along with the abovementioned scholar Yasmine Beale-Rivaya is to be noted. Thanks to her articles the works of González Palencia are known and accessible. The researcher herself has accomplished a lot in the sphere of comparative linguistics and history. Her two main (for the present research) works are “The Written Record as Witness: Language Shift from Arabic to Romance in the Documents of the Mozarabs of Toledo in the Twelfth and Thirteenth Centuries” (Beale-Rivaya 2012) and “The history and evolution of the term “Mozarab” (Beale-Rivaya 2010, pp. 51-71). The two papers give an overview of linguistic interactions between Arabic and Mozarabic which is highly significant for the present research.

Then, Ignacio Ferrando Frutos has written “The Arabic Language among the Mozarabs of Toledo during the 12th and 13th Centuries” (2000) which is similar, in terms of contents, to the works of González Palencia (Frutos 2000, p. 45-64). So, what can be observed is that many influential scholars specialize in Mozarabic in the context of Toledo in XII-XIII cc. The reasons for such state of Mozarabic studies are relatively clear:

1) the accessible documents refer to this particular period; 2) Toledo has always been among cultural, scientific, commercial, even political centers of Spain; 3) the interaction between Arabic and Mozarabic is studied (and seen) most through these documents.

Lastly, Francisco Javier Simonet (1829-1897), a Spanish historian, arabist and lexicographer, has contributed significantly having written “Glosario de voces ibéricas y latinas usadas entre los mozárabes” (1888), “Crestomatía árábigo-española o Colección de fragmentos históricos, geográficos y literarios relativos a España bajo el período de la dominación sarracénica, seguida de un vocabulario de todos los términos contenidos en dichos fragmentos” (1881; with José de Lerchundi) and “Historia de los mozárabes de España : deducida de los mejores y más auténticos testimonios de los escritores cristianos y árabes” (Simonet 1888, 1897). The works are a helpful addition to the linguistic dimension which is to be found in detail further.

The most explored issues in Mozarabic studies

Mozarabic studies as a part of regional studies (be that Middle Eastern studies or anything related to Spain) turn out to have questionable borders. This might be the reason why at the moment (by the beginning of year 2020) there exist not so many researches, projects, monographies, etc. referring to Mozarabic period of Spain history. What the chapter aims to present is the brief review of the most researched aspects of Mozarabic studies that vary widely from examinations of Mozarabic architecture to those of religious rites. However, it seems important to narrow the themes relevant for the present work stating that they are reduced to the consideration of linguistic characteristics of Mozarabic found in songs, poetry, etc.

Firstly, it can be clearly seen that on any periodical bases among the first topics to be found when searching “Mozarabic” are pictures or articles somehow connected with Mozarabic liturgy. Generally, such articles do not contain any data on the influence of Arabic on Mozarabic but they do tend to present some valuable data on the historical background significant for the consideration of the interaction between the two languages. In addition to researches on liturgical texts there are works on Mozarabic musical tradition to be found. For instance, “Mozarabic Melodies” by R. P. Germán Prado gives us an insight into the musical world of Mozarabic period through the consideration of Spanish manuscripts with musical notation. The author attempts to make comparison of Roman chant to Mozarabic chant opposing the forms in which they have existed with Mozarabic one being freer and harder to measure (Prado 1928, pp. 218-238). Moreover, in every part of the article the researcher classifies some characteristics of Mozarabic music, and especially, Mozarabic rites’ music, for instance, these melodies exist in three types minimum – Eastern, Ambrosian and Roman. As the author notes, many Mozarabic liturgi-

cal manuscripts belong to the Royal Abbey of Silos, the British Museum Library, Bibliothèque Nationale in Paris, the Cathedral Chapter of Toledo, Biblioteca Nacional in Madrid and San Millán de la Cogolla.

Aljamiado (from Al-Ajam) literature is to be noted with its manuscripts that contain a text originally in European language (mostly, Romance languages) transcribed in Arabic script. The works on this topic attempt to bridge the gaps between Arabic or Hebrew and a Romance language (Beale-Rivaya, 2012, pp. 27-50). The article of Y. Beale-Rivaya gives its reader an insight into the corpus of legal texts of the XII and XIII cc. Toledo. The documents are currently kept in the Archivo Histórico Nacional in Madrid and in the Archivo Catedralicio y Capitulares of the Cathedral of Toledo. The particular focus of the article is directed towards the consideration of the shift from Andalusí-Arabic to Romance and Castilian in Toledo of XII-XIII cc. The legal texts overview purchases of land, donations, parcels, etc. The author also mentions that Mozarabs have turned out to be the linguistic mediators between the Andalusí and the immigrating Castilian population due to their dual identity (Christian + Arab) (Ibid). The contracts of Toledo are mostly written in "standard Arabic" and contain some Andalusí and Romance elements (Corriente 1977). In the part called "Statements about Language Use" Beale-Rivaya highlights the change in perception of Arabic by the population that has resulted in Mozarabs being unable to understand the language. The mutual penetration of the languages is also seen in the signatures of the documents that simply include an Arabic name and a Latin name of a person. However, the coexistence of the names ended by the end of the XII c. when the Latin ones have displaced the Arabic ones. Lastly, the author discusses the phonetical and the lexical influence of the languages and sums up by saying that the languages' coexistence has led to the deep interconnections and evident borrowings in both.

The last exemplary work is "The Mozarabic Hymnal" by R. E. Messenger which might seem to be examining the same issues as the work mentioned above in the chapter (Messenger 1946, pp. 149-177). After the review of the existing sources on the topic Messenger consistently writes about the most well-known authors-poets and the influence of the European hymnal tradition on the Mozarabic compositional bases.

Although the variety of topics is clear the conclusion is common for all the researches: Mozarabic, being formed by Arabic and Latin in several of its forms, has experienced the periods of the dominance of the first of its elements or the second during the end of the XII c. It can be concluded that the sources contain data on music, poetry, and legal acts when we address works that are potentially valuable for linguistic analysis of the languages of Mozarabic period. The scholars are representing American or European universities and research centers, so, the US, Spain and, presuma-

bly, France may be called the main centers of Mozarabic studies.

It is also crucial to indicate some blind spots in the present-day Mozarabic studies. These include, as it was already mentioned, 1) the absence of corpus of Mozarabic which would make any interaction with lexical aspects of the language more effective; 2) the limited number of researchers (and generally, low level of research interest) around the world that can be seen while looking for information on the topic; 3) the geographical limits of the studies, namely, the concentration of almost all the research bases in Spain that leads to narrow development of the sphere in general and lack of diverse or critical views in it.

The key researchers of Mozarabic studies and a brief notion on historiographic background

The present chapter implies consideration of biographies of the most prominent researchers in Mozarabic studies and some of their works. Continuing the information stated above, in the previous parts these scholars are: Yasmine Beale-Rivaya, Ángel González Palencia and Francisco Javier Simonet. The reason why these three scholars have been chosen, is that they are the only ones, who have the interaction of Arabic and Mozarabic as one of their primary focuses. What is more, "Los Mozarabes de Toledo en los siglos XII y XIII" (1926) by González Palencia is thought to be a fundamental work on the topic and on Mozarabs in general and it is often referred to by other scholars (Los Mozarabes 1926).

Ángel González Palencia is, probably, the greatest scholar of Mozarabic studies with his four-volume "Los Mozarabes de Toledo en los siglos XII y XIII" (Los Mozarabes 1926). This is, for sure, the most quotable work in the Mozarabic sphere which is understood as the most detailed, extensive and containing the translation of numerous manuscripts that can serve as a basis for the future works. González Palencia is a Spanish historian, literary critic and arabist. He was born in Horcajo de Santiago, Cuenca, in 1889. His contribution to the research world is not limited to his famous monograph, he has also translated a significant number of Arabic texts to Spanish and specialized in the history of Spain under Muslim ruling and in Spanish literature in general.

In this case, it seems logical to point out some researches that preceded the major work of González Palencia and which he lists at the very beginning of his monography. Firstly, González Palencia refers to "Origen, progresos y estado actual de toda la literatura" (1782-1799), a fundamental work by Juan Andrés, a Spanish Jesuit priest, Christian humanist, and literary critic. According to González Palencia, the scholar presents valuable information regarding the Arabic documents of la Catedral de Toledo being among the first researches interested in the issue. The reason for that lack of interest is explained by González Palencia

through the difficulty in finding people able to read and translate it (Los Mozarabes 1926, p. 4). The next scholar is someone named Juan Andrés Paredes, a person, who has transcribed in Arabic and translated into Latin and Castilian document number 449, the collection of manuscripts belonging to González Palencia and serving as a basis for the monography. Lastly, Francisco Pons Boigues, Spanish arabist and historian has dedicated his attention to la Catedral de Toledo with its noteworthy collection, which he has begun structuring chronologically. Then, his work has been continued by Luis Gonzalvo y París, another Spanish arabist and archaeologist who has failed in finishing his work on the collection. In 1913 the director of Archivo Histórico Nacional, Juan Menéndez Pidal, initiated the completion of the works to fill his archive with them.

Francisco Javier Simonet has been highly estimated and consistently referred to by González Palencia in his great monograph. Simonet has been born in Málaga in 1829 and studied there at the department of Arabic of the local University. In 1867 he has been awarded by the Historical Academy for his “Historia de los mozárabes de España: deducida de los mejores y más auténticos testimonios de los escritores cristianos y árabes”. This author is known for his pro-Spanish approach, implying that the conquerors have been taught all sciences and arts (in which they succeeded and have been widely known) by the local Spanish people, Mozarabs. Simonet has died in 1897 in Madrid leaving an enormous heritage and having many followers who, however, have failed as much as this famous scholar of the 19th century.

Yasmine Beale-Rivaya is a researcher from the USA who works in Texas State University in The Department of World Languages and Literatures. The scholar has received her PhD in Hispanic Linguistics from the University of California Los Angeles in 2006. As the profile on the university’s website tells us, her research reviews language contact in borderland communities, especially, the Mozarabic (Arabized-Christians) communities living in Medieval Iberia. The researches that are the most valuable for the topic are “The Written Record as Witness: Language Shift from Arabic to Romance in the Documents of the Mozarabs of Toledo in the Twelfth and Thirteenth Centuries” (Beale-Rivaya 2012) and “The History and Evolution of the Term ‘Mozarab’” (Beale-Rivaya 2010).

In general, the key researchers of the sphere relate to the name of Ángel González Palencia who turns out to be the mediator between the distant periods of active working processes related to Mozarabic studies. The figure of this scholar relates to termination of structuring of the collection of Toledan Mozarabic manuscripts that have belonged to la Catedral de Toledo by the beginning of the 20th century. The sheer linguistic aspect, though, is more associated with the name of Francisco Javier Simonet who has done an outstanding job compiling the linguistic evidence of

Mozarabic and has become the earlier researcher, having inspired González Palencia. Now there is Yasmine Beale-Rivaya who is currently working in Texas developing Spanish and Mozarabic studies locally and, due to the insufficient number of specialists, globally.

Arabic influences on Mozarabic: the most extensive work

The third chapter is a continuation of the previous one as it aims to simply deepen the presented information on the collections of Mozarabic manuscripts and, additionally, to extract and to give structure to the aspects of Arabic influence on Mozarabic. “Los Mozarabes de Toledo en los siglos XII y XIII” (1926) is the key monograph for the chapter as it suggests the substantial part of the accessible data despite the fact that it was written in the previous century (Los Mozarabes 1926).

The research is divided into 8 chapters that have subdivision into parts. The first chapter examines the previous researches about Toledan Mozarabic documents and is subdivided in accordance with the main names of the researchers (e.g., Miguel de Luna, Armenian translators, etc.). The second chapter provides the reader with the information on the collection of manuscripts itself and contains the list of documents according to the chronology of their publication, necessary numbers, and some paleographic notes. The following chapter is called “The place” which refers to Toledo, the description of its areas, gates, gardens, and the Cathedral. The fourth chapter is subdivided into four parts and is devoted to the citizens of Toledo from Mozarabs to the Jewish population of Toledo. The next chapter overviews the main institutions and persons (statuses) of the city from the king to all the churches that may be found there. The sixth chapter explains the social stratification or, to put it simply, the statutes and what stands behind them. The seventh chapter addresses forms of possession common for Toledo, rights of owners connected with them and prices for some items sold back then (prices for clothes, houses, etc.). The last chapter reviews the property-related issues and regimes, such as, fines, censures, etc. The reason why so much attention is dedicated to property is that most of the documents, transcribed and translated in other volumes, have forms of possession and legal acts as their main topic.

In “Los Mozarabes de Toledo en los siglos XII y XIII” (1926) González Palencia informs the reader that by the moment of the publication of his work there have been up to 1175 Mozarabic manuscript items available in various institutions (Ibid). The majority of these, namely, 652, belong to Archivo Histórico Nacional. The documents are written on parchment paper by one single person and, as Palencia notes, and do not contain any ornamental illumination, capital letters, images, or miniatures (except the one matrimonial document № 1.175 that has illuminated capital letters).

Despite being called “Toledan” no document has a reference to the address, moreover, some Jewish pieces of the collection are from Sevilla, Talavera and Ucles.

As for the bodies of the documents, all of them begin with formulas like باسم الله الرحمن الرحيم (/bis.mi l'la:hi_r.raḥ'ma:ni_r.ra'hi:m/) and some others. In addition to this, the mentioning of existent respected people is entailed by some traditional formulas like رحمه الله (/ra.ḥi.ma.hu_t.ta:hu/). The system of months is Christian, e.g., مارس (/ma:ris/), March, etc. Apart from simple references to the months there sometimes appear dates based on holidays (like days of local saints), especially, when a document introduces norms of payment, rent, etc. The document signatures are autographs, among which the Arabic ones tend to be more comprehensive in comparison with the Romance ones, at least because the Arabic signatures contain information on 3-4 generations preceding a person (e.g. Pedro ben Abderrahmen ben Yahya).

Some of the documents are copies of other older papers, and this tendency, as author explains, can be clearly seen as the copies have a different condition and even contain the names of copyists. Another point of high importance is the numbering system existing between XII and XIII cc. that has been reconstructed by González Palencia (Annex 1) (Los Mozarabes 1926, p. 120). When a document contains a number, its scripted form is followed by the digital one.

What González Palencia notes considering names of Mozarabs truly seems exemplary for me in terms of the present work's topic. In his explanation of some “Mozarab indicators” (the traits or signs that a person is Mozarab) the author tells us that the way some Toledans sign with their names in documents reveals these signs as well. For instance, a person who is referred to as Juan Mozárabe is clearly Mozarab (Ibid, p. 122). Despite this, the form of such indicators is not unified and the Arabic word مستعرب (/muṣṭa'rib/) can also generate a Mozarabic adjective synonymous to “Mozárabe” which is “Miṣṭarabs”, e.g., Dominicus Miṣṭarabs (Ibid, p. 122). These characteristics are highly important when a judge, for example, needs to identify the “nationality” (which is surely not the most adequate term to use here but serves as a means to distinguish between Mozarabs and the Muslim population) of a person who has signed a certain document. The reason for that is the fact, that a penalty, a man may have got, in many cases depended on their “national” or religious identity. The author continues his elaboration on the names stating the cases, when a Christian father has given his son an Arabic name, have been rather frequent but not as frequent as vice versa. It seems relevant to provide some more details here, so, additionally to that, Arabic names have sometimes been transformed according to a Christian manner in a way that they have got a suffix *-iz* typical for the latter, e.g., Lupus Habibez. At the same time, Christian names have been able to get Arabic *abu* which is,

basically, kunya transformed into Latin. Apart from literal transformations, the Christian names and surnames have been able to adopt an Arabic pattern saving the form of “name + surname + patronymic (=kunya in this case)” in Latin or Latin alphabet. The last thing that González Palencia touches upon is the nicknames that people have owned. In the majority of cases they have been expressing some physical features in, equally, Latin roots or in Arabic ones.

Some points about transcription of Arabic words in Romance are to be made. For instance, ع is transcribed as g in Romance: عيسى (/ʕi:sa:/) is “Giza”, the same way as ج is turning into g which would, though, be pronounced like *che*. ش becomes s: الشرى (/ʃra/) is “Assarag”.

Finally, the author mentions the fact that Romance was hardly written which makes the description of its characteristics (e.g., phonetic) complicated. The researcher presents his division of Romance voices into three groups: 1) the group formed for the personal names; 2) the group adapted for the names of place; 3) the most general group for common voices met throughout the whole body of the given documents. In addition to this system, he informs the reader that some original documents have contained voices written in Latin characters but rewritten in copies in Arabic ones, and this transformation has been typical for a special transcription used by scribes (Los Mozarabes 1926, p. 125).

To summarize the chapter, it must be said that the monograph of González Palencia can answer many questions related to Arabic influences on Mozarabic. The legal documents, being the basis of the work, reflect both Christian and entirely Arabic elements, be that months or signatures. The author has done a truly outstanding job, having reconstructed the numerals, examined the names, given the norms of transcription, classified the Romance voices and noted the contribution of the scribes to the processes taking place in the transmission of Mozarabic.

Linguistic dimension of the issue

The present chapter is supposed to add a slightly different, specifically, linguistic perspective to the research. As it can be drawn from the name of the work, its main concern is history of Mozarabic studies, although it seems beneficial to provide a reader with a context like this. It has been already said in the beginning of the introductory part of this survey that the interaction of Mozarabic and Arabic has three dimensions: 1) lexical; 2) graphical and 3) phonetical. Each of the dimensions will be considered further in the chapter, although they do not affect the partitioning of the chapter.

The reasons why Simonet has been mentioned as an influential language-related scholar are now going to be listed. Firstly, in his work on Iberian and Latin voices he gives us a thorough examination of a comprehen-

sive digest of Mozarabic words with the description of their origin and forms, existing in other languages at that time in Spain under Muslim rule. Secondly, Simonet's "Crestomatía árabigo-española" contains 170 manuscripts, predominantly, poetical pieces which is an impressive collection (Simonet 1888). The documents are all categorized depending on their contents, for instance, there is a part of geographical dictionary along with biographical and philosophical notions. This data is valuable although it is by no means an independent complete linguistic survey.

Language contact, as defined by Sarah Thomason, a prominent American linguist, is the use of more than one language at the same time in the same location (Thomason 2001, p. 1). This phenomenon has taken place in the considered period within the given geographical space. Here it seems crucial to broaden the perspective and state that lingual pluralism at times coexists with cultural pluralism which is the case for Mozarabs.

Speaking about morphological aspects of the analysis, they include the possibility of elaboration on homophonic type of diamorphic relations between words in Mozarabic and Arabic. For instance, the transformation of typically Arabic or Latin indicators of personal names and surnames are the case (see Chapter 3). Also, when we deal with kinship indicators we can spot an assimilation of morphemes, e.g., Latin suffix *-ez* (*-iz*, etc.) that used to form a paternal name has been easily substituted with Arabic formula *ibn* (son of...).

Phonetical interference is noticeable as well. In terms, suggested by Haugen, we can witness diaphonic (as there are two systems – in our case, Arabic and Mozarabic) relations in their convergent and divergent type. The essence of this very phenomenon is that, for example, originally Arabic glottal stop – [ʔ] – can acquire a form of [i] in Mozarabic as its Latin origins have not implied the ability of speakers to pronounce it.

One of the ways in which languages influence each other is borrowings of vocabulary. Such phenomenon is relevant for Arabic – Mozarabic connection. Numerous words found in contemporary Spanish beginning with *-al* have been borrowed from Arabic via Mozarabic or, as it is normally, from Latin but still through Mozarabic even experiencing slight transformations. For example, *alcaucil*, *artichoke*, have come to Spanish from Mozarabic, being a Spanish Latin diminutive of *capītia*, head. So, loanwords that came from Arabic have been sometimes losing their relevance, as it usually is, because of purist intentions or their communicational unsuitability.

The reader might as well get interested in whether there has been a grammatical dimension to the issue. As Torres Cacoullós and Travis note in their work grammar is less likely to be affected in the process of language contact, although recently the linguistic com-

munity begins to move towards the contrary idea (Torres Cacoullós, Travis 2018). So, when we address this problem in the context of Arabic influence on Mozarabic having examined some of Palencia's manuscripts, we find out that the grammatical aspect preserves the bases of Arabic. The verbs are simply Arabic and do not undergo any changes when combined with Latin elements. The grammatical dimension has not been marked as a separate part of this chapter as this notion seems to be an underdeveloped personal finding that requires further analysis.

Lastly, the graphical aspect of Arabic penetrated Mozarabic in a way that it merely adapted to Arabic ligature despite the prior dominance of Latin script. Again, it is appropriate to refer to Chapter 3 and to the works of González Palencia and Simonet in general, where Mozarabic is written in ligature. The system, however, has turned out to be not the most suitable for the transmission of voices of the language, so, going back to phonetical dimension, the way some voices have been transmitted varied drastically (see Chapter 3 for examples).

Mozarabic has been gradually disappearing because of linguistic hegemony of Castilian language caused by political hegemony. Mozarabic, however, has not failed to keep its presence in the future forms of Castilian up until now.

What has just taken place in the chapter is a part of a bigger process called dialinguistic description, a comparative analysis of the two selected language systems. Haugen's work on language contact has served as the main theoretical basis for the description.

Conclusion

In conclusion, the analysis shows that Arabic influence on Mozarabic is not among the most researched issues in Mozarabic studies. However, there is an apparent (and quite logical) center of such studies – Spain. Ángel González Palencia and Francisco Javier Simonet are, evidently, the key scholars who have contributed to the sphere having produced the compositions that address languages preceding and forming present-day Spanish and, broadly, Mozarabs. Yasmine Beale-Rivaya is their contemporary descendant in the sphere.

The key monograph of González Palencia is a unique piece which is a part of the little number of works and the most extensive in the studied sphere. Despite this, the paper, clearly, needs some additions and further carried out research. The author fails to provide the reader with the proper lexical support giving only the list of toponyms and personal names in the first volume and not giving any clarifications further in the volumes. What can be suggested here is, a compilation of the most frequently met verbs and a list of legal (and, generally, specific) terminology which is supposed to be among the main focuses of the work. What is to be proposed to somehow respond

to the requests is a classification of the vocabulary, seen in the analyzed manuscripts. Firstly, a highlight of legal terms as a class of words that is crucial for processing the data is needed. Secondly, verbs are to be placed in a special list, as they are inevitably limited in such type of documents. Then, a list of financial terms seems relevant as many of the documents deal with commercial issues. As it has been mentioned in Chapter 3, the restrictions in various cases depended on the religious or ethnic identity of a person, so, it would be logical to put a brief review of those before the main body of the manuscripts. Another point is the phonetical dimension of the work which is almost absent.

As for the second important part of works, the ones by Simonet, they would also profit from some minor changes and modifications even if they are the unique and essential basis for Mozarabic language studies. To begin with, the papers are very similar to the one written by González Palencia in terms of their composition and main focuses. Although, the author has been working back in the 19th century and, probably, has been simply unable to develop a whole linguistic elaboration on the issue he still has been able to pose some questions, like those that have already been mentioned in the previous paragraph regarding another author. Despite the division of manuscripts according to their origin and theme the classification of vocabulary is absent. Here the division may be the same, including the key verbs and some specific vocabulary. The groups of words can be placed after each group of manuscripts, so, it is easier to comprehend the themed words.

The purely linguistic aspect of the present work includes analysis of three dimensions of Arabic influence on Mozarabic: lexical; phonetical and graphical ones along with a brief notion of underdeveloped grammatical dimension. The dimensions, however, are only drawn artificially from different sources of information, so, it is apparent that a homogenous and complete research regarding linguistic approach to the topic is highly necessary to be implemented in the future.

As for the perspectives of the present research, we claim, that it exposes the need of creation of Mozarabic dictionary or even a whole corpus. Moreover, extensions, review and reprocessing of the works of González Palencia and Simonet may be introduced as they are quite antiquated and require some insignificant corrections, as it has been noted above. Also, the sphere of Mozarabic studies could benefit from the more detailed overview of some other works and research papers, dedicated to the other aspects of the present scientific field. Nowadays numerous institutions provide access to a big number of manuscripts and images, as the result, it might be easier to work with the documents of this historical period at the present time than it has been hundred of years ago.

Números enteros.	
1.- 8 8 8 8 8 8	90.- 9 0
2.- 5 8 8 8 8 8	100.- 2 8 2 2 2 2 2 2
3.- 2 8 8 8 8 8 8	200.- 2 0 2 2 2 2 2 2
4.- 6 8 8 8 8 8 8	300.- 3 0 3
5.- 7 8 8 8 8 8 8	400.- 4 0 4
6.- 8 8 8 8 8 8 8	500.- 5 0 5
7.- 9 8 8 8 8 8 8	600.-
8.- 0 8 8 8 8 8 8	700.- 7 0 7
9.- 1 8 8 8 8 8 8	800.- 8 0 8
10.- 2 8 8 8 8 8 8	900.- 9 0 9
20.- 2 0 2 0 2 0 2 0	1000.- 1 0 0 0
30.- 3 0 3 0 3 0 3 0	2000.- 2 0 0 0
40.- 4 0 4 0 4 0 4 0	3000.- 3 0 0 0
50.- 5 0 5 0 5 0 5 0	4000.- 4 0 0 0
60.- 6 0 6 0 6 0 6 0	5000.- 5 0 0 0
70.- 7 0 7 0 7 0 7 0	10.000.- 1 0 0 0 0
80.- 8 0 8 0 8 0 8 0	1700.- 1 7 0 0
	17.000.- 1 7 0 0 0
	42.896.- 4 2 8 9 6
Fracciones.	
1/2 - 2	1/4 - 4
1/3 - 3	1/8 - 8

Sistema de numeración.

Annex 1.

a	ا	gh	ع
b	ب	f	ف
t	ت	q	ق
th	ث	k	ك
j	ج	l	ل
h	ح	m	م
kh	خ	n	ن
d	د	h	ه
dh	ذ	w	و
r	ر	y	ي
z	ز	a	ا
s	س	i	ي
sh	ش	u	و
z	ض	aa	ا
t	ط	ee	ع
z	ظ	oo	و
'a	ع		

Annex 2.

References

- Beale-Rivaya, Y. (2010), The history and evolution of the term "Mozarab", *Imago Temporis. Medium Aevum*, vol. 4, no 2, pp. 51–71.
- Beale-Rivaya, Y. (2012), The Written Record as Witness: Language Shift from Arabic to Romance in the Documents of the Mozarabs of Toledo in the Twelfth and Thirteenth Centuries, *La corónica: A Journal of Medieval Hispanic Languages, Literatures, and Cultures*, vol. 40, no. 2, (Spring 2012), pp. 27–50.
- Beale-Rivaya, Yasmine, Texas State University (2020), [Online], available at: <https://www.worldlang.txstate.edu/people/faculty/beale-rivaya.html> (Accessed 20 March 2020).
- Catálogo General. Biblioteca Nacional de España (2020), [Online], available at: <http://www.bne.es/es/Catalogos/> (Accessed 15 March 2020).
- Corriente, F. (1977), *A grammatical sketch of the Spanish Arabic dialect bundle*, Instituto hispano-árabe de cultura, Madrid, Spain.
- Digitised Manuscripts. British Library (2020), [Online], available at: <https://www.bl.uk/manuscripts/> (Accessed 15 March 2020).
- Ferrando Frutos, I., (2000), The Arabic Language among the Mozarabs of Toledo during the 12th and 13th Centuries, J. Owens (ed.), *Arabic as a minority language*, Mouton de Gruyter, Berlin, New Yorks.
- Haugen, E. (1972), *The ecology of language*, Stanford University Press, Stanford, UK.
- Hernández, F. (1989), Language and Cultural Identity the Mozarabs of Toledo, *Boletín Burriel*, no. 1, pp. 29–48.
- Messenger, R. E. (1946), Mozarabic Hymns in relation to contemporary culture in Spain, *Traditio*, no. 4, pp. 149–177.
- Olstein, D. (2006), The Arabic Origins of Romance Private Documents, *Islam Chistian-Muslim relations*, vol. 17, no. 4, pp. 433–443.
- Palencia, Á. G. (1926), *Los Mozarabes de Toledo en los siglos XII y XIII*, Insituto de Valencia de Don Juan. E. Maestre, Madrid, Spain.
- Penny, R. (1991), *A History of the Spanish Language*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Prado, German, R. P. Mozarabic Melodics (1928), *Speculum*, vol. 3, no. 2, Apr., pp. 218–238.
- Sauri Colomer, R. (2006), Spain: Lexicography in Iberian Languages, K. Brown (ed.), *Encyclopedia of Language and Linguistics*, Elsevier, Oxford, UK.
- Simonet, F. J. (1888), *Glosario de voces ibéricas y latinas usadas entre los mozárabes*, Est. tip. de Fortanet, Madrid, Spain.
- Simonet, F. J., Lerchundi, J. (1881), *Crestomatía arábigo-española o Colección de fragmentos históricos, geográficos y literarios relativos a España bajo el período de la dominación sarracénica, seguida de un vocabulario de todos los términos contenidos en dichos fragmentos*, Imprenta de Indalecio Ventura, Granada, Spain.
- Simonet, F. J. (1897), *Historia de los mozárabes de España: deducida de los mejores y más auténticos testimonios de los escritores cristianos y árabes*, Viuda é hijos de M. Tello, Madrid, Spain.
- Thomason, S.G. (2001), *Language Contact*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Torres Cacoullos, R., Travis, C. E. (2018), *Bilingualism in the Community: Code-switching and Grammars in Contact*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- الحجي ع. الكتب والمكتبات في الاندلس. ابو ظبي: المجمع الثقافي، 2007.
- الدليمي ا. التحديات الداخلية والخارجية التي واجهت الاندلس خلال الفترة (300-366 هـ - 912-976 م). الموصل: جامعة الموصل، 2005.
- السامرائي خ. تاريخ العرب وحضارتهم في الاندلس. بيروت: دار الكتاب الجديد المتحدة، 2000.

Дата: поступления статьи: 13.08.2021

после рецензирования: 15.09.2021

принятия статьи: 30.09.2021

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Семиотические исследования» принимаются статьи, раскрывающие вопросы общей семиотики и смежных дисциплин, ориентированные на междисциплинарный синтез знания в рамках философии, литературоведения и социологии.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое рецензирование. Срок рецензирования – 1–2 месяца. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Подготовка статьи

Статья может быть предоставлена на русском, английском, немецком, французском, польском, китайском языках в электронном виде в формате .doc (semiotic@ssau.ru).

В статье должны содержаться следующие сведения:

1. УДК (<http://teacode.com/online/udc/>).
2. Сведения об авторе (авторах) (на русском и английском языках): ФИО, место работы, страна, электронная почта, ORCID (регистрация <https://orcid.org/>), по желанию другие идентификаторы в Scopus, WoS и т.д.).
3. Название статьи (на русском и английском языках, не более трех строк).
4. Аннотация (на русском и английском языках). Объем – 150–200 слов (на русском языке), 200–250 (на английском языке). Аннотация должна включать характеристику основной темы, проблемы (задачи) научной статьи, цели работы, методологию (методы исследования), эмпирический материал (источники), научные результаты и их новизну по сравнению с результатами, уже имеющимися в науке, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации.
5. Ключевые слова (на русском и английском языках 7–10 слов).
6. Цитирование (см. приложение «Образец оформления статьи»).
7. Благодарности (см. приложение «Образец оформления статьи»).
8. Информация о конфликте интересов (авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).
9. Информация об авторах (ФИО полностью, ученая степень, звание, должность, место работы (кафедра, вуз, организация, предприятие), почтовый адрес места работы с указанием страны и почтового индекса).
10. Библиографический список на русском языке, на английском языке References.

Структура основного текста статьи зависит от поставленных целей, задач и исследуемых проблем, но обязательно выделять в ее композиции: введение, постановку задач (проблем), методологию, ход исследования, полученные результаты и выводы.

Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Объем статьи – 20000–40000 печатных знаков с пробелами. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1. При использовании в тексте статьи дополнительных шрифтов они должны быть предоставлены отдельно. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах .jpg или .png.

Правила оформления ссылок

В журнале «Семиотические исследования» для оформления ссылок в тексте принят гарвардский стиль (Harvard style).

Пример оформления ссылок в тексте публикации в соответствии с гарвардским стилем:

1 автор: Текст ... (Богатова 2015), (Richardson 2015).

2 автора: Текст (Смирнова, Федорова 2013), (Cengel and Boles 2015).

3 автора: (Смирнова, Федорова, Иванов 2013), (Cengel, Rogers and Boles 2015).

Больше 3 авторов: (Смирнова и др. 2013), (Cengel et al. 2015).

Если в списке присутствуют однофамильцы, ставятся инициалы: (Иванов И.И. 2013).

Если нет авторов: (Название год).

Несколько работ одного автора: (Петров 2014, 2016), (Richardson 2015, 2018).

Несколько работ одного автора, опубликованных в один год: (Петров 2014a, 2014b), (Richardson 2015a, 2015b).

Если используется прямое цитирование: (Петров 2014, с. 25), (Richardson 2015, p. 98).

Если цитируемая статья написана на латинице (на английском, немецком, испанском, итальянском, финском, датском и других языках, использующих романский алфавит), ссылку на неё следует привести на оригинальном языке опубликования.

Правила оформления библиографического списка и References

Библиографический список должен содержать 15–30 источников.

У всех источников в библиографическом списке необходимо проверить присвоение DOI или URL (электронная ссылка на размещение статьи в РИНЦ, например) и указать его в библиографическом описании при наличии. Иностранные источники даются на языке оригинала.

Библиографический список

Библиографический список оформляется по ГОСТ Р 7.05–2008 в алфавитном порядке, не нумеруется.

Примеры оформления библиографического списка*Законодательные материалы*

Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012 г. № Федеральный выпуск № 5976.

Стандарты

ГОСТ 7.1-2003 СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления // Электронный фонд: [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200034383> (дата обращения: 27.01.2020).

Архивные документы

Материалы об организации Техникума печати при НИИ книговедения // ЦГАЛИ. СПб. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 381. Розанов И.Н. Как создавалась библиотека Исторического музея: докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки ФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

Книга одного автора

Рубальская Л.А. Такая карта мне легла: стихи, проза. Москва: Эксмо, 2008. 445 с. : ил.

Улицкая Л.Е. Люди нашего царя: сборник. Москва: Эксмо, 2008. 365 с.

Книга двух–трех авторов

Чиркова Ю.В., Колосова Т.А. Проективные методы в диагностике нарушений развития личности в детском возрасте : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. направлениям. Москва: Юрайт, 2019. 216 с.

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Книга четырех авторов

При наличии четырех авторов, книга описывается под заглавием, все четыре автора указываются за косой чертой.

Разнообразие микроорганизмов источников Байкальского региона: учебное пособие / Е.В. Лаврентьева, Д.Д. Бархутова, Б.Б. Буянтуева, Б.Б. Намсараев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2009. 148 с.

Книга пяти авторов

При наличии пяти авторов и более, книга описывается под заглавием. За косой чертой (сведения об ответственности) перечислить первых 3-х авторов с обозначением [и др.].

Рекреационный потенциал Баргузинского Прибайкалья и Селенгинской Даурии: проблемы освоения / К.Ш. Шагжиев, В.А. Бабинов, А.В. Мантатова [и др.]; Федер. агентство по образованию, Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та.

Многотомные издания

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 т. Т. 7. Письма, 1905–1926. Москва: Слово, 2005. 823 с.

Гиппиус З.Н. Соч.: в 2 т. / вступит. ст., подгот. текста и коммент. Т.Г. Юрченко. Т. 1. Без талисмана; Победители; Сумерки духа. Москва: Лаком-книга: Габестро, 2001. 367 с.

Статья из журнала

Никольская А.В. Влияние цифровизации на психологическое состояние студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 107–118.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Статья из книги или другого разового издания

Коломак Е.А., Трубехина И.Е. Анализ пространственной концентрации экономической активности в Новосибирской области // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. Отв. ред. Л.А. Руховец. Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 132–150.

Электронные ресурсы

РУКОНТ: национальный цифровой ресурс: межотраслевая электронная библиотека. URL: <https://rucont.ru> (дата обращения: 14.10.2019).

Конституция Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 27.01.2021).

Электронный Архив В.И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.lib.ru> (дата обращения: 27.01.2021).

Статьи с сайтов журналов и газет

Журавлева И. В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 132–152. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6414&l=&j=4 (дата обращения: 27.01.2021).

References

Библиографический список на латинице (References) оформляется по стандарту Harvard.

- Библиографические источники не нумеруются и располагаются в порядке, указанном в библиографическом списке.
- Для разделения элементов записи используют запятые.
- Запись всегда начинается с фамилии автора, затем инициалы, за которыми следует дата в скобках. Фамилии и инициалы авторов приводят в транслитерации (иностранных авторов – в оригинале).
- Если более чем одна запись одного и того же автора, сортировать по датам.
- Название книги и периодического издания всегда выделяется курсивом.
- Имя издателя показывается перед местом издания (как это было бы в адресе). Место издания – город, страна. Сокращения для штатов США должны быть с большой буквы и добавлены по мере необходимости.
- Ссылки на электронные ресурсы следуют тем же правилам, а затем «по адресу:» и URL-адрес.

Правила для русскоязычной литературы:

- ФИО автора (авторов) приводится в транслитерации.
- Название статьи переводят на английский язык.
- Название книги переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.
- Название периодического издания приводят в транслитерации. Если издательство (предприятие, учреждение, организация и т.п.) имеет официальное англоязычное название, то нужно приводить это название.
- Название издательства и организаций СНГ приводят в транслитерации.
- Название города, названия конференций, пояснительные слова, словосочетания переводят на английский язык. Для международных конференций, имеющих второе англоязычное название, приводят это название.
- Сокращения заменяют англоязычными аналогами:

part 2; volume 3; Vol. 3; pp. 10-19; 323 p.; no. 1; issue; Abstract of the dissertation; International conference proceedings (Int. Conf. Proc.); Scientific-and-technical (Sci.-Tech.) collected articles; dated 19 December 2013; monograph; Annals – Ann.; Annual – Annu.; Colloquium – Colloq.; Conference – Conf.; Congress – Congr.; Technical Paper – Tech. Paper; First; Second; Third; Fourth/nth... – 1st; 2nd; 3rd; 4th/nth...; Convention – Conv.; Digest – Dig.; Exposition – Expo.; International – Int.; National – Nat.; Proceedings – Proc.; Record – Rec.; Symposium – Symp.; Technical Digest – Tech. Dig.

Базовая структура

Фамилия, инициалы (год издания), название, издатель, место издания, журнал и т.д., точные ссылки.

Пунктуация должна быть следующей: для двух авторов отделяются «and» и без запятой; для нескольких авторов разделяются запятыми, но последняя фамилия должна быть связана с предыдущей «and» без запятой.

Книги

Англоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Русскоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название in English курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Книги с одним автором

Adair, J. (2018), *Effective management: How to save time and spend it wisely*, Pan Books, London, UK.

Книги с двумя и более авторами

Turchaninov, I.A., Joseph, M.A. and Kasparyan, E.V. (1989), *Fundamentals of Rock Mechanics*, Nedra, St. Petersburg, Russia.

Книги того же автора в том же году

Napier, A. (1993a), *Fatal storm*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Napier, A. (1993b), *Survival at sea*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Книги с анонимными или неизвестными авторами

The University Encyclopedia (1985), Roydon, London, UK.

Книги под редакцией

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Оригинальное название книги курсив*, № издания, in Фамилии, И.О. редакторов (ed.), издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Sjostrand, S. (1993), *Institutional change: theory and empirical findings*, M.E. Sharpe (ed.), Armonk, N.Y.

Статьи в журналах и периодических изданиях

Англоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Название статьи, *Название издания курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

Русскоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Перевод названия статьи на английский язык, *Название издания транслитерация или английское зарегистрированное курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

*Примеры оформления в References**журнальная статья*

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Khomenko, O.Ye. (2010), Control of the energy of rocks in underground ore mining, *Mining Journal. Ferrous metals*, Special Issue, pp. 41–43.

Huffman, L.M. (1996), Processing whey protein for use as a food ingredient, *Food Technology*, vol. 50, no. 2, pp. 49–52.

журнальная статья с номером тома и/или выпуском

Bessant, J. and Webber, R. (2001), Policy and the youth sector: youth peaks and why we need them, *Youth Studies Australia*, vol. 20, no. 1, pp. 43–47.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Daniel, T. (2009), Learning from simpler times, *Risk Management*, no. 1, pp. 40–44.

Karas T.H., Moore J.H. and Parrott L.K. (2008), Metaphors for cyber security, *SANDIA report*, vol. SAND 2008–5381, pp. 3–42, DOI: <http://doi.org/10.2172/947345>.

Электронные ресурсы

Необходимо следовать той же конвенции ссылок, как для печатных источников, но включать элементы, уникальные для Web:

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, available at: полный URL, (Accessed дата обращения).

Пример оформления в References

Young, C. (2001), English Heritage position statement on the Valletta Convention, [Online], available at: <http://www.archaeol.freeuk.com/EHPositionStatement.htm> (Accessed 4 Aug 2011).

Стандарт транслитерации

При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://translit.ru/?account=bsi>

Рукопись может быть возвращена авторам, если она не соответствует вышеприведённым требованиям.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 330

Дата: поступления статьи:
после рецензирования:
принятия статьи:

П.С. Петров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

И.В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере**Аннотация:****Ключевые слова:**

Цитирование: Петров П.С., Иванов И.В. Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 1. С. 15–25. DOI

Благодарности: авторы выражают благодарность (...) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Петров П.С., 2021 – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© Иванов И.В., 2021 – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

P.S. Petrov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

I.V. Ivanov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities**Abstract:****Key words:**

Citation: Petrov, P.S. and Ivanov, I.V. (2021), Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 15–25, DOI

Acknowledgments: the authors express their gratitude (...) for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Petrov P.C., 2021** – doctor of philology, assistant professor, professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Ivanov I.V., 2021** – doctor of philosophical science, professor, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Ход исследования

Полученные результаты и выводы (Заключение)

Источники фактического материала

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Библиографический список

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Журавлёва И.В., Лакомова Н.В. Региональные особенности отношения подростков к здоровью и окружающей среде // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8 № 4. С. 88–104. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7658.

References

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Epifancev, T.N. and Krjukov, A.V. (2017), Transformation of cultural codes, *Russian Journal of Lexicography*, no. 5, pp. 80–86.

Zhuravleva, I.V. and Lakomova, N.V. (2020), Regional Features of the Attitude of Adolescents to Health and the Environment, *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*, vol. 8, no 4, pp. 88–104, DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7658.

Submitted: _____

Revised: _____

Accepted: _____

